

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

в четырёх частях

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАЯ 2017 Г.

2017
ЧАСТЬ 2

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 мая 2017 г.

В четырех частях
Часть II

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
С 56

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МАН, академик РАН, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 56 Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 мая 2017 г.: в 4 ч. / Под общ. ред. Ж. А. Шаповал. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть II. – 158 с.

ISBN 978-5-9500092-8-0

ISBN 978-5-9500429-0-4 (Часть II)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук», состоявшейся 31 мая 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам юриспруденции, истории, политологии.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Зеленский Ю.В.</i> ТМУТОРОКАНЬ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ХРИСТИАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	6
<i>Матвеева Е.А., Чумачева Е.А., Чирков А.А.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ АЛТАЯ В ПЕРИОД РУКОВОДСТВА ПЕТРА ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА ТЯН-ШАНСКОГО В РУССКОМ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	8
<i>Нагиев Г.Г.</i> СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ	11
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	15
<i>Андреева Г.Н.</i> ОБ ОРИЕНТИРАХ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ КОНСТИТУЦИЯХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	15
<i>Башкатов Р.Н., Валуйсков Н.В.</i> ЗАЩИТА ПРАВА НА ДОБРОЕ ИМЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ...	20
<i>Башкатов Р.Н., Шурлова Ю.Э.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ.....	25
<i>Бесова М.В.</i> ПРОБЛЕМА НОРМИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ НАГРУЗКИ МИРОВЫХ СУДЕЙ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ОПТИМИЗАЦИИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	28
<i>Булгаков В.В., Башкатова Э.Э., Першина А.О.</i> КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ.....	31
<i>Булгаков В.В., Желтов Н.Н.</i> КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ В НОВОЙ РОССИИ	38
<i>Булгаков В.В., Комарова Д.А., Фирсова Е.Ю.</i> ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ	41
<i>Булгаков В.В., Кулинич И.Ю.</i> ЗАЩИТА ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН.....	44
<i>Булгаков В.В., Кушнир А.А., Новикова Е.В.</i> КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ	47
<i>Булгаков В.В., Мещерякова Е.Ю., Мамет Е.Е.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА	51
<i>Быкова А.П.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ	54
<i>Быкова А.П.</i> ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ	58
<i>Воробьева М.М.</i> МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СТАТУСА МИРОВОГО СУДЬИ	62

Гаврилкина Ю.В. ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1918 гг.).....	65
Горшенева Л.А. РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)	68
Грачева А.Ю., Седых В.А. ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СУЩНОСТИ	73
Григорянц С.А., Алферов А.В. КФХ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	76
Земзюлина А.А., Сметанин А.Г. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	79
Калиниченко К.А. СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК ПРОСТАЯ ФОРМА СОУЧАСТИЯ.....	82
Капранов М.М. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА, ПОДДЕРЖИВАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ..	84
Клопот Е.А., Мамедзаде М.Х. КОРРУПЦИЯ КАК АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ	87
Колыбанова В.А. О ФОРМЕ И ВИДАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	90
Кун Д.Е. ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УПК РФ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	95
Куприянова А.А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ЗАЩИТУ	99
Мурадян В.Ш. БРЕМЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОРОГ: АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ, ДОРОГ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ	103
Недбайлова В.Н. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ	107
Петренко Д.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ.....	111
Решетова Е.С. ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ, БЕЗОПАСНОСТИ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ АДВОКАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	115
Спицына Т.А. ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	118
Тумутолова Ю.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПЛЮРАЛИЗМА) В РОССИИ.....	121

Федоренко Н.В., Дзюба Л.М., Фатыхова Е.М.	
ИСТОЧНИК ПРАВА. СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	125
Чапурина А.Ю.	
АЛЕАТОРНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА	129
Шагалов А.В.	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА.....	135
Шведова Н.Н.	
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	141
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	146
Корнута И.В.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ.....	146
Кутузов Д.В.	
НЕОФЕОДАЛИЗМ КАК НОВАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА ИЛИ РЕАКЦИЯ НА ОСЛАБЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ.....	149
Пенякина М.С., Сметанин А.Г.	
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ	152
Пуговкина К.В.	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ПОЛИТОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ..	155

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ТМУТОРОКАНЬ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ХРИСТИАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Зеленский Ю.В.

старший научный сотрудник отдела археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются различные аспекты развития христианства в Тмуторокани в X – XI вв. Рассматривается процесс строительства храмов и монастырей в XI в.

Ключевые слова: Тмуторокань¹, христианство, крещение, храм, монастырь, князья.

Христианство на Северном Кавказе распространялось с самого начала его возникновения. Версия о распространении здесь христианства апостолом Андреем Первозванным является легендарной. Но, тем не менее, проникновение христианства отмечено. Достаточно успешно оно шло у алан. Распространение у алан христианства шло как из Византии, так из Грузии. Распространялось христианство также у зихов (предков современных адыгов) и у славянского населения Северного Причерноморья и Приазовья.

В 988 г. в летописном своде *Повесть временных лет* впервые был упомянут город Тмуторокань. Говорить о существовании русской Тмуторокани до этого нельзя. Попытки связать начало русского владения Тмутроканью со временем Игоря или походом Святослава Игоревича против хазар в 965 г. не подтверждаются письменными и археологическими источниками. Кроме того следует отметить, что вообще нет достоверных свидетельств о походе Святослава Игоревича на Северный Кавказ после разгрома хазар и взятия хазарской крепости Саркел. Общепринятым стало мнение, что так Святослав одержал победу над ясами (аланами) и касогами (их считают адыгами) то военные действия проходили на Северном Кавказе. Однако ясы обитали не только на Северном Кавказе, но и в Подонье. Сюда же правители Хазарии могли направлять касогов в составе воинских подразделений. Поэтому логично предположить, что победа над ясами и касогами могла быть одержана Святославом именно в Подонье, сразу же после взятия Саркела, который располагался на Дону.

Именно в Тмуторокань в 988 г. был отправлен княжить Мстислав Владимирович один из многочисленных сыновей Владимира Святославича. С этим направлением и было связано первое упоминание города. Из летописного сообщения следует, что Тмуторокань к этому времени уже существовала.

Однако ещё до этого можно говорить о наличии русского населения в Приазовье и Северо-Восточном Причерноморье и о существовании так называемой Приазовской Руси. О походах русов на Каспий в 860 г., 913 г., 944 – 945 гг. в русских летописях ничего не сообщалось. До нас дошли сведения об этих походах только из сочинений арабских историков. Поэтому можно предположить, что данные походы совершались причерноморскими русами. Иногда историки размещают

¹ Я придерживаюсь именно такого написания названия этого города.

в Северном Причерноморье и Приазовье Артании одного из центров Древней Руси наряду с Куябой и Славией.

Но при этом мало, что известно о распространении в Северном Причерноморье и Приазовье христианства. Христианство могло распространяться в Крыму и на Тамани из Византии.

В 867 г. какие-то русы приняли крещение. Традиционно их связывают с теми русами, которые в 860 г. совершили поход против Константинополя. Летопись ошибочно датировала этот поход 866 г. [Ипатьевская летопись, стб. 15]. Однако о последующем крещении русов в летописи ничего не сообщалось. Этот поход был искусственно приписан, княжившим в Киев Аскольду и Диру. Именно поэтому была предложена дата похода – 866 г.

Однако следует предположить, что креститься могли причерноморские русы. Данная гипотеза может основываться на том, что в Повести временных лет и в других летописных сводах ничего не сообщалось о крещении киевских русов и княживших здесь Аскольда и Дира.

Следует также отметить, что дата начала княжения в Тмуторокани Мстислава – 988 г. весьма условна. Весьма вероятно, что он стал княжить здесь в 1010 или в 1015 гг. В любом случае с появлением в городе русского князя здесь должны были появиться и христиане. Христиане должны были быть в дружине тмутороканского князя.

В 1022 г. Мстислав Владимирович совершил поход против касогов и победил в поединке их князя Редедю. После этого в исполнении обета данного во время поединка он повелел построить в Тмуторокани каменную церковь Пресвятой Богородицы [Ипатьевская летопись, стб. 134].

Этот храм был построен позже, чем церковь Богородицы (Десятинная) в Киеве, но раньше, чем Софийский собор в Киеве. Храм находился в городе ещё к моменту составления летописного свода Повесть временных лет – к концу XI – началу XII вв. Фундамент этой церкви был открыт на Таманском городище экспедицией Института археологии Академии наук под руководством Б. А. Рыбакова в 1954 – 1955 г.

В летописи содержатся имена и других тмутороканских князей кроме Мстислава Владимировича. Это князь-изгой Ростислав Владимирович, захвативший город в 1064 г., князь Глеб Святославич, князь Роман Святославич, князь Борис Вячеславич, князь Роман Святославич. Возможно, также некоторое время в городе княжил полоцкий князь Всеслав Брючиславич, успевший стать князем в Киеве и бежавший оттуда в 1069 г. Несомненно, всё это время шло распространение в городе христианства. Этому имеются письменные и вещественные подтверждения.

В 1061 г. в Тмуторокань, спасаясь от гнева великого князя Изяслава Ярославича бежал монах Киево-Печерского монастыря (впоследствии летописец) Никон. В окрестностях Тмуторокани им был основан монастырь. Археологами был обнаружен фундамент этого монастыря недалеко от Тамани на горе Зеленской.

После того как Мстислав Владимирович вокняжился в Тмуторокани у нас нет оснований считать, что существовала Тмутороканская епархия, подчинённая Киевской митрополии. Тем более, что до 1037 г. нельзя говорить о существовании этой митрополии.

Можно считать, что в Тмуторокани существовала Зихская епархия, которая управлялась из Константинополя [2, с. 50]. В XI в. упоминаются епископы Зихской епархии Антоний и Николай.

В 1094 г. Олег Святославич покидает Тмуторокань. После этого город не упоминается в летописях. Считается, что уходя из города Олег Святославич передал его под управление Византии и Тмуторокань попадает под протекторат империи. Однако в городе наверняка осталось русское христианское население. Но этому нет подтверждения ни в письменных, ни в археологических источниках.

Таким образом, Тмуторокань можно считать одним из центров распространения христианства на Северо-Западном Кавказе. В городе была построена каменная церковь Пресвятой Богородицы, в окрестностях города существовал монастырь. Тмуторокань входила в состав Зихской епархии, которая управлялась из Константинополя.

Список литературы

1. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки славянской культуры. 2001. 648 с.
2. Мошин В. А. Николай, епископ Тмутороканский // *Seminarium Kondakovianum*. Прага. 1932. С. 47-62.

ИССЛЕДОВАНИЯ АЛТАЯ В ПЕРИОД РУКОВОДСТВА ПЕТРА ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА ТЯН-ШАНСКОГО В РУССКОМ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Матвеева Е.А., Чумачева Е.А.

магистранты, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

Чирков А.А.

кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

В статье рассматривается исследование насекомых на Алтае Русским энтомологическим обществом в период руководства П.П. Семенова Тян-Шанского. Рассмотрены основные поездки на Алтай с энтомологической целью.

Ключевые слова: Алтай, энтомология, Русское энтомологическое общество, Петр Петрович Семенов Тян-Шанский.

Древность насекомых сопоставима с древностью геологических процессов, сформировавших облик нашей планеты. Древнейшие ископаемые отпечатки датированы девоном и свидетельствуют о том, что почти 300000000 лет назад уже существовали крылатые насекомые. Поэтому их изучение привлекало ученых и исследователей во всем мире [1].

Развитие энтомологии в мире имеет давние истоки, так первые наблюдения за насекомыми зафиксированы в ассирийской клинописи и египетских папирусах. В России энтомология ассоциировалась с решением прикладных проблем. Большой вклад в развитии науки внесли экспедиции, организованные Российской академией наук. Постепенно обретая статус научной дисциплины, энтомология обогащалась новыми фактами в работах натуралистов, путешественников, любителей

¹ Поддержка данного проекта осуществлена в рамках благотворительной деятельности, на средства, предоставленные Фондом Михаила Прохорова.

естественных наук. Так существенным вкладом являлось создание, по примеру Франции (1832) и Англии (1833), Русского (затем Всесоюзного) энтомологического общества в 1859 г., консолидирующее усилия энтомологов-профессионалов и многочисленных любителей. Первые имена сохранились лишь на этикетках, сопровождающих собранные ими материалы, и в скупых ссылках на авторство в сравнительно немногих публикациях. Основателем и первым президентом общества стал великий эмбриолог и натуралист К.М. Бер – автор работ по биологии и географии, организатор энтомологических исследований.

Число членов в течение первого года 102, далее постепенно увеличивалось и насчитывало 340, всего с основания Общества в его среде перебивало 790 лиц по данным на 1910 г.

Экскурсии и экспедиции членов общества под руководством президента преследовали две цели: изучение фауны и биологии насекомых, с коллекционированием материалов и изучением вредителей и применение мер борьбы с ними.

Существенный вклад в изучение насекомых России внес Петр Петрович Семенов Тян-Шанский, который принимал участие в деятельности общества со дня его основания и в 1889 г., на последнем собрании за год, выбран президентом и с января 1890 г. вступил на должность, проработав на которой до самой смерти 1914 г.

Он являлся организатором экспедиций в окраины России, но наибольшая заинтересованность была сосредоточена в Сибири, в том числе благодаря ему совершились первые энтомологические экспедиции на Алтай. Так в 1897 г. на собрании от 3 февраля «рассмотрена записка действующего члена общества А.Г. Якобсона, который обратился в общество с просьбой о оказании денежного пособия в размере 300 руб. на расходы в поездку с энтомологической целью в Алтайские горы, каковую поездку А.Г. Якобсон предполагает совершить совместно с Ю.Н. Вагнером в течение следующего лета». Просьба была удовлетворена с условием, что часть собранных энтомологических материалов поступит в собственность общества. На заседании от 15 сентября 1897 г. А.Г. Якобсон сделал сообщение о поездке, познакомил с собранным богатым материалом сибирских насекомых, особенно по чешуекрылым и в знак благодарности уведомил о отправке в знак благодарности в два сибирских музея по коллекции насекомых [3].

А.А. Силантьев летом 1897г. совершил поездку по поручению Министерства Земледелия в Алтайские горы, результаты которого были представлены работ «Исследование мараловодства на Алтае». Цель поездки – не только всесторонне изучение новой и ценной отрасли животноводства на Алтае, но энтомологическое исследование. Итогом поездки стали ценные экспонаты млекопитающих, птиц, земноводных и пресмыкающихся, рыб, а также насекомых на вате в количестве более 5000 шт. [2].

А.Г. Якобсон повторно совершил поездку на Алтай, так на собрании от 09.03.1898 г. «Желая продолжить исследования фауны насекомых южных частей губерний Енисейской и Томской хребтов – Чукчута и Абаканского», совет общества одобрил и предоставил сумму в размере 300 руб. для поездки. Отчет был представлен на собрании от 07.12.1898 г., результатом стало собрание листоедов Бийского округа последней губернии в количестве 113, не многие из них широко распространены и распространены помимо Сибири так и в Европе, но большая часть являются характерными обитателями Алтая [7].

В 1906г. совет постановил отправить А.Г. Якобсона в командировку с энтомологической целью – сбор насекомых в юго-западной части Алтайского хребта. Результат предоставлен в сообщении от 04 февраля 1908г. «О поездке в 1906 года в юго-западный Алтай». Общество выделило 150 рублей, а президент общества П.П.Семенов выдает от себя 100 рублей. Также в 1908 г. совершил повторную поездку на Алтай, на р. Катунь в селение Онгудай и к отрогам Катунских белков, итоги огласил на собрании общества от 12 января 1909 г. [4].

В 1909 г. на территории северо-восточного Алтая С.М. Чугунов из Томска летом собирал чешуекрылых, собранный материал отправлен в общество.

Общество не только совершало экскурсии и экспедиции на Алтай, но и сами жители способствовали развитию энтомологии. Так в действующие члены были приняты:

- в 1897 г Б.И. Гоувальт, проживающий в городе Бийск Томской губернии (в настоящее время Алтайский край), который в 1899 г. переехал в Благовещенск Амурской области, где продолжал свои исследования;

- в 1896 г. Е.Г. Роддъ, ученый лесовед, область изучения которого были жесткокрылые. Проживал в г. Барнаул Томской губернии (в настоящее время Алтайский край);

- в 1899 г. Г.В. Орлов, проживающий в г. Барнаул Томской губернии (в настоящее время Алтайский край) [6].

Также с 1911 г. происходит обмен между Русским энтомологическим обществом изданиями с Алтайским Подотделом Западно-Сибирского и Русского географического общества отдела в Барнауле [5].

Русское энтомологическое общество в период руководства П.П. Семенова Тянь-Шанского активно исследовало Алтай. Результаты, которых были опубликованы в сборниках и трудах были использованы не только энтомологами и любителями, но и лесными хозяйствами для предотвращения уничтожений сельского хозяйства от вредителей, а коллекции насекомых разосланы в музеи России и мира.

Список литературы

1. Захватин Ю.А. Курс общей энтомологии: учебник. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
2. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае (Предварительное сообщение). СПб.: Тип. Градоначальства, 1900. 35 с.
3. Труды Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге. Т. XXXI. Типография Императорской академии наук. 1898. 637 с.
4. Труды Русского энтомологического общества (Санкт-Петербург). Т. XXXVIII. Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 627 с.
5. Русское энтомологическое обозрение. Т. XI. СПб.: Кюгельген, Глич и Ко, 1911. 462 с.
6. Русское энтомологическое обозрение. Т.- XIII.: СПб Типография Кюгельген, Глич и Ко. 1913. 497 с.
7. Якобсон Г.Г. Листоеды западной Сибири, собранные А.Г. Якобсоном в 1897 и 1898. Отдельный оттиск из «Трудов Русского энтомологического общества т. XXXV».: Типография Императорской академии наук, 1901. 2 с.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Нагиев Г.Г.

кандидат исторических наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина, Россия, г. Москва

В статье рассматривается процесс возникновения и развития средневековых городов Азербайджана. Анализируются вопросы планировки, особенности системы обороны, социальной структур средневековых городов.

Ключевые слова: Азербайджан, средневековье, феодальный город, фортификация, топография, социальная структура средневековых городов.

Выявить социальные, экономические, политические, религиозные особенности на каждом этапе развития средневековых городов, выделить общие и индивидуальные тенденции в их жизни – одна из главных задач исторической науки.

В средневековом Азербайджане существовали крупные города – культурные, экономические и политические центры, с мощными крепостными сооружениями: Гянджа, Баку, Ардабиль, Барда, Бейлаган, Габала, Шамкир, Дербент, Нахчыван, Шабран, Шамахи, Табриз, Тахти-Сулейман (Шиз), Гиран и другие.

Вопросы, связанные с локализацией и определением времени возникновения многих городов средневекового Азербайджана, до сих пор остаются открытыми.

Исследования показывают, что некоторые города возрождались на основе античных крепостей – городищ или образовывались при культовых храмах, на месте рынка и т.д. Часть городов развивалась вследствие роста феодальных крепостей и пограничных пунктов. В одних случаях древние поселения, обнесенные оборонительными стенами и башнями, в дальнейшем стали городскими центрами. В других, города выросли в результате эксплуатации природных богатств местности (медная и железная руда, нефть, соль и т.д.) [4, с. 25].

В ходе феодализации общества ускоряется процесс урбанизации, отстраиваются старые города, возникают новые. Как свидетельствуют письменные и археологические материалы, в эпоху раннего феодализма на территории Азербайджана были построены массивные «длинные» оградительные сооружения – Гильгильчайская, Бешбармагская стены, Даг бары (Горная стена), которые защищали не только города, но и целые регионы от иноземных нашествий.

Раннесредневековый период в истории Азербайджана (V-VII вв.), характеризуется широким строительством городов–крепостей, пунктов оборонного назначения, как в пограничных регионах, так и внутри страны. В основном раннесредневековые города возникли недалеко от античных, на новом, более удобном в стратегическом отношении месте. Эти «великие», «славные» города расположены были на магистральных путях международной транзитной торговли и являлись крупными военно-политическими, социально-экономическими и культурно-религиозными центрами. Об этом свидетельствуют письменные источники, где упоминаются города Бейлаган, Дербент, Партав (Барда), Гиран (Хараба Гилан), Габала, Багаван, Чола (Чога), Шаки, Шамкир, Гардман, Нахчыван, Халхал, Амарас, Агвен (Алвен), Шамахи, Ардабиль, Тебриз, Марага, Ширван, Шабран и др. [2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10].

Средневековые города Азербайджана имели двухчастные (цитадель – ичгала, балагала, нарынгала), собственно город (шахристан)) или трехчастные (цитадель, шахристан, пригород – рабад (байыршехер)) структуры, что связно было с топографическими особенностями и социальным положением.

Цитадель – особа привилегированная часть города, занимала наиболее возвышенную и защищенную часть города, где размещались дворец правителя, казна, административные здания. Цитадели были рассчитаны на длительную оборону и отличались особой надежностью.

Шахристан, обнесенный крепостными стенами и сосредоточивающий крупные общественные, культовые и жилые сооружения возник вокруг цитадели. Площадь шахристана были самыми различными в зависимости от местности.

Планировка средневековых городов Азербайджана была обусловлена некоторыми факторами: географические свойства местности, характерные черты развития города (хаотичное развитие, построение по единой планировке) и др.

Исследование городов Азербайджана позволяет выделить четыре основных типа конфигурации. Города: 1) с прямоугольными очертаниями, расположенные в равнинных областях (Бейлаган, Гянджа, Шамкир, Барда, Хой и др.); 2) с овальным или круглым очертанием, расположенные в разных рельефах местности (Шиз, Баку, цитадель Хараба Гилана); 3) с неправильным очертанием, расположенные в горных или предгорных районах (Шамахи, Габала); 4) сочетавшие правильную и неправильную конфигурации в планировке (Дербенд, Нахчыван (Йезидабад)).

Раннесредневековые города имели мощные крепостные стены и башни, строительным материалом для которых служили сырцовые кирпичи большого размера и глинобитная масса (мохра). Монолитные оборонительные стены без внутренней галереи, по всей вероятности, связано с появлением стенобитных орудий. Башни (в основном круглые в плане, в то же время, имеют место и прямоугольные) становятся важными элементами в системе обороны. Глубокие и широкие оборонительные рвы дополнительные защищали города.

Во второй половине VIII – X вв. процесс формирования городов происходит в основном на базе раннесредневековых городов, однако возникают и новые. Внешний облик городов, который сформировался задолго до завоевания арабов, в основном сохраняют свои прежние черты. Начиная с XI в. происходят существенные изменения во внешней и внутренней структуре городов. Города укреплялись мощными оборонительными системами: двумя или тремя линиями крепостных стен, оборонительных рвов. После восстановительных работ стены некоторых городов получают большую монолитность, чем раньше, сплошная сырцовая техника заменяется комбинированной (сырец, мохра), в строительстве крепостных стен и башен применяются и жженые кирпичи. «Длинные стены» теряют оборонное значение в системе защиты городов.

На втором этапе средневековья (XI – начало XIII вв.) развитие городов получает особый характер. В результате социального расслоения в обществе и перенаселения шахристана, за крепостными стенами его постепенно разрастаются новые районы – рабады, где концентрируются основные экономические, политические, культурные элементы городского организма. Города принимают активное участие в международной торговле [11; 12]

В строительстве фортификационных систем городов широко применяются обожженные кирпичи [13]. Толщина крепостных стен и башен увеличивается за счет панцирной облицовки ранних стен (Бейлаган) [2]. По мере расширения терри-

тории города, возводятся новые крепостные стены (Гянджа) [5]. Оборонительные рвы присутствуют в системе обороны.

Кроме стен, башен и рва в систему обороны городов включаются небольшие отдельно стоящие внегородские крепости на подступах к городу, которые выполняли наблюдательные, сигнализирующие функции. Имелись феодальные замки, выполняющие функции места убежища, резиденции правителей с самостоятельным гарнизоном.

Как раннесредневековый период, так и в развитом средневековье оборона городов, строительство их укреплений сочетались с рельефом местности, максимально использовались естественные преграды.

Внутренняя структура средневековых азербайджанских городов разделена была на отдельные кварталы (мехелле). На кварталах находились жилые дома, ремесленные мастерские, торговые ряды и лавки, бани, мечети, медресе, караван-сарай, площади и улицы, тупики, закоулки и. т.д. Центр квартала находился у мечети.

Для водоснабжения в городах использовали керамических трубопроводы (Бейлаган, Габала, Шамахи, Барда, Дербент), кягризов-колодцев (Гянджа, Барда и Шамкир), водных резервуаров (Дербент, Хунан, Хараба Гилан, Шамкир) [1; 6; 7; 8; 9]. Для обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах были предусмотрены канализационные устройства и дренажные системы (обнаружены в Бейлагане, Дербенте, Шабране, Шамкире).

Как и в античности, в средние века города были очень важными ремесленно-производственными центрами. Результаты археологических раскопок – предметы богатой материальной культуры рассказывают о большом развитии в городах работы по камню, железу, кости, дереву, гончарного ремесла, производства стекла, ювелирного, красильного, кожевенного, ткацкого ремесла и ряда других ремёсел.

В 20-е годы XIII в. в связи с монгольским нашествием развития многих городов Азербайджана был прерван, многие из них утратили свое былое значение и не были восстановлены. В некоторых городах, начиная со второй половины XIII в., жизнь возрождается и продолжает развиваться в последующие века.

Список литературы

1. Археология Азербайджана. VI т. – Баку. – Восток – Запад, 2008. – 632 с. (на азерб. яз.).
2. Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. – Баку – Элм, 1979. – 200 с.
3. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). – Баку. – Элм, 1983. – 342 с.
4. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании (IV в. до н.э. III в. н.э.). – Баку – Элм, 1990. – 236 с.
5. Джафарзаде И.М. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. – Баку – 1949. – 103 с.
6. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха IX – XVII вв. – Баку – Элм, 1981. – 176 с.
7. Достиев Т.М. Благоустройство средневековых городов Азербайджана // Гобустан. – 1993. – №1-2.
8. Достиев Т.М. Городища северного Азербайджана: древность, средневековье// ИРС (Наследие). №5 (23). – М., 2006. – С. 17.
9. Ибрагимов Б.И. Средневековый город Киран. Баку; Москва. – 2000. – 176 с.
10. Мурадалиева Э. «Золотой век» городов Азербайджана // Кавказ и глобализация. – Т. 4, № 1–2. – 2010. – С. 217-230.

11. Нагиев Г.Г. Изменения в структуре средневековых городов Азербайджана – формирование рабадов (VII-X вв.) // Вестник Московского университета. Серия 8: история. – № 2. – 1997. – С. 73-88.

12. Нагиев Г.Г. Фортификация и топография средневековых городов Азербайджана: (V – начало XIII вв.): автореферат дис. на соискание уч.степени канд. ист. наук. М.: – МГУ. 1994. – 25 с.

13. Нагиев Г.Г. Техника строительства крепостных сооружений средневековых городов Азербайджана // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований №5. – 2014. – С. 28-31.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ОБ ОРИЕНТИРАХ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ КОНСТИТУЦИЯХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Андреева Г.Н.

ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент,
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, г. Москва

В работе показаны имеющиеся в российских публикациях по конституционному праву проблемы с выявлением конституционных норм о праве интеллектуальной собственности, указаны их причины и обозначены ориентиры для выявления конституционных норм, регулирующих право интеллектуальной собственности при отсутствии данного понятия в тексте конституции. К этим ориентирам автор относит выводы национальной научной доктрины в зарубежных странах и решения национальных органов конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционное право, интеллектуальная собственность, конституционные нормы, национальная научная доктрина, решения органов конституционного контроля.

В российских работах по конституционному праву, посвященных конституционному регулированию права интеллектуальной собственности, по поводу времени появления и наличия в современных конституциях соответствующих норм высказываются различные, нередко прямо противоположные мнения. По мнению одних исследователей такие нормы содержались уже в первых конституциях [10, с. 102], по мнению других они появились в тридцатые годы XIX в. [1, с. 48], третьи полагают, что это произошло только во второй половине XX в. [11, с.123]. Такой разброс во мнениях по вопросу о времени появления в конституциях норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, свидетельствует об отсутствии ориентиров для отнесения конституционных норм к нормам, регулирующим право интеллектуальной собственности, в случае отсутствия в них данного термина.

Очевидно, что ученые, которые относят появление конституционных норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, только ко второй половине XX в. «не видят» более ранние конституционные нормы не только в силу недостаточной разработанности вопросов истории конституционного регулирования интеллектуальной собственности [2, с. 15-20], но и постольку, поскольку применяют более ранним конституциям современные критерии. С определенной долей вероятности можно предположить (хотя авторы только заявляют о своих взглядах, но не обосновывают их), что сторонники последней из приведенных точек зрения считают таковыми только положения конституций, в которых используется термин «интеллектуальная собственность» (Азербайджан, Боливия, Перу, Словакия, Филиппины и некоторые другие). Таким образом, если в конституции присутствует термин «интеллектуальная собственность», исследователи чувствуют себя уверенно, но в его отсутствие четких ориентиров для отнесения тех или иных норм к числу норм, регулирующих отношения интеллектуальной собственности, нет. Как показывает практика, эта проблема возникает, прежде всего, в тех исследованиях, в ко-

торых конституционный материал по зарубежным странам используется в качестве иллюстрирующего какие-то теоретические положения работы, если при этом авторы ограничиваются цитированием существующих переводов на русский язык зарубежных конституций, не обращаясь к конституционно-правовой доктрине и практике соответствующих стран. Отсюда и ошибки в виде исключения тех или иных норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, из числа последних, и, как следствие этого, затруднения в оценке современного конституционного регулирования интеллектуальной собственности.

Вместе с тем заведомо «безошибочное» ограничение исследований только конституциями, в которых используется понятие «интеллектуальная собственность», не дает сколько-нибудь полной картины конституционного регулирования интеллектуальной собственности, поскольку далеко не во всех конституциях мира присутствует данное понятие. Г.В.Усов, исследовавший на данный предмет более ста конституций разных регионов мира, обнаружил понятие «интеллектуальная собственность» только в 37 из них [8, с. 20], т.е. примерно в трети изученных конституций. Косвенно этими данными он подтвердил мнение Т.А. Морозовой (которое, впрочем, последняя никак в своей работе не обосновывает) о том, что «применение термина “интеллектуальная собственность” в рамках основного закона государства не слишком распространенное явление в зарубежных странах» [7, с. 26]. Означает ли это, что в остальных странах право интеллектуальной собственности не имеет никакой конституционной защиты? Разумеется, нет. Понятие «право интеллектуальной собственности» является «зонтичным» понятием, охватывающим весьма разнородные явления, от авторских прав до прав на торговые марки, эти охватываемые понятием права интеллектуальной собственности права регулировались, начиная с первых конституций. Например, базовой конституционной нормой, защищающей право интеллектуальной собственности в США, признается положение разд. 1 ст. 8 Конституции США 1787 г. о полномочиях Конгресса США «содействовать развитию наук и полезных искусств, ограждая на определенный срок права собственности авторов и изобретателей на их произведения и открытия» [4, р. 813]. Это положение является конституционной основой для формирования авторского и патентного права, и в современной американской научной литературе получило название IP Clause (т.е. клаузулы об интеллектуальной собственности) [18, р. 902]. Статья 357 Конституции Франции 1795 г. содержала положение об обеспечении за изобретателями права исключительной собственности на их изобретения и о законодательном регулировании вознаграждения изобретателей. Развитие идей, заложенных в первых конституциях, привело к современной ситуации, когда в одних странах право интеллектуальной собственности регулируется одной или несколькими конституционными нормами об отдельных правах, в которых термин «интеллектуальная собственность» не используется, и это более «старое» и «укорененное» в текущем законодательстве регулирование, а в других странах конституционный законодатель включил данный термин в конституционный текст. Однако и в том, и в другом случае для регулирования права интеллектуальной собственности имеются конституционные основы.

Таким образом, возникает вопрос о том, какие ориентиры следует использовать российским исследователям зарубежных конституций, чтобы выявить конституционные нормы, регулирующие право интеллектуальной собственности, если данное понятие в конституции не используется?

Практика зарубежных стран показывает, что конституционный законодатель и правоприменитель используют разнообразные сложившиеся ранее приемы регулирования и традиционные нормы для того, чтобы обеспечить конституционную защиту права интеллектуальной собственности. Для выявления этих норм необходимо обращение к национальной конституционно-правовой доктрине соответствующих стран и решениям их органов конституционного контроля. Причем, если ранее во многих зарубежных странах вопрос о том, является ли какое-либо конституционное положение основой для регулирования отношений интеллектуальной собственности, был в науке конституционного права дискуссионным в случае неопределенности конституционных формулировок, то с распространением конституционного контроля и по мере принятия данными органами решений по вопросам интеллектуальной собственности для науки в целом (включая российскую науку конституционного права) эта проблема в значительной степени снимается. Ориентирами для исследователей служат национальная конституционно-правовая доктрина соответствующей страны в сочетании с решениями национального органа конституционного контроля.

Рассмотрим применение указанных ориентиров для выявления норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, в конституциях, не содержащих понятие «интеллектуальная собственность», на относительно простом примере из Основного закона ФРГ. В данном конституционном акте отсутствует понятие «интеллектуальная собственность». Однако ст. 14 Основного закона ФРГ содержит знаменитое положение о праве собственности как таковом: «1. Собственность и право наследования гарантируются. Их содержание и пределы определяются законом. 2. Собственность обязывает. Ее использование должно служить общему благу» [6, с. 585]. Хотя данное положение не говорит прямо об интеллектуальной собственности (а она обладает значительным своеобразием), в немецком конституционном праве имуществом, на которое распространяются конституционные гарантии права собственности, вытекающие из ст. 14, считаются, в том числе, авторские и патентные права [3, с. 76-77.]. Как отмечает немецкий исследователь Т.Ланг, «важнейшим и первейшим основным правом, на основе которого осуществляется защита интеллектуальной собственности, является, прежде всего, право собственности по ст. 14 Основного закона» [15, S. 13]. Эта идея в Германии глубоко проработана доктринально, причем распространение на интеллектуальную собственность действия ст. 14 в немецкой науке связывают с решением Федерального конституционного суда о привилегиях, относящихся к школьным учебникам [19, S. 209; 14]. Позднее Федеральный конституционный суд распространил защитные меры по данной статье на торговые марки и другие виды интеллектуальной собственности [15, S. 13].

Приведенный пример демонстрирует доктринальное единодушие и совпадение с ним позиции органов конституционного контроля. Однако применение указанных ориентиров таит в себе и некоторые сложности, поэтому, исследуя конституции, в которых отсутствует понятие «интеллектуальная собственность», на предмет выявления норм, обеспечивающих ее конституционную защиту, важно иметь в виду как минимум следующие обстоятельства.

Во-первых, органы конституционного контроля, принимая решение по конкретному делу, далеко не всегда стремятся дать его всеобъемлющую характеристику, чаще они обращают внимание на один из аспектов права интеллектуальной собственности, важный для решения по данному делу, причем далеко не всегда

связанный именно с «подозреваемой» в конституционном регулировании права интеллектуальной собственности нормой. В силу этого, в разных решениях органов конституционного контроля могут фигурировать разные конституционные нормы в качестве основных, базовых для урегулирования того или иного аспекта интеллектуальной собственности для решения по данному делу (право собственности, свобода слова, неприкосновенность личной жизни, свобода печати и т.д.). Такой «разброс» в решениях органов конституционного контроля показан (но не объяснен), например, в статье Г.В.Усова [9, с. 78-80]. В этом плане конституции, не использующие понятие «интеллектуальная собственность», находятся в том же положении, что и конституции, которые его содержат. Это подтверждает приведенное в российской литературе решение Конституционного суда Колумбии по вопросам защиты права интеллектуальной собственности, в котором данный Суд сослался на нарушение свободы слова и неприкосновенности личной жизни [9, с. 79], притом, что в Конституции Колумбии содержится ст. 61, согласно которой «государство охраняет интеллектуальную собственность в течение столь долгого времени и при соблюдении стольких формальностей, сколько установлено законом» [5, с. 564].

Аналогичным образом действует и правоприменитель, причем нередко даже в условиях сложившегося признания той или иной конституционной нормы в качестве основной для защиты права интеллектуальной собственности. Приведем пример из практики Патентного ведомства США. Это ведомство отказало в патентоспособности притязаний по вопросам клонирования человеческого существа, сославшись на поправку к Конституции США, запрещающую рабство и подневольное состояние [12, с. 72], а не на «IP Clause» разд. 8 ст. 1 Конституции.

Таким образом, конкретное решение органа конституционного контроля или правоприменителя может быть и непоказательным. Для того, чтобы данный ориентир убедительно «работал», необходимо обстоятельное и комплексное исследование национальной научной доктрины в сочетании с анализом решений органов конституционного контроля.

Во-вторых, в отношении конституций, которые не содержат понятия «интеллектуальная собственность», необходимо иметь в виду особенности исследуемой (или приводимой в качестве примера для иллюстрации каких-либо теоретических построений) конкретной национальной модели конституционного регулирования права интеллектуальной собственности. Эти модели для целей анализа и приведения примеров конституционных норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, имеет смысл разделить на две большие группы: конституции с одной нормой и конституции с двумя и более нормами, имеющими прямое отношение к праву интеллектуальной собственности. Если в первой группе конституций имеется одна базовая норма, которая является исходной для анализа конституционной защиты права интеллектуальной собственности, и на которую с достаточной долей уверенности можно ссылаться при сравнении конституций разных стран (как в приведенном ранее примере ст. 14 Основного закона ФРГ), то применительно ко второй группе конституций это не будет столь же убедительно.

Данная вторая группа конституций, содержащих несколько норм, регулирующих право интеллектуальной собственности, достаточно многочисленна, и решить вопрос о приоритете одной из конституционных норм, а также о соотношении (взаимосвязях) между ними, не так просто. В качестве примера приведем конституционное регулирование права интеллектуальной собственности в Испании 1978 г. Как известно, эта Конституция, принятая в переходный от диктатуры период, носит консенсусный характер и «впитала» самые разные по своему политиче-

скому флеру, происхождению и содержанию конституционные положения. Право интеллектуальной собственности согласно научной доктрине, выработанной в Испании, регулируется на конституционном уровне, прежде всего, двумя нормами, относящимися к правам человека: положением о защите права частной собственности п. 1 ст. 33 («признается право на частную собственность и ее наследование») и подп. «b» п. 1 ст. 20 («признаются и охраняются права на...техническое, научное, художественное, литературное творчество и производство»). Вопрос о том, какое именно из них следует рассматривать, как приоритетное, является предметом научной дискуссии [16, р. 234]. Конституционный суд Испании в одном из решений использовал положение о праве собственности для обоснования своей позиции по вопросу о защите права интеллектуальной собственности, но речь шла только об одном из аспектов ее защиты. Оба приведенных выше положения являются продолжением традиционных формулировок о защите права интеллектуальной собственности, имеющих свои прототипы еще в первых конституциях. Помимо них, в Конституции Испании имеется компетенционная норма уже с использованием понятия «интеллектуальная собственность». Согласно подп. 9 п. 1 ст. 149 Конституции Испании к исключительному ведению государства относится «законодательство об интеллектуальной и промышленной собственности». Данная формулировка, как было отмечено в испанской литературе, и само сочетание трех норм порождает определенные доктринальные проблемы [13, р. 71-78].

В-третьих, научная доктрина и практика органов конституционного контроля развивается. Показателен в этом смысле пример США, где в XIX в. при принятии решений, относящихся к праву интеллектуальной собственности, суды ссылались на Пятую поправку к Конституции США, относящуюся к праву собственности, а в XX веке почти исключительно на клаузулу об авторском праве и патентах [17, р. 689-724].

Заключение

Право интеллектуальной собственности в современных конституциях зарубежных стран регулируется в двух базовых вариантах: с использованием понятия «интеллектуальная собственность» и без его использования. Второй вариант конституционного регулирования интеллектуальной собственности заслуживает не менее тщательного изучения, чем вариант с использованием «зонтичного понятия» интеллектуальной собственности, однако обоснованное приведение примеров конституционных норм указанной группы зарубежных конституций, как норм, регулирующих именно право интеллектуальной собственности, требует обязательного обращения к национальной научной доктрине и решениям органов конституционного контроля.

Список литературы

1. Авдеева В.П. Проблема конституционно-правового обеспечения свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2009. – С. 48.
2. Андреева Г.Н. Проблемы исследования истории конституционного регулирования права интеллектуальной собственности в зарубежных странах в российской науке конституционного права // Вопросы эволюции правовой мысли человечества: Сб. ст. Межд. научно-практич. конференции (13 мая 2017 г., г. Самара). – Уфа, 2017. – С. 15-20.
3. Демин Е.А. Конституционно-правовые гарантии и ограничения права собственности в Германии // Законодательство. – 2003. – №5. – С. 76-84.
4. Конституции государств Америки. Т.1. Северная и Центральная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 832 с.

5. Конституции государств Америки. Т.3. Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 1168 с.
6. Конституции государств Европы: В 3 т. Т.1. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 824 с.
7. Морозова (Аляева) Т.А. Конституционные принципы охраны интеллектуальной собственности в РФ: проблемы реализации в отраслевом законодательстве // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 10. – С. 26-29.
8. Усов Г.В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 201 с.
9. Усов Г. Конституционная защита права интеллектуальной собственности (зарубежный опыт) // Проблемы права. – 2015. – №1 (49). – С. 77-82.
10. Халипова Е.В. Интеллектуальная собственность. Конституционно-правовые основы: Монография. – М.: Патент, 1998. – 304 с.
11. Ховрина Л.В. Законодательное регулирование защиты интеллектуальной собственности в России и зарубежных государствах // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – М., 2009. – №1. – С. 123-125.
12. Шумилов О.В. Некоторые институты интеллектуальной собственности по праву США // Внешнеэкономический бюллетень. – М., 2005. – №5. – С. 67-76.
13. Alvares Romero C. La Constitución española y el derecho de propiedad intelectual // Boletín de la ANABAD. – Madrid, 1979. – A.XXIX. – N1. – P. 71-87.
14. BVerfG 31, 229.
15. Lang Th. Immaterialgüterrechtliche Lizenzierung und Kartellrechtliche Verhaltenskontrolle. – Frankfurt a.M.: Verlag Lang, 2009. – XXXVIII, 321 S.
16. Minero Alejandro G. Aproximación jurídica al concepto de derecho de autor. Intento de calificación como libertad de producción artística y científica o como derecho de propiedad // Dilemata. Revista Internacional de Ética Aplicada. – Madrid, 2013. – N 12. – P. 215-245.
17. Mossoff A. Patents as Constitutional private property: The historical protection of patents under the Takings clause // Boston univ. law review. – Boston, Vol. 87. – P. 689-724.
18. Murray K. Constitutional Patent Law: Principles and Institutions // Nebraska Law Review. – Lincoln, 2015. – Vol. 93. Iss. 4. – P. 900-949.
19. Nordemann J.B. Urhebervertragsrecht und neues Kartellrecht gem. Art.81 EG und §16 GWG// GRUR (Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht). – 2007. – S. 203-215.

ЗАЩИТА ПРАВА НА ДОБРОЕ ИМЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Башкатов Р.Н.

магистрант программы «Гражданское и предпринимательское право»,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического университета в г. Шахты,
Россия, г. Шахты

Валуйсков Н.В.

доцент кафедры «Гражданское право и процесс», канд. юрид. наук,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического университета в г. Шахты,
Россия, г. Шахты

В статье раскрывается содержание правовой базы и проблемы судебной практики по защите чести, достоинства и деловой репутации в гражданском судопроизводстве. Рас-

смотрен как судебный, так и внесудебный порядок производства. Авторы показывают, что защита указанных нематериальных благ в суде является более предпочтительным. Тем не менее, распространение ложных и порочащих сведений в ходе уголовного преследования является обыденной практикой и проблемой правоприменения.

Ключевые слова: гражданское право, правовая защита, личные неимущественные права, свобода СМИ, реабилитация, моральный вред, процессуальные права и обязанности, проблема правоприменения.

Право на защиту доброго имени, так же как и на защиту чести, закреплено в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ. В ст. 150 ГК РФ честь и доброе имя объединяются в одно общее нематериальное благо.

Действующее законодательство даёт возможность осуществлять защиту чести, достоинства, деловой репутации, как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Однако, судебная практика указывает на то, что досудебный порядок крайне неэффективен, поскольку ответчики в лице редакций средств массовой информации не воспринимают всерьёз требования опороченных лиц и игнорируют претензию. Подобная реакция рождает затягивание нравственных страданий опороченного лица при восстановлении доброго имени.

Данные исследований показали, что из 350 обратившихся в суд истцов, 230 лиц предварительно обращались в редакции СМИ с просьбой опровергнуть порочащие их сведения, по которым только трое истцов (1,3 %) получили ответ, в которых им рекомендовано обратиться в суд, а остальные обращения были оставлены без внимания [1].

Согласно Закону РФ «О СМИ» гражданин (или его законный представитель) или организация имеют право требовать от редакций опровержения сведений, которые были распространены в данном СМИ. На редакции СМИ возлагается законом обязанность опровергнуть эти сведения в том же средстве массовой информации, если не будут представлены доказательства того, что распространенные сведения соответствуют действительности [2].

Граждане или организации, в отношении которых СМИ распространили сведения, не соответствующие действительности либо умаляющие права и законные интересы, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в тех же средствах массовой информации. Правила, установленные для подачи опровержения, а также порядок и основания отказа в опровержении (статьи 43-45) подлежат применению и в отношении ответов и отказов в таковом [2].

Для возникновения права на опровержение необходимо наличие двух условий: распространенные сведения должны быть не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию соответствующего лица.

В течение месяца со дня получения требования об опровержении либо его текста редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованных гражданина или организацию о предполагаемом сроке распространения опровержения, либо об отказе в его распространении с указанием оснований отказа [2].

Отказ в опровержении либо нарушение порядка опровержения могут быть в течение года от дня распространения опровергаемых сведений обжалованы в суд в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством РФ [2].

Ограничение искового срока в один год в указанном выше положении Закона РФ «О СМИ» содержит противоречие с принципами защиты личных имуще-

ственных прав, закреплённых Гражданским Кодексом РФ. В соответствии с частью первой статьи 208 ГК РФ, на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных этим же законом [3]. Статья 152 ГК РФ также не предусматривает фиксированного срока обжалования публикации СМИ при защите чести, достоинства и деловой репутации.

Таким образом, авторы полагают, что существует необходимость внесения определённых изменений в указанную норму ФЗ РФ «О СМИ» и приведения данного нормативного акта в соответствие с Гражданским Кодексом.

Таким образом, авторами была рассмотрена досудебная (внесудебная) форма защиты чести, достоинства и деловой репутации. Данный способ защиты указанных нематериальных благ является факультативным, поскольку досудебная стадия разрешения спора по подобным делам не является обязательной для истца.

В настоящее время судебная защита чести, достоинства и деловой репутации возможна в судах общей юрисдикции в порядке особого судопроизводства, а также в арбитражных судах. Судебный порядок предоставляет возможность обязать ответчика разместить опровержение, выплатить компенсацию морального вреда, а также взыскать средства на возмещение убытков.

Статья 152 ГК РФ предоставляет каждому гражданину право требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений в случаях, если распространившее их лицо не докажет, что такие сведения соответствуют действительности.

Согласно общему правилу, гражданско-правовая ответственность за доказанные посягательства на личные блага возникает при одновременном обнаружении трёх условий:

- во-первых, присутствует факт распространения оспариваемых сведений;
- во-вторых, они порочат личность другого человека или организации;
- в-третьих, установлено несоответствие сведений действительности.

Иваненко Ю.Г. предлагает дополнительное условие: «... волеизъявление заинтересованного лица возбудить гражданское дело в суде в своих или законно представляемых чужих интересах» [4]. По мнению авторов, закрепление данного условия является избыточным, поскольку оно повторяет принцип добровольности гражданских правоотношений и установленную законом обязанность органов прокуратуры осуществлять проверку сообщений о фактах нарушения прав, размещённых в СМИ.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 18 августа 1992 года № 11 (в редакции постановлений Пленума ВС РФ от 25 апреля 1995 года № 6, от 24 февраля 2005 г. № 3) разъяснено, что судам следует понимать под каждым из указанных признаков – условий наложения гражданско-правовой ответственности.

Порочащими являются «... сведения содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении нечестного проступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев оборота, которые умаляют честь, достоинство и деловую репутацию гражданина» [5].

В обоснование иска об опровержении порочащих сведений истец обязан доказать лишь сам факт их распространения лицами, привлечёнными в качестве от-

ветчиков. Истец, безусловно, наделён процессуальными правами представить суду и доказательства несоответствия действительности оспариваемых сведений. Бремя же доказывания достоверности распространённых сведений возложена законом целиком на сторону ответчика.

Гражданин, в отношении которого имело место распространение сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, наделён процессуальным правомочием, наряду с опровержением таких сведений, требовать также полного возмещения убытков и морального вреда, причинённых в результате их распространения ответчиками, в силу ст.1064 ГК РФ [3].

Возмещение морального вреда (компенсация) представляет собой одно из средств защиты чести, достоинства и репутации. Порядок возмещения определен положениями статей 151 и 1101 ГК РФ, величина компенсационных выплат должна зависеть от степени вины правонарушителя, с учетом объёма понесённых нравственных и физических страданий потерпевшего лица. Форма компенсации морального вреда предусмотрена только в денежной форме [6].

Пленумом Верховного Суда предписано судам, что при удовлетворении иска в решении должно быть изложено, какие именно распространённые порочащие сведения не соответствуют действительности, когда и каким способом они были распространены [5].

Кроме указанных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации, гражданин вправе воспользоваться способами, которые направлены на пресечение действий, нарушающих права или создающих угрозу их нарушения – в рамках общей нормы, закреплённой статьёй 12 ГК РФ.

Итак, защита чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций возможна как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Авторы полагают, что защита указанных нематериальных благ в суде является более предпочтительной, так как защита чести, достоинства, деловой репутации в суде осуществляется более полно (кроме опровержения, в суде возможно и возмещение убытков, взыскание морального вреда), а решение суда подлежит обязательному исполнению.

Самое уязвимое место в правовой практике по защите чести, достоинства и деловой репутации состоит в несоблюдении принципа презумпции невиновности распространителями сведений об уголовном преследовании.

В конституционном тексте статьи 49 право каждого считаться невиновным включено в число основных субъективных прав и обусловлено обязанностью государства охранять достоинство личности в качестве неотъемлемого и абсолютного права (ст. 21 Конституции). Ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса согласуется со статьёй 49 Конституции, относит событие преступления и виновность подозреваемого к обстоятельствам, подлежащим доказыванию в суде. Тем самым, СМИ не вправе до вступления в силу обвинительного приговора, даже при наличии признательных показаний (а тем более – при возражениях), указывать каким-либо образом на личность подозреваемых. Однако, «криминальная хроника» и скандалы с задержаниями правоохранительными органами известных лиц являются популярными журналистскими жанрами даже в центральных СМИ.

Текущая судебная практика в Ростовской области не защищает права на доброе имя даже тех граждан, в отношении которых были распространены в СМИ сведения о совершении ими уголовного преступления, но которые, впоследствии, были оправданы судом и за которыми было признано право на реабилитацию.

Согласно решению шахтинского городского суда Ростовской области по делу №2-4620/15 от 18.11.2015, депутату городской Думы города Шахты пятого созыва Башкатову Р.Н., оправданному на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по обвинению в совершении преступления ч.3 ст. 290 УК РФ, было отказано в исковых требованиях о защите чести, достоинства и деловой репутации, возмещении морального вреда, к редакции местной газеты «К вашим услугам», прямо и категорично заявлявшей о получении им взятки.

Факт распространения оспариваемых сведений был установлен приобщённым к материалам дела экземпляром газеты. В своих показаниях суду ответчики признали, что оспариваемые высказывания принадлежат им, по содержанию носят фактический, а не предположительный оценочный, характер, и являются порочащими по смыслу.

Следует отметить, что доводы ответчиков о том, что распространённые сведения были получены из официальных источников, были опровергнуты в суде представителем третьей стороны – УМВД по г. Шахты, заявившего, что МВД официальных информационных документов по возбуждённым уголовным делам и материалам проверки в СМИ не рассылает, поскольку это запрещено законом об оперативно-розыскной деятельности. Также было заявлено, что официальных комментариев по поводу действий Башкатова уполномоченные лица МВД не делали.

Доказательств и иных доводов ответчики не привели.

Суд, однако, не счёл оспариваемые сведения ложными и порочащими в момент опубликования, тем самым признав их достоверными, не указав правовых и фактографических оснований.

Решение в апелляционном порядке не обжаловалось.

Таким образом, авторы полагают, что Верховному Суду РФ и Генеральному прокурору РФ следует вынести указание нижестоящим инстанциям на неправомерность практики распространения в СМИ порочащих сведений в отношении подвергающихся уголовному преследованию лиц до вступления в силу обвинительного приговора суда, т.е. об усилении надзора за соблюдением ст. ст. 23 и 49 Конституции РФ.

Также авторы полагают, что необходимо внести поправку в текст нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 49 Конституции и заменить слово «... считается [невиновным]» на «... является».

Список литературы

1. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 88.
2. Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. «О СМИ» // Ведомости ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
3. Гражданский Кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Иваненко Ю.Г. О гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации. // Законодательство. 1998. № 12. С. 44.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.08.1992 №11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1919/ Дата обращения 20.05.2017.
6. Защита чести, достоинства и деловой репутации. – URL: <http://pravovedus.ru/practical-law/civil/zashhita-chesti-dostoinstva-i-delovoy-reputatsii/> Дата обращения: 21.05.2017

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ

Башкатов Р.Н.

магистрант программы «Гражданское и предпринимательское право»,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического университета в г. Шахты,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Шурлова Ю.Э.

студентка специальности «Юриспруденция»,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье авторы раскрывают содержание правовой базы и особенности правового режима помещений специализированного жилого фонда.

Ключевые слова: жилищное право, специализированный жилой фонд, правовой режим общежитий.

Согласно статье 19 Жилищного кодекса, под специализированным жилищным фондом следует понимать совокупность предназначенных для проживания отдельных категорий граждан и предоставляемых им по правилам раздела IV ЖК жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда [1].

К данной категории жилых помещений относятся: жилые помещения маневренного фонда; жилые помещения в общежитиях; жилые помещения в домах системы социального обслуживания населения; жилые помещения для социальной защиты отдельных категорий граждан; жилые помещения фондов для временного поселения вынужденных переселенцев и лиц, признанных беженцами [1].

Постановлением Правительства РФ от 26 января 2006 г. №42 и в соответствии со ст. ст. 92 100 ЖК, утверждены Правила отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовые договоры найма специализированных жилых помещений [2]. Главной характерной чертой правового режима данной категории жилых помещений служит то, что он ужесточен по сравнению с правовым режимом жилых помещений, входящих в жилищный фонд социального использования и предоставляемых гражданам по договорам социального найма [3].

Жилищным кодексом определены сфера назначения специализированных жилых помещений (ст. ст. 93-98), порядок их предоставления, условия пользования ими, основания расторжения и прекращения договора найма специализированного жилого помещения, а также выселения граждан из указанных помещений.

Правовое регулирование пользования служебными жилыми помещениями в общежитиях складывается весьма противоречиво. С одной стороны, поддерживается практика расселения проживающих в общежитиях для использования помещений в качестве полноценных жилых помещений, передаваемых в порядке социального найма, коммерческого найма или в аренду.

В то же время, существует тенденция признавать служебными обычными жилые помещения для последующего ужесточения их правового режима и пересмотра гарантий для проживающих в них лиц [4]. При этом подобная практика осу-

ществляется зачастую через обратную силу, что следует признать недопустимым. В связи с этим, очень важно законодательно строго определить критерии отнесения жилых помещений к служебным жилым помещениям и общежитиям, и определить круг надлежащих получателей и условия предоставления.

Содержание статьи 93 Жилищного кодекса регламентирует категории лиц, которым специализированные жилые помещения могут предоставляться в связи с характером трудовых отношений, прохождением службы, назначением на государственную должность либо избранием на выборные должности [1].

Условия отнесения жилого помещения к служебному указаны следующие:

во-первых, оно признано таковым решением компетентного органа до предоставления нуждающемуся лицу;

во-вторых, предоставлено надлежащему лицу в силу возложенных на него служебных обязанностей;

в-третьих, предоставление данным лицам было основано на решении собственника жилого помещения (или уполномоченного им лица);

в-четвертых, имело место заключение договора пользования указанным помещением.

Ненадлежащее соблюдение указанных условий служит основанием различных правовых санкций. То есть, в случае, если жилые помещения до вселения в них не признаны служебными или предоставлены лицам, которым оно вообще не могло быть вверено, то на указанное помещение не может быть распространен правовой режим служебного жилого помещения.

В иных случаях, если вселение в служебное жилое помещение осуществлено без заключения письменного договора, но фактически произведено с санкции собственника или ответственного, то вселённое лицо следует считать законно проживающим в служебном жилом помещении, поскольку несоблюдение письменной формы договора не может умалять иные признаки его заключения [5].

В силу ч. 1 ст. 104 Жилищного кодекса, гражданам предоставляются служебные жилые помещения в виде отдельной квартиры. Эта норма дополняется и п. 5 Правил: «К служебным жилым помещениям относятся отдельные квартиры» [2]. Не допускается выделение под служебное жилое помещение комнат в квартирах, в которых проживает несколько нанимателей и (или) собственников жилых помещений» [2].

Очевидно, что само по себе невозможно выделение под служебные жилые помещения квартир со смешанным правовым режимом, поскольку помимо жилых помещений, которые могли бы использоваться как служебные, будут находиться в обращении и комнаты для сдачи в социальный или коммерческий наем, либо находящиеся в собственности у проживающих в них лиц. К такому выводу приводит систематическое толкование пунктов 3 и 5 указанных Правил.

Также Правилами установлено, что жилые помещения в виде отдельных комнат, предоставляемые как служебные, должны отвечать всем условиям, указанным в п. 4 Правил, и уже на основе признания жилым могут стать изолированными при необходимости (см. ч. 2 ст. 15 ЖК).

Общежития и проживающие в них подлежат регистрации в администрации соответствующего муниципалитета. Принадлежность помещения к общежитию устанавливается санитарным (ныне техническим) паспортом.

Ордера на вселение в общежитие в настоящее время не выдаются, оно производится на основании решения о предоставлении места или комнаты компетент-

ного органа. Данное решение влечёт заключение договора найма специализированного жилого помещения [5].

Также следует отметить, что статья 13 Закона о введении в действие Жилищного кодекса запрещает поворот к худшему в отношении пользования служебными жилыми помещениями и общежитиями [6]. Таким образом, в силу ст. 13 Вводного закона, граждане, проживавшие в служебных жилых помещениях и общежитиях до 1 марта 2005 г. – до введения ЖК в действие, состоявшие или имеющие право состоять на учете нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, не могут быть выселены из указанных помещений без предоставления других жилых помещений, если их выселение не допускалось законом до введения ЖК в действие.

Применение данной нормы судами неоднозначно, особенно при оспаривании права проживания во временных жилых помещениях Министерства обороны, поскольку существуют некоторые противоречия в законодательстве [7].

Так, только постановлением Президиума Ростовского областного суда было отменено решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону и апелляционное определение о выселении вдовы гражданского сотрудника Минобороны РФ Гордеевой И.А., инвалида второй группы, из единственного жилья – служебного помещения, предоставленного её мужу (дело 2-927/16). Дело находится на повторном рассмотрении в суде первой инстанции.

Список литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации / ФЗ РФ от 29.12.2004 №188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/
2. Постановление Правительства РФ от 26 января 2006 г. №42 «Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений» (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12144682/#ixzz4ipepWTlh>
3. Кирилловых А.А. Специализированный жилищный фонд: вопросы режима использования жилых помещений // Право и экономика. 2009. № 5. С. 18-23.
4. Далбаева Н.Н. Субъекты жилищных правоотношений, не обладающие правом собственности на жилое помещение. – Иркутск, 2008.
5. Попов Р.М. Защита прав граждан по делам о выселении из жилых помещений специализированного жилищного фонда // Гражданин и право. 2011. № 9. С. 63-70.
6. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации / Федеральный закон от 29.12.2004 №189-ФЗ (ред. от 22.02.2017) // КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51061/e625deadfee87da5d5eb6e1866ae6969140b685b/
7. Ляднова А.К. Основания и порядок освобождения военнослужащими и лицами гражданского персонала жилых помещений специализированного жилищного фонда Минобороны России / Научный альманах. – Тамбов, ООО "Консалтинговая компания Юком", 2015. – С. 1268-1271.

ПРОБЛЕМА НОРМИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ НАГРУЗКИ МИРОВЫХ СУДЕЙ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ОПТИМИЗАЦИИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бесова М.В.

магистрант кафедры теории и истории государства и права,
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье приводится анализ судебной статистики деятельности мировых судей, а также дается оценка уровню загруженности на судебных участках и в судебном звене в целом. Автор рассматривает проблему высокой нагрузки мировых судей и необходимость её скорейшего разрешения.

Ключевые слова: мировой судья, судебные участки, статистика рассмотренных дел, судебная нагрузка, оптимизация деятельности.

С возрождением в России института мировых судей возникли проблемы, которые предстоит разрешить в ходе продолжающейся судебной реформы. Принятые ранее законы лишь в общих чертах определили принципы организации и деятельности этого института. По мере его развития, детального исследования обозначатся новые проблемы, которые нуждаются в обсуждении и соответствующем законодательном разрешении. И, пожалуй, самым весомым доказательством этого утверждения являются результаты анализа судебной статистики работы мировых судей как части государственной статистики России.

Обратившись к данным судебной статистики, обобщенной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, и используя социологический метод исследования, можно провести некоторый анализ деятельности мировых судей. Итак, сопоставив данные по количеству рассмотренных дел в районных судах и у мировых судей за период с 2013 по 2016 годы, можно сделать вывод об устойчивой закономерности роста нагрузки на суды общей юрисдикции: так, от года к году рост составляет 6-14%, при этом нужно учитывать факт включения с 2014 года в общее количество нагрузку судов на территории Крымского федерального округа.

Более полезной будет информация о процентном соотношении дел: из рассмотренных в 2013 году 13 775 878 дел всех категорий мировые судьи осуществляли производство по 68% из них (9 406 675 дел), в 2014 – процент оставался на том же уровне (10 020 926 дел из общего количества в 14 745 703), в 2015 – 69% (11 589 621 из 16 886 818), в 2016 – 70% (12 717 914 из 17 981 697). И если по уголовным делам мировые судьи и судьи районных судов держатся, в среднем, на близком друг к другу уровне с ощутимой тенденцией максимального сближения (от разницы в 10-14% в 2013 и в 2014 годах, соответственно, до 4% преимущества районных судов в 2016 году), то в гражданском судопроизводстве по числу рассмотренных дел мировые судьи уходят далеко вперед [1].

Число гражданских дел, рассмотренных мировыми судьями в 2013, 2014, 2015 и в 2016 годах: 8 976 727, 9 595 611, 11 143 322, 12 251 975 соответственно. Помимо устойчивого роста данная нагрузка превышает нагрузку на районные суды в 2,3-2,6 раза (по отношению к количеству гражданских дел в производстве феде-

ральных судей в 2013 году – 3 795 330, 2014 – 4 168 042, 2015 – 4 615 487, 2016 – 4 711 487 дел) [1].

Количество граждан, обращающихся за судебной защитой к мировым судьям, будет продолжать расти – и это самостоятельная проблема, которая требует разрешения в перспективе развития института мировых судей. Граждане получают на деле подтверждение о своевременных и качественных действиях в их интересах, что способствуют распространению доверия среди населения и, соответственно, увеличением обращений с жизненными проблемами. Также многочисленные учреждения, предприятия и структуры государственной и местной власти (ФНС, УПФР, предприятия сферы ЖКХ и др.) фактически делегировали свои обязанности мировым судьям, сняв с себя обязанность по работе с неплательщиками и нарушителями финансово-экономических договоренностей. Так, А.Н. Сачков в своей монографии отмечал, что их положение сегодня напоминает ситуацию с российскими судами в середине и в конце 90-х г.г. прошлого столетия: тогда нагрузка на судей стала просто запредельной, что заставило законодательно приступить к реформированию всей системы [2, с.160].

Сегодня количественные показатели деятельности мировых судей и их продуктивность говорят о том, что институт мировых судей взял на себя огромную нагрузку и оказался действительно сильной структурой в системе судов. Судебная статистика работы мировых судей говорит о соответствии компетенций и эффективности работы мировых судей в целом по стране требованиям государства. Однако общедоменная статистика не способна учесть региональные особенности мировой юстиции, разноплановую специфику судейской работы на конкретных судебных участках.

От суммарных показателей по субъектам Российской Федерации обратимся к частному случаю: сравним статистические данные работы мировых судей в пределах одного судебного района – города Волгодонска Ростовской области. На его территории действуют 9 мировых судей на 7 судебных участках. В 2016 году они рассмотрели 472 уголовных дела, 25 503 гражданских и административных дела, а также 5 070 дел об административных правонарушениях и материалов. Судя по данным судебной статистики, у судей варьируется нагрузка в зависимости от участка: по уголовным делам от 40 до 147 дел на судебный участок, по гражданским и административным – от 2 220 до 5 475 дел за 2016 год. Причём средняя нагрузка в месяц на одного мирового судью – 5 уголовных и 275 гражданских и административных дел [4].

Представителями судейского сообщества, исследователями-теоретиками и государственными чиновниками признается острым вопрос о непосильной и чрезвычайно высокой нагрузке мировых судей. Практически все субъекты Российской Федерации считают необходимым разработать нормативы, учитывающие различные факторы, в том числе и нагрузку судей районного звена и мировых судей, статус местности (город, село), так как количество сельского населения имеет тенденцию к снижению, а городское – к росту. Проблема расчёта нагрузки должна решаться с учётом научно обоснованных данных, непомерное напряжение в работе мировых судей имеет перспективу снижения качества их работы, роста нарушений процессуальных сроков и текучести кадров. Н.А. Колоколов считает очевидным факт ограничения доступа населения к правосудию там, где нагрузка превышает максимально возможные пределы [5, с. 4].

По данным анкетного опроса, проведенного К.А. Орловой, 76% мировых судей имеющуюся нагрузку на судей оценили как очень высокую (в сравнении с ни-

ми судьи районных судов, придерживающиеся такого же мнения, составляют 62% от общего количества). Как низкий или очень низкий уровень нагрузки ни в 2013 г., ни в 2015 г. не оценил ни один судья ни одной инстанции [6, с. 18]. Эти данные буквально кричат о безотлагательной необходимости серьезных преобразований внутри судебной системы, и, конечно, не остаются без внимания.

В ходе своего выступления на IX Всероссийском съезде судей, прошедшего в декабре 2016 года, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев отметил рост обращений за судебной защитой, наблюдаемый в течение нескольких последних лет. «Уменьшению служебной нагрузки, – отметил В.М. Лебедев, – будут способствовать определение оптимальных сроков рассмотрения дел, совершенствование порядка извещения лиц, участвующих в деле, в том числе с использованием информационных технологий, дальнейшее развитие упрощенных форм судопроизводства, расширение институтов досудебного и внесудебного урегулирования споров, сокращение категорий гражданских дел, по которым составляются мотивированные судебные решения» [7].

Процесс организационного формирования и совершенствования мировой юстиции продолжается, о чем свидетельствует постоянно ведущаяся законопроектная работа: в период с 1998 года по настоящее время было принято порядка двадцати законов, вносящих изменения в Закон о мировых судьях, регулярно изменяется и ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации».

Оптимизация работы мировых судей – этот вопрос всегда стоит на повестке дня законодателя. Во все более усложняющемся правовом мире роль мировых судей будет только возрастать. На данном этапе судебным департаментом и Государственным университетом правосудия уже организована и проводится работа по определению норм служебной нагрузки. Обозначенные направления, на наш взгляд, при планомерной реализации в ближайшем будущем способны наметить положительную тенденцию по оптимизации механизмов судебной защиты граждан и повышению эффективности работы судей ввиду рационального распределения нагрузки.

Список литературы

1. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.04.2017).
2. Сачков А.Н. Российская мировая юстиция: институционально-правовые основы. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 352 с.
3. Максимов В.В. Мировая юстиция: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 44-59.
4. Информация о нагрузке по судебным участкам мировых судей Ростовской области при рассмотрении уголовных, гражданских, административных дел, и дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2016 года // Официальный сайт Ростовского областного суда URL: www.rostobsud.ru/ (дата обращения: 10.04.2017).
5. Колоколов Н.А. Как нам реорганизовать мировую юстицию? // Мировой судья. 2016. № 7. С. 3-7.
6. Орлова К.А. Проблемные вопросы правового статуса судьи: взгляд изнутри // Российский судья. 2016. № 5. С.16-20.
7. Выступление В.М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей // Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: www.kremlin.ru/events/president/news/53419 (дата обращения – 12.04. 2017).

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Башкатова Э.Э., Першина А.О.

студентки специальности «Юриспруденция»,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Рассматривается государственное регулирование земельных отношений, которое предопределено особой многофункциональной ролью земли в жизни общества.

Ключевые слова: земля, оборот земель, земельное законодательство, землепользование, право, справедливость.

Важным вопросом в жизни общества на данный момент является государственное регулирование земельных отношений. Эти отношения предопределяют особую многофункциональную роль земли в жизни общества, ее незаменимость в любой сфере и природные ограничения, а также представляют собой одну из наиболее важных составляющих земельного фонда Российской Федерации. Френсис Бэкон предполагал, что справедливость есть то, что объединяет людей и создает фундамент для права. Врожденное чувство справедливости отличает человека от животного, делает его существом высшего порядка (см.: [1, с. 327]). Тем самым справедливое использование земель без вреда для окружающей среды располагает к тому, чтобы не нарушать права и охраняемые законом интересы граждан. Правовую базу регулирования земельных отношений в Тамбовской области составляет Конституция Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации, другие федеральные законы и нормативные правовые акты Российской Федерации, Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации, настоящий закон и принимаемые в соответствии с ним другие законы и другие нормативные правовые акты Тамбовской области (ст. 1 в ред. закона Тамбовской области от 8 ноября 2010 г. № 701-3). Данный закон «О регулировании земельных отношений в Тамбовской области» (принят постановлением Тамбовской областной думы от 30 ноября 2007 г. № 862) контролирует отношения по использованию и охране земель на территории Тамбовской области, по обеспечению плодородия земель, сельскохозяйственного назначения, определяет условия предоставления земельных участков, находящихся в государственной собственности Тамбовской области или муниципальной собственности, а также случаи изъятия земельных участков для государственных нужд Тамбовской области или муниципальных нужд (ст. 2 в ред. закона Тамбовской области от 8 ноября 2010 г. № 701-3) [2]. Установление особого правового режима и особой охраны земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения обусловлено ценностью земли и ее значением в сельскохозяйственном производстве. Впервые выделение земельной доли из общей долевой собственности на законодательном уровне происходил на основании указа Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» и постановления Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Позже 1 февраля 1995 г. Правительством РФ было принято постановление «О порядке осуществления прав собственников зе-

мельных долей и имущественных паев» и 7 марта 1996 г. был издан указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю», которые внесли корректировки в ранее действующее законодательство. В данное время особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения установлены в Земельном кодексе Российской Федерации и федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Важно отметить, что в закон об обороте были внесены изменения федеральным законом от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ [3, с. 260]. Если рассматривать государственное регулирование земельных отношений в широком смысле, то оно подразумевает:

- правовое регулирование земельного рынка на региональном и федеральном уровне;
- территориально-экономическое зонирование;
- государственную политику в области налогообложения, ценообразования, кредитования, а также инвестиций.

Урегулирование земельных отношений на государственном уровне нацелено на организацию оптимального использования и охрану земель с помощью установления определенных норм и правил владения, пользования и распоряжения земельными ресурсами страны и отдельными их частями в целях укрепления и развития экономики страны в интересах своего народа. Российское государство имеет право регулировать земельные отношения потому, что оно обладает суверенной государственной властью над всей территорией страны и является исполнительным органом своего народа. Так как земля одновременно – территория, пространственная граница государства и объект хозяйствования, различают два вида государственного регулирования земельных отношений:

1) регулирование государством в качестве суверена, обладающего территориальным верховенством в отношении всех земель независимо от форм собственности;

2) хозяйственное регулирование.

Рассматривая право собственности на землю в системе вещных прав на земельные участки, можно сделать вывод, что оно является главным, потому что только у собственника имеются все права по владению, распоряжению и использованию земель. Наряду с правами собственности имеется ряд других правовых форм, составляющих основу прав на землю, которые узаконены в современном российском законодательстве в качестве вещных прав. Ими, а именно, являются право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования им и сервитута [4].

1. Право пожизненного (наследуемого) владения было утверждено в законодательстве как наиболее близкое к праву собственности на землю. Право пожизненного (наследуемого) владения землей (ч. 1 ст. 216, ст. 266, 267 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) и ст. 21 Земельного Кодекса РФ (далее – ЗК) отличается от других вещных прав следующими основными особенностями:

– наибольшей стабильностью прав на земельный участок. Так, если право пользования земельным участком может быть краткосрочным, то право владения принадлежит владельцу даже после его смерти;

– наибольшим масштабом самостоятельности правомочий землевладельца в отношении использования земельного участка. Владелец имеет право самостоятельно, без каких-либо специальных разрешений собственника земельного участка

возводить на земельном участке здания, сооружения и создавать другое недвижимое имущество, приобретая на него право собственности, если законом не предусмотрено иное. Например, постоянный землепользователь приобретает право собственности на созданное им недвижимое имущество только в том случае, если эта недвижимость создана им для себя;

– узким кругом субъектного состава правоотношений по владению земельным участком на праве пожизненного наследуемого владения. Поскольку наследователем может быть только гражданин или физическое лицо, субъектный состав данного вида правоотношений ограничивается именно этой категорией лиц. Право пользования земельным участком может принадлежать и организациям, т. е. более широкому кругу лиц;

– наличием в правомочиях по владению земельным участком конституционных положений о правах, свободах и обязанностях граждан, имеющих статус высшей ценности и составляющих смысл, содержание и применение российского законодательства (ст. 2, ст. 18 Конституции РФ) [5]. В частности, права на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности на земельном участке (ст. 34 Конституции РФ). Институт пожизненного наследуемого владения предусмотрен ЗК РФ (ст. 21) только для граждан, которые приобрели это право до введения кодекса в действие. В п. 1 ст. 21 ЗК РФ содержится прямой запрет на приобретение права пожизненного наследуемого владения по административно-правовым основаниям (предоставление) после вступления в силу настоящего кодекса. Одновременно с запретом на приобретение права пожизненного наследуемого владения после вступления в силу ЗК РФ п. 1 ст. 21 содержит правовую норму, гарантирующую сохранение гражданами ранее приобретенных ими прав пожизненного наследуемого владения земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности. Землевладелец вправе распорядиться своим земельным участком только путем передачи его по наследству. Это правило закреплено в п. 2 ст. 21 ЗК РФ. Наследование земельных участков, находящихся на праве пожизненного наследуемого владения схоже с порядком наследования земельных участков, принадлежащих наследодателю на праве собственности. Единственное отличие связано с тем, что субъектами наследования участка на праве пожизненного наследуемого владения могут быть только граждане, которым земельные участки ранее предоставлялись безвозмездно из числа земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ст. 21 ЗК РФ) [6].

Это значит, что такие участки, в отличие от принадлежащих гражданам на праве собственности, не могут переходить по наследству к юридическим лицам как по закону, так и по завещанию. Других особенностей в наследовании земельных участков на праве собственности и на праве пожизненного наследуемого владения действующее законодательство не содержит. В соответствии со ст. 1181 ГК РФ принадлежавшие наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях. На принятие наследства, в состав которого входит указанное имущество, специальное разрешение не требуется. Согласно той же статье, при наследовании земельного участка или права пожизненного наследуемого владения земельным участком по наследству переходят также находящиеся в границах этого земельного участка поверхностный (почвенный) слой, замкнутые водоемы, находящиеся на нем лес и растения. Таким образом,

право пожизненного наследуемого владения конкретными земельными участками сохраняется в России поскольку, поскольку будет осуществляться их наследование. Наследниками при этом могут быть не только граждане и юридические лица, но и государство. Если по причинам, указанным в ГК РФ, наследование по закону и завещанию невозможно: отсутствуют наследники, либо никто из них не имеет права наследовать, или все наследники отстранены от наследования (ст. 1117), либо ни один из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1158), то в этих случаях имущество умершего считается выморочным. А согласно ст. 1151 ГК РФ, выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации. Граждане, имеющие земельные участки в пожизненном наследуемом владении, так же как и субъекты права постоянного (бессрочного) пользования, имеют право приобрести эти земельные участки в собственность. При этом взимание дополнительных денежных сумм помимо сборов, установленных федеральными законами, не допускается [7].

2. Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком имеет следующие отличительные черты:

- более широкий круг субъектов данного вида правоотношений, поскольку законом прямо указывается, что в круг этих субъектов могут входить не только граждане, но и организации, обладающие правами юридического лица (ч. 1 ст. 268 ГК РФ и ст. 20 ЗК РФ);

- более узкий круг оснований приобретения данного вещного права. В частности, таковым является решение государственного или муниципального органа, уполномоченного предоставлять земельные участки в постоянное (бессрочное) пользование (ч. 1 ст. 268 ГК РФ). Право же пожизненного владения на этот участок может быть приобретено и на основании завещания прежнего владельца, сделанного в установленном законом порядке;

- наличие производной связи между правом на земельный участок и правом на недвижимость, расположенную на данном участке. Так, при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежащее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания (сооружения) переходят права на земельный участок, определяемые соглашением сторон (ст. 273 ГК РФ). При прекращении же права пользования земельным участком, если стоимость недвижимости явно превышает стоимость участка, находившегося в использовании собственника недвижимости, суд может утвердить условия пользования земельным участком на новый срок (ч. 2, ст. 272 ГК РФ).

Такой производности не наблюдается в правоотношениях владения землей на праве пожизненного наследуемого владения, поскольку возникновение права собственности на недвижимость не может повлечь за собой возникновение права пожизненного наследуемого владения земельным участком, на котором расположено это строение;

- относительно меньшая стабильность отношений землепользования. Во-первых, право постоянного землепользования может быть приостановлено по тем же основаниям, по которым оно возникло, – на основании решения уполномоченного государственного или муниципального органа, принятого в установленном законом порядке; во-вторых, право землепользования может быть и временным, устанавливаемым на определенный срок. Например, предоставление временно неиспользуемых под строительство земель под посадку картофеля гражданам или

под огороды. В отношении права постоянного землепользования не предусмотрено возможности передачи данных правомочий по наследству. Земельный кодекс РФ устанавливает субъектный состав лиц, которым могут быть предоставлены земельные участки на праве постоянного бессрочного пользования. К таковым, в частности, относятся – государственные и муниципальные учреждения, федеральные казенные предприятия, а также органы государственной власти и местного самоуправления (ст. 20). В постоянное бессрочное пользование этим лицам предоставляются земельные участки. Граждане, обладающие земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования, имеют право приобрести их в собственность. Каждый гражданин имеет право однократно бесплатно приобрести в собственность находящийся в его постоянном (бессрочном) пользовании земельный участок, при этом взимание дополнительных

денежных сумм помимо сборов, установленных федеральными законами, не допускается. При этом необходимо учитывать следующее. Согласно ст. 23 ГК РФ, к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила ГК РФ, регулирующие деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями [7].

Поскольку юридические лица в силу п. 5 ст. 20 ЗК РФ не имеют права на безвозмездное приобретение земельного участка в собственность, то граждане, имеющие статус индивидуального предпринимателя, владеющие земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования, также не вправе приобретать в собственность земельные участки, предоставленные им для осуществления предпринимательской деятельности на безвозмездной основе. Лица, пользующиеся землей на праве постоянного (бессрочного) пользования, не имеют права распоряжаться земельными участками, в т. ч. его внесения в уставный (складочный) капитал п. 6 ст. 3 ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [6].

Однако ЗК РФ предусмотрены разные возможности граждан и юридических лиц по дальнейшему использованию земельных участков на этом праве. Граждане могут продолжать использовать участки на указанном праве, и их возможность преоформить его на право собственности сроком не ограничена. Земельный участок, предоставленный лицу в постоянное пользование, имеет четко установленные границы и местоположение, зафиксированные в документах, удостоверяющих права на земельный участок. Право постоянного пользования подлежит регистрации в установленном порядке. В силу закона (гл. 17 ГК РФ) право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком относится к числу ограниченных вещных прав – граждане владеют и пользуются такими участками, но не могут их использовать, в т. ч. и завещать. При переходе права собственности на строение вместе с ним переходит и право пользования земельным участком. В случае перехода права собственности на строение к нескольким лицам, к ним же переходит и указанное право на земельный участок. При определении порядка пользования общим участком учитываются доли сторон в праве собственности на строение или сложившийся порядок пользования земельным участком (п. 1 ст. 35 ЗК РФ).

3. Сервитуты (п. 1 ст. 216, ст. 271-277 ГК РФ и ст. 23 ЗК РФ), выражающиеся в праве ограниченного пользования соседним земельным участком. Под сервитутом следует понимать право пользования чужой вещью в известном ограниченном отношении. Сервитуты отнесены ст. 216 ГК РФ к числу ограниченных вещных прав. Существуют частные и публичные сервитуты. Частный сервитут устанавли-

вается в соответствии с гражданским законодательством. Согласно п. 3 ст. 274 ГК РФ, сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка. Сервитут может быть установлен по требованию не только лица, которому земельный участок принадлежит на праве собственности, но и землепользователя, а также землевладельца.

Публичный сервитут устанавливается законом или иным нормативным правовым актом РФ, субъекта РФ и органа местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельного участка. Установление публичного сервитута осуществляется с учетом результатов общественных слушаний. По своей сути земельный сервитут это:

- вещное право на земельный участок, он будет существовать до тех пор, пока существует земельный участок, в отношении которого он установлен;
- он является правом на чужую вещь (землю), а не на свою;
- обладатель сервитута приобретает право ограниченного пользования земельным участком, а обременение участка сервитутом не лишает его владельца владения, пользования и распоряжения. При этом осуществление сервитута должно быть наименее обременительным для земельного участка, в отношении которого он установлен;
- сервитут сохраняется при переходе земельного участка к другому лицу.

Сервитут может устанавливаться по соглашению между собственниками земельных участков или решением суда. Собственник земельного участка вправе требовать, в т. ч. в судебном порядке, предоставления сервитута для обслуживания своего земельного участка. Установление публичного сервитута осуществляется с учетом результатов общественных слушаний (п. 2 ст. 23 ЗК). Согласно п. 3 ст. 23 ЗК РФ, публичные сервитуты могут устанавливаться для: прохода или проезда через земельный участок, использования земельного участка для прокладки и ремонта коммунальных или индивидуальных инженерных, электрических и других линий и сетей; проведения дренажных работ на земельном участке, забора воды и водопоя на земельном участке; прогона скота через земельный участок, сенокоса или пастбища скота на земельном участке в периоды, продолжительность которых соответствует местным условиям и обычаям; временного пользования земельным участком для производства изыскательских, исследовательских и других работ, ремонтно-строительной полосы на земельном участке; возведения здания, строения, сооружения определенной высоты на соседнем земельном участке, создания на земельном участке защитных лесных насаждений и иных природоохранных объектов; иные сервитуты [6].

Главным признаком сервитута является связь двух земельных участков, дающая право собственнику одного из них – господствующего земельного участка требовать от собственника другого – подчиненного земельного участка предоставления себе права ограниченного пользования подчиненным участком в связи с наличием при использовании своего земельного участка нужд, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

Сервитут должен осуществляться способом, наименее обременительным для земельного участка, в отношении которого он установлен. Собственник земельного участка, обремененного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено законом. За сервитуты, установленные в пользу сельских жителей и их объединений, плата не

взимается. Сервитут может устанавливаться на земельный участок на любом праве и может быть временным или постоянным. Сервитуты подлежат государственной регистрации в соответствии с ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». По требованию собственника земельного участка, обремененного сервитутом, сервитут может быть прекращен ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен. В случае если земельный участок в результате обременения сервитутом не может использоваться в соответствии с целевым назначением земельного участка, собственник вправе требовать по суду прекращения сервитута.

4. Право безвозмездного срочного пользования земельным участком. По договору безвозмездного срочного пользования земельным участком одна сторона обязуется передать или передает земельный участок (его часть) в безвозмездное пользование на определенный срок другой стороне, а последняя обязуется использовать земельный участок (его часть) в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, соблюдать природоохранное природоресурсное, градостроительное и иное законодательство и вернуть земельный участок (его часть) в состоянии, пригодном для дальнейшего его целевого использования. Безвозмездный характер землепользования является отличительной чертой данного договора. Право передачи земельного участка в безвозмездное срочное пользование из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, принадлежит исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления, уполномоченным распоряжаться земельными участками. Получателями рассматриваемого права могут быть только следующие

категории субъектов: государственные и муниципальные учреждения; федеральные казенные предприятия; органы государственной власти и местного самоуправления.

Кроме того, согласно ст. 24 ЗК РФ, в безвозмездное срочное пользование могут предоставляться земельные участки:

- из земель, находящихся в собственности граждан или юридических лиц, иным гражданам и юридическим лицам на основании договора;
- из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления, обладающих правом предоставления соответствующих земельных участков в пределах их компетенции, религиозным организациям в соответствии с п. 3 ст. 30 и п. 1 ст. 36 кодекса.

Максимальный срок, на который земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, может быть предоставлен в безвозмездное пользование не должен превышать один год. При предоставлении земельных участков на этом праве из земель, находящихся в собственности граждан или юридических лиц, срок определяется договором.

В безвозмездное срочное пользование могут предоставляться также земельные участки из земель организаций отдельных отраслей экономики, в т. ч. организаций транспорта, лесного хозяйства, лесной промышленности, охотничьих хозяйств, государственных природных заповедников и национальных парков гражданам в виде служебного надела. Право собственности на землю и вещные права на нее являются основными видами прав на землю, но не единственными. Помимо них существуют иные основания пользования земельными участками, не имеющие вещный характер. К числу таковых относятся права на землю, основанные на

обязательственных правоотношениях. Главными из них являются арендные обязательства, согласно которым арендодатель обязуется передать арендатору на определенный срок на возмездных началах определенный договором аренды земельный участок, а арендатор – использовать данный участок в соответствии с условиями договора; пользование землями при проведении изыскательских работ (ст. 606-625 ГК РФ и п. 6 ст. 22 ЗК РФ). Государственное регулирование земельных отношений, право собственности на землю и вещные права на нее являются основой жизнедеятельности общества. Земельное законодательство должно быть направлено на создание условий для эффективного землепользования, гарантирующего защиту законных прав всех землепользователей и реализацию этих прав с одновременным повышением ответственности за нарушение требований земельного законодательства и созданием необходимых условий для сохранения самой ценной категории земельных ресурсов нашей страны [8, с. 262].

Список литературы

1. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве// Кандидатская диссертация. Тамбов, 2001. (109).
2. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федеральный закон РФ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3098.
3. Булгаков В.В. Актуальные проблемы государственного рыночного регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 6 (110).
4. Ерофеев Б.В. Земельное право России / отв. ред. Н.И. Краснов. М., 2004.
5. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ). Ростов н/Д, 2013.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 05.04.2013) // Система Консультант Плюс. 2013.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 09.02.2009 г. №7-ФЗ) // Система Гарант. 2013.
8. Иеринг Р. Борьба за право // М. Издательство «Феникс» 1991 г.(110).

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ В НОВОЙ РОССИИ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Желтов Н.Н.

студент специальности «Юриспруденция»,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье рассматривается “Концепция справедливости в праве в Новой России”. Категория принципа справедливости признается одной из центральных в теории права. Принципы права служат ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Их соблюдение обеспечивает нормальное и единообразное развитие и функционирование правовой системы.

Ключевые слова: справедливость, сущность права, проблема социальной справедливости, аспект права.

Основным центром любого общества – является организованность, упорядоченность образующих социальную жизнь общественных отношений, а значит, объективная необходимость их социального урегулирования.

Урегулированность и порядок, подчеркивал К.Маркс, необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола.

Сущность права – общечеловеческая справедливость, его источник-природа человека, а цель права – регулирование общественных отношений, основанных на царстве разума.

За социальную справедливость человечество еще бьется с древних времен.

Вглядываясь в историю, мы ни раз замечаем какие-либо реформы, забастовки, которые затеивались не с проста, не от безделья людей, а для того чтобы добиться справедливости.

Проблема социальной справедливости в нашей стране с каждым годом становится все более острой и актуальной.

Следует, что и сочетание этих терминов становится все более затруднительным для ответа на них.

То есть, что «справедливость» – вполне очевидное понятие. Оно на самом деле так, но не совсем.

В каждом социуме и цивилизации, у разных народов и в разные времена – это понятие имеет свой, особый смысл.

Большинство политических партий ведут свою игру вокруг понятия "справедливость", делая вид, что они являются борцами за "социальную справедливость", включают – это определение в свои названия и ключевые речи.

Аспект права – справедливости раскрывает нам проникновение требований справедливости в ткань законодательства, в основные принципы и содержания новых правовых предписаний, в организацию и осуществление правосудия и т.д.

Пример, в Гражданском кодексе Российской Федерации говорится о принципе справедливости при использовании аналогии права.

В Уголовном кодексе специально подчеркнут принцип справедливости, как основа применения наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Для естественно-правовых представлений о справедливости характерны попытки соединить абсолюты естественного права с меняющейся реальностью. В обществе с резко ускоряющимися темпами развития защитить социальное статус-кво, опираясь только на «вечные, неизменные и абсолютные» критерии действия.

Так же как и в политике власть предрежащие вынуждены прибегать ко все более сложному маневрированию, тем самым приспособляясь к быстрым и подчас неожиданным изменениям обстановки, маневрировать приходится и в социальной теории [1, с. 13].

Такой вид может выражаться в форме поощрений, вознаграждения, наказания и иных мер воздействия негативного характера.

Отсюда следует, что право по своей природе есть не только формально равный, но и справедливый ориентир свободы, справедливая мера свободы.

Бывает, что можно встретить и другое, не только сходное, но и прямо противоположное или связанное с рядом существенных поправок и оговорок.

В настоящее время качество жизни определяется не только материальным достоянием, но и моральным климатом, способностью общественных систем обеспечить построение взаимоотношений между людьми на основе гуманизма и справедливости.

Проблема морально оправданного поведения не сводится исключительно к соответствию поступков людей уже сложившемуся комплексу моральных норм. Она включает в себя развитие, обогащение самих этих норм. Модели нравственного поведения не остаются неизменными. Те требования, которые предъявляются моралью к личности, постоянно возрастают [2, с. 3].

На основной позиции стоял во многом и Аристотель, особенно когда дело касалось свободных и порабощенных людей. Утверждая, что рабам быть рабами и полезно и справедливо, он в своей «Политике» писал: Справедливость есть равенство для равных, но не для всех, а неравенство справедливо тоже не для всех, а только для неравных.

Справедливость, так он отмечал, выступает как, равенство демократами и как неравенство олигархами.

В юридической литературе правильно показывается, что справедливость и право имеют много общего в происхождении, сущности, функциях и смысловом выражении.

Справедливость – является базовым понятием для права, но не наоборот [3, с. 87].

«Правовое» в своей основе всегда стремится быть справедливым, а термины «право» и «справедливость» близки по смыслу.

Когда справедливость прямо упоминается в нормативно-правовом акте. она может закрепляться в нем в различных формах: в виде равенства между участниками общественных отношений; путем установления определенного соотношения между правами и обязанностями. посредством определения соответствующего характера целей и средств правовых норм; путем индивидуализации санкций [4, с. 56].

В настоящий период времени нет полного представления о том, как происходит преобразование нормативных суждений в конкретные поступки людей и как нормы морали и права становятся «частицей» внутреннего мира личности; почему они соблюдаются одними членами общества и игнорируются другими, находящимися в сходных условиях.

По-прежнему до конца «не расшифрован» механизм становления социально-правовой ответственности человека.

В процессе исследования делается попытка найти ответы на эти общие для многих отраслей знания вопросы и расширить и те специфические проблемы, которые стоят перед юриспруденцией, в том числе и относящиеся к справедливости.

Исследуется процесс развития и функционирования права и справедливости в их взаимодействии и взаимопроникновении [5, с. 7].

В данное время справедливость воспринимается как понятие о должном и правильном. Но тем не менее характеристика справедливости и её внутреннее содержание не стало более ясным.

Важной теорией (позитивистов) о том, что справедливость получает свое закрепление только в праве, на мой взгляд, нельзя назвать правильной, хотя суть права именно в регулировании отношений справедливым образом.

Таким образом нельзя сводить право лишь к справедливости и наоборот, поскольку это понятия не совпадают, а лишь частично пересекаются [6, с. 67].

Список литературы

1. Булгаков В.В. Справедливость и право // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: информационные бюллетени. Вып. 3 – Тамбов, 2000.

2. Булгаков В.В. Справедливость – принципы и цель деятельности милиции // Труды Тамбовского филиала ЮИ МВД России за 2^е полугодие 2000 года. – Вып. 3. – Тамбов. 2000.

3. Булгаков В.В. Справедливость и правотворчество // «Ученые записки» Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №2. Тамбов. 2001.

4. Булгаков В.В. Естественнo-правовая концепция справедливости // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: информационные бюллетени. Вып. 4, Тамбов. – 2001.

5. Булгаков В.В. Исторические модификации справедливости // «Ученые записки». Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №2, 2001.

6. Булгаков В.В. Интуиция справедливости // «Ученые записки». Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №3, 2001.

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Комарова Д.А., Фирсова Е.Ю.

студентки специальности «Юриспруденция»,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В данной статье мы попытались определить понятие, содержание естественно-правовой концепции справедливости, а также выявить основные достоинства и недостатки этой теории.

Ключевые слова: естественно-правовая концепция, светское направление, божественное направление, прогрессивная доктрина, понимание права.

Еще в глубокой древности наметилось различие права (естественного) и закона. Кульминацией такого подхода были взгляды и практика буржуазной революции, направленной против феодального произвола и беззакония (часто возводимого властью в закон). Возрождение естественно-правовых идей имело место после Второй мировой войны как реакция на юридический позитивизм и фашистскую политическую систему. Естественно-правовые взгляды всегда активизировались при переходе от полицейского государства к государству правовому.

Естественно-правовая теория предполагает сосуществование двух систем права: естественного и светского. Другое направление светское. В основе этого направления лежат естественное право и справедливость, которые выводятся из человеческого разума и «природы вещей» [2, с. 66].

Как теория идея естественного права оформилась в XVII-XVIII вв., став идеологическим оружием буржуазии против феодально-абсолютистских порядков. Основателем теории естественного права признается Гуго Гроций (1583-1645 гг.). В дальнейшем она получила развитие в трудах французских просветителей XVIII в. – Руссо, Монтескье, Дидро, Вольтера и др. В России ее сторонником являлся Александр Николаевич Радищев [1, с. 231].

Для классического учения XVII-XVIII вв. характерно то, что естественные права понимались как вечные и неизменные, раз и навсегда установленные человеческой природой.

В теории происхождения государства и права эта теория получила название договорной, а также ее называют теорией договорного происхождения государства и права.

Основные идеи данной доктрины:

- разделяется право и закон (наряду с позитивным правом, т. е. законами, принимаемыми государством, существует высшее, подлинное, «естественное» право, свойственное человеку от рождения. Это так называемое неписаное право, под которым понимается совокупность естественных и неотъемлемых прав человека и которое выступает критерием права позитивного, ибо не всякий закон содержит в себе право);

- отождествляется право и мораль (по мнению представителей данной теории, такие абстрактные нравственные ценности, как справедливость, свобода, равенство, составляют ядро права, определяют собой правотворческий и правоприменительный процессы);

- источник прав человека видится не в законодательстве, а в самой человеческой природе, права человека приобретаются от рождения либо от Бога.

Достоинства теории:

- это революционная, прогрессивная доктрина, под флагом которой совершались буржуазные революции, приводившие на смену отжившим феодальным отношениям новый, более свободный строй;

- в ней верно замечено, что законы могут быть неправовыми, которые должны приводиться в соответствие с правом, т. е. с такими нравственными ценностями, как справедливость, свобода, равенство и т. п.;

- провозглашает источником прав человека природу либо Бога и тем самым выбивает «теоретическую» почву из-под ног произвола чиновников и государственных структур.

Слабые стороны теории:

- такое понимание права (как абстрактных нравственных ценностей) «уменьшает» его формально-юридические свойства, в результате чего теряется четкий критерий законного и противозаконного, ведь определить это с позиций справедливости, представление о которой может быть разным у различных людей, весьма непросто;

- такое понимание связано не столько с правом, сколько с правосознанием, которое действительно может быть разным у различных людей.

Хорошей иллюстрацией могли бы служить взгляды И. Канта, для которого свойственно было соединение теоретического (философского) и практического начал [3, с. 157].

Философия права получила свое развитие у Гегеля. По Гегелю, право означает осуществление свободы свободной воли [7, с. 340].

Основной постулат рассматриваемого направления – вывод о существовании высших, постоянно действующих, независимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок ценностей, мудрость Бога, не только являющихся директивами для законодателя, но и действующих напрямую. Оттенки мнений многообразны, но практика ориентируется на поиск лучшего решения – справедливого и разумного. Теология призывает обратить-

ся к Богу, светский вариант ориентирует на природу вообще, природу человека, природу вещей.

В XVII–XVIII вв. эту теорию взяли на вооружение мыслители, активные борцы с крепостничеством и феодальной монархией. Данную концепцию поддерживали и развивали голландские просветители Г. Гроций и Б. Спиноза, английские – Т. Гоббс и Д. Локк, французские – Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах и др. [5, с. 476].

П. Гольбах резко критиковал идеи божественного происхождения власти, государства и права, считал, что они приводят к губительным социальным последствиям. Гольбах и другие сторонники теории признавали вместо божественной воли волю наций, народов, отдельного человека. Только воля народов, наций, по их мнению, могла предоставлять кому-либо высшую власть.

Ж.-Ж. Руссо освещал вопросы о том, что такое общественный договор, каким должны быть его содержание и назначение и др. Очень знаменит его труд «Об общественном договоре» [4, с. 179].

Главная задача, которую должен решать общественный договор, считал Руссо, – это найти такую форму ассоциации, которая защищает своей силой личность и имущество каждого члена ассоциации и с помощью которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется лишь самому себе, остается таким же свободным, как и прежде. Государство, по его мнению, является продуктом общественного договора, следствием разумной воли народа, человеческим учреждением или изобретением, при этом, создавая государство, каждый человек отдает, ставит под верховное руководство общей воли свою личность, свои силы. Государство, считал Руссо, – «условная личность», жизнь которой заключена в союзе ее членов. Одной из главных ее задач является забота об общем благе, о благе общества, народа [6, с. 235].

Из современных ученых разделение права и закона, обращение к справедливости как одному из абстрактных определений права последовательно и весьма обстоятельно аргументирует В. С. Нерсисянц. Им, в частности, замечено, что различение права и закона велось и ведется (и теоретически можно вести) не только с естественно-правовых позиций. Это необходимый момент любого теоретического подхода к правовым явлениям. В позиции В.С. Нерсисянца привлекает, во-первых, признание им нормативности права, а во-вторых, указание на то обстоятельство, что в законе не может быть конкретизируемо «любое произвольно взятое содержание, но лишь определенное по своей сущности содержание (т.е. свобода)...». Последнее замечание, собственно как и естественно-правовое направление, как любой «философский» подход, представляет ценность для законодателя. Не подлежит сомнению значение данного подхода для науки права. Однако весьма примечательно, что общеобязательность и возможность властно-принудительной защиты В.С. Нерсисянц связывает с нормой закона, а не права. По-видимому, он осознает, какие могут наступить неблагоприятные последствия, если допустить применение права наряду с законом и вопреки закону.

Обоснование таких предложений встречается у ряда представителей теории «возрожденного естественного права». Но именно они представляют собой опасность для режима законности.

И в дальнейшем сторонники естественно-правовой теории происхождения государства и права последовательно защищали тезис о том, что народ страны обладает естественным и неотчуждаемым правом не только на формирование государства на базе общественного договора, но и на отпор тиранам, несправедливым правителям.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права / М.И. Абдулаев. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.
2. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук: 12.00.01 – теория и история права и государства, история правовых учений / Тамбов, государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2001. – 169 с.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие (2-е издание, переработанное, дополненное и исправленное) / Н.А. Власенко. – М.: Проспект, 2011. – 416 с.
4. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права / С.А. Комаров, А.В. Малько. – М.: НОРМА–ИНФРА • М, 1999. С. 448.
5. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник / В.В. Лазарев, С. В. Липень. 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – 634 с.
6. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2016. – 323 с.
7. Сырых В.М. Проблемы теории государства и права: Учебник / В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.

ЗАЩИТА ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Кулинич И.Ю.

студентка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В данной статье рассматриваются теоретические положения, направленные на выявление наиболее оптимальных способов защиты земельных прав граждан.

Ключевые слова: земельный участок, защита земельных прав, судебная защита земельных прав, восстановление нарушенного права.

Известно, что земля считается основой жизнедеятельности проживающих на ней людей. Так как земельные участки подлежат защите, как и любой другой объект гражданского права, их принято относить к недвижимому имуществу и основные способы защиты предусмотрены в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 12 ГК РФ «Способы защиты гражданских прав») [1]. Примечательно, что часть из них отражена в Земельном кодексе РФ (гл. 9 ЗК РФ «Защита прав на землю и рассмотрение земельных споров»).

В соответствии с гражданским законодательством, защита прав осуществляется следующим образом:

1) признание права на земельный участок (ст. 59 ГК РФ). Любое субъективное право содержит правомочие на защиту правообладателя данного права. Согласно статье 12 Гражданского кодекса РФ, признанием права является способ защиты гражданских прав. Из этого следует, что реализация права, принадлежащая определенным лицам, осуществляется по собственной воле и в своих интересах. Относительно статьи 59 Земельного кодекса РФ это правило означает осуществле-

ние защиты права на земельный участок только обладателем данного права (п. 1 ст. 9 ГК РФ).

2) восстановление положения, действующего до нарушения права, и пресечения действий, которые нарушают право или создают угрозу его нарушения (статья 60 Земельного кодекса РФ). Право на земельный участок восстанавливается, если суд признал акт исполнительного органа государственной власти или акт органа местного самоуправления недействительным, который повлек за собой нарушение такого права [2]. Нормы Гражданского кодекса РФ дают возможность расширить защиту нарушенного права на земельный участок и применить в качестве последствия восстановления нарушенного права. В соответствии со ст. 12 Гражданского кодекса РФ право лица на земельный участок подлежит защите так же в случае признания недействительным акта законодательных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Право на земельный участок восстанавливается при самовольном занятии земельного участка;

3) признание акта государственного органа или органа местного самоуправления недействительным

4) признание недействительной оспариваемой сделки

5) взыскание неустойки и возмещение причиненных убытков

6) компенсация морального вреда

7) изменение или прекращение правоотношений

8) применение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, не противоречащего закону

Таким образом, защитой прав на землю является защита интересов и правомочий собственника или землепользователя.

Споры по земельным вопросам разрешаются в судебном порядке [4, с. 3]. Земельный спор возможно передать на разрешение в третейский суд до принятия дела к производству.

Способы защиты прав на землю:

а) признание права на земельный участок. Реализуется в судебном порядке. Судебное решение, которое установило право на землю, будет являться юридическим основанием, при предъявлении которого органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним обязаны осуществить государственную регистрацию права на землю или сделки с землей;

б) восстановление положения, которое существовало до нарушения права на земельный участок. Нарушенное право восстанавливается в следующих случаях: признание судом акта исполнительного органа государственной власти или акта органа местного самоуправления недействительным, повлекшего за собой нарушение права на земельный участок; занятие земельного участка самовольно; в иных случаях, предусмотренных Федеральными законами;

в) пресечение действий, нарушающих право и создающих угрозу его нарушения. К таким действиям можно отнести: признание в судебном порядке не соответствующих законодательству актов исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления недействительными; приостановление исполнения актов исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления, не соответствующих законодательству, а также приостановление промышленного, гражданско-жилищного и другого строитель-

ства, разработки месторождений полезных ископаемых, эксплуатации объектов, поисковых, геодезических и других работ в установленном Правительством РФ порядке;

г) возмещение убытков. Убытки, причиненные нарушением прав собственников участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов, подлежат возмещению в полном объеме, включая упущенную выгоду, в предусмотренном гражданским законодательством порядке.

Рассмотрению в судебном порядке так же подлежат споры, возникающие в связи с договорами по поводу земли:

1) земельные споры, где нарушаются или оспариваются права граждан и юридических лиц на землю, в которые входят права владения, пользования и распоряжения землей.

2) земельно-имущественные споры, связанные как с нарушением земельных прав, так и с возмещением убытков и вреда, которые вызвали это нарушение.

3) имущественные споры, возникающие из земельных отношений. В данном случае речь не идет о споре о праве на землю, а рассматриваются имущественные споры по поводу пользования и распоряжения землей. К примеру, спор о размере и возмещении убытков в случае изъятия земель для государственных и общественных нужд. Правомерность изъятия не оспаривается, однако прежний собственник или землевладелец не согласен с размером убытков. Решение принимает третейский суд большинством голосов, которое излагается в письменном виде [5, с. 18]. Решение подписывается всеми судьями и участниками спора. Решение третейского суда, не исполненное добровольно, может быть исполнено в принудительном порядке на основании исполнительного листа, который выдается судом общей юрисдикции.

Таким образом, под защитой земельных прав можно понимать совокупность определенных гражданским законодательством способов, устраняющих нарушения прав законного владельца земельного участка.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101 – ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». // Собрание законодательства РФ № 30. Ст. 3018.
2. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 11 от 24.03.2005. «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Вестник ВАС РФ №5.
3. Булгаков В.В. Справедливость и правотворчество // «Ученые записки» Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №2. Тамбов. 2001. – 0,2 п.л.
4. Булгаков В.В. Справедливость и правотворчество // «Ученые записки» Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №2. Тамбов. 2001. – 0,6 п.л.
5. Булгаков В.В. Справедливость и правотворчество // «Ученые записки» Тамбовское региональное отделение Вольного экономического общества России. Специальный вып. Том №2. Тамбов. 2001. – 0,3 п.л. (в печати).

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Кушнир А.А., Новикова Е.В.

студенты специальности «Юриспруденция»,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Статья анализирует понятие справедливости с точки зрения разных ученых. Также рассмотрен принцип справедливости в праве, и в земельном праве. Анализируется принцип справедливости при распределении земельных участков.

Ключевые слова: принцип справедливости, земельное право, земельные участки, правовые принципы, категория справедливости.

Актуальность исследования. Справедливость представляет собой многоаспектное явление, которое является предметом изучения многих наук, прежде всего, философии, социологии, политологии, экономики, права. В каждой из этих наук вырабатываются подходы к пониманию справедливости, выводятся свои определения, производится классификация ее на виды. В исследованиях, затрагивающих вопросы права, справедливость рассматривается либо в качестве морально-этической, ценностной категории, либо в качестве правового принципа. Причем здесь сразу необходимо разграничить континентальное и англо-саксонское право с иными правовыми семьями, поскольку, например, в государствах исламского и индуистского права справедливость вообще не связывается с применением права судами. Однако в континентальном и англо-саксонском праве понимание справедливости также различается и зависит от особенностей национальной правовой системы и главенствующих в ней подходов к пониманию права, к соотношению права и справедливости.

В таком случае социальная справедливость может быть определена как сложившаяся в данном обществе на базе требований экономики, политики, права и нравственности система оценки действий, поступков и социальных явлений. Из изложенного следует сделать вывод: чтобы правоприменительная деятельность государства пользовалась авторитетом в обществе, при ее осуществлении необходимо руководствоваться социальной справедливостью, выраженной посредством нормативной регламентации и закрепленной в праве.

Ситуацию осложняет существующая до настоящего времени терминологическая неопределенность в вопросе о том, именовать ли справедливость «правовой» или «юридической» [9, с. 48]. Так, В.Н. Кудрявцев [9, с. 49], В.М. Баранов [8, с. 72] используют оба указанных термина, фактически отождествляя их. С. Ф. Афанасьев указывает на необходимость реализации категории справедливости в праве, не затрагивая проблему практического осуществления данного предложения [7, с. 74]. Соглашаясь с высказанным М.А. Видутом мнением о динамичном характере правовых понятий и терминов, возможности их изменения по содержанию и форме, что особенно актуально применительно к категории справедливости, отметим в качестве существенного недостатка занимаемой ею позиции, что указанная возможность изменения их содержания фактически реализуется не столько

под влиянием совершенствования терминологического аппарата, сколько под воздействием изменения фактического наполнения содержания соответствующих понятий и терминов в процессе исторического развития общества, что, в свою очередь, влечет соответствующие изменения в праве [8, с. 70].

Полагаем необходимым устранить терминологическое разнообразие в обозначении одного и того же понятия, считая некорректной позицию [9], ставящую под сомнение саму возможность присутствия справедливости в праве при прямом нормативном закреплении данного термина в ряде основополагающих международно-правовых и внутренних нормативных актов. В дальнейшем применительно к характеристике проявления категории справедливости в праве предлагаем пользоваться термином «юридическая справедливость», признавая очевидную нетождественность проявления справедливости в праве и во всех остальных сферах общественной жизни.

Причем точки зрения по последнему вопросу разнятся от полного разделения до отождествления. При рассмотрении справедливости в качестве морально-этической, ценностной категории ей может придаваться значение либо внешнего фактора, влияющего на право, либо некоего качества или свойства права, либо воплощения (цели) права. На это «накладываются» проблемы, связанные с тем, что справедливость можно понимать по-разному в зависимости от того, какие ценности ставятся на первое место: духовные или материальные. В связи с этим понятия «справедливость» и «социальная справедливость» также могут либо отождествляться, либо, наоборот, противопоставляться. В качестве примера противопоставления можно привести позицию В.С. Нерсисянца [11, с. 117].

Он, признавая справедливость правовым принципом, говорил, что ей (формальной справедливости) противостоит социальная справедливость как множество разнородных неправовых притязаний, которые обусловлены различными (индивидуальными, групповыми, коллективными, партийными, классовыми и т. п.) интересами. Справедливость как принцип права (формальная справедливость) не сливается с самими этими притязаниями и не является нормативным выражением и генерализацией какого-либо одного из таких частных интересов, а, оценивает их формально-равным, а потому и одинаково справедливым для всех правовым мерилom.

При этом, несмотря на многообразие точек зрения, если справедливости придавать правовое значение, то можно выделить два основных подхода к ее пониманию: субъективный и объективный. При субъективном подходе справедливость рассматривается как добропорядочность (добросовестность) какого-либо лица. Данный подход сформировался в английском праве. Исходя из того, что в прецедентном праве норма права создается судьей, вопрос определения недобросовестности относится к категории установления факта несоответствия поведения лица требованиям добропорядочности, определяемых исходя из совести судьи (конструкция недопущения несправедливости). В связи с этим в данном случае основополагающее значение приобретают моральные качества, независимость и компетентность судьи.

Практически любой предприниматель или даже простой человек, желающий приобрести земельный участок из публичной собственности, которые обращались для этого в уполномоченный орган власти, знают, что реализовать своё конституционное право иметь в частной собственности землю, конечно, можно. Только для «положительного решения вопроса» необходимо «внести n-ю сумму на развитие муниципального образования» (как правило, по процедуре, исключающей зачисле-

ние денежных средств в бюджет). И это распространено практически повсеместно. За исключением, пожалуй, тех мест, где земля вообще не ценится (заброшенные деревни с разрушенной инфраструктурой, удалённые и необжитые уголки и т.д.).

По обоснованному замечанию А. Орлова, «именно коррупция, наряду с распродажей природных ресурсов, стала одним из главных источников обогащения бюрократов всех мастей. Жертвами неустанных поборов являются не только предприниматели, студенты, владельцы автомобилей. В их число всё чаще попадают нищие селяне, дачники и огородники, которым приходится «давать на лапу» за оформление земельного участка, составление кадастра, получение той или иной справки» [10, с. 115].

По опросам Фонда «Общественное мнение» большинство респондентов идеальным жильём назвали отдельный дом, 65% хотели бы жить там с женой (мужем) и детьми, 23% – большой семьёй из нескольких поколений, 9% – в одиночку. При этом для 29% опрошенных благоустроенный дом с участком (садом) и баней стал бы воплощением мечты о жилье [10, с. 116].

Проблема справедливости распределения земельных ресурсов и деогосударствления собственности на землю через публичную функцию распоряжения земельными ресурсами давно обсуждается в высших органах государственной власти. Думаем, нет необходимости подробно расписывать, почему до сих пор ситуация с мёртвой точки не сдвинулась. А вместо действительного решения проблемы – осуществляется «выпускание пара» посредством различных «круглых столов», «дискуссионных клубов», «слушаний», «обещаний» и другого стандартного набора демагогических приёмов.

Одной из провозглашённых целей ФЦП «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999-2002 годы» являлось создание российской национальной системы землепользования, которая бы позволила соединить свободу владения землёй, её эффективное использование и социальную справедливость при распределении земли.

Однако, как показывает практика, указанной цели достигнуто не было. При этом со стороны власти в периоды с конца 1990-х годов и по сегодняшнее время в этом направлении не предпринято никаких реальных шагов, не разработано и не внедрено ни одного юридического механизма, направленного на достижение этой цели (т.н. «дачная амнистия» не является таким механизмом, так как распространяется на земельные участки уже предоставленные на каком-либо праве).

Когда речь идёт не о конституционно-правовой основе полномочия по распоряжению земельными участками, а о его конкретном предметном содержании используется термин «предоставление земельных участков», который, как это характерно для российской правовой действительности, различно понимается и в доктринальной и в учебной литературе, а также в судебной, административной и иной практике. Это приводит к многочисленным проблемам в практике правоприменения, о которых мы рассказываем в нашем курсе. Вместе с тем от правильного толкования указанного юридического термина зависит адекватное вложенному законодателем замыслу применение норм законодательства о предоставлении земельных участков к соответствующим правоотношениям, законное и справедливое рассмотрение и разрешение соответствующих земельных споров, создание «прозрачных» условий, исключающих или существенно ограничивающих проявление коррупционных факторов. В значении указанного термина нередко употребляются другие по своему характеру понятия: «приобретение земельных участков», «при-

обретение прав на земельные участки», «переход прав на земельные участки», «приватизация земельных участков», «выдел земельных участков», «отвод земельных участков», «передача земельных участков» и др. Неопределённость в вопросе правильного применения в законодательстве перечисленных терминов приводит к многочисленным земельным спорам, а зачастую и парализует действие тех или иных гарантий реализации земельных прав.

В завершение статьи приведём замечательные слова А. Лофиченко, достаточно точно отражающие тревожные процессы, происходящие сегодня в земельных правоотношениях: «Культура земледелия является неразрывной частью общей культуры нации. И когда какая-то группа людей, начиная с властных структур, откалывается от неё и всеми силами старается забыть о древней и самобытной культуре народа, всех неминуемо постигает кара в виде общей деградации и превращения в примитивное общество, обречённое быть на обочине цивилизации» [9, с. 48].

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44. – ст. 4147.
2. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.06.2014. – № 26 (часть I). – ст. 3377.
3. Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 25.07.2011. – № 30 (ч. 1). – ст. 4594.
4. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44. – ст. 4148.
5. Закон Самарской области от 11.03.2005 года № 94-ГД «О земле» (с изменениями от 6.10.2015 года) // <http://docs.cntd.ru/document/945011164> (дата обращения: 7.04.2016)
6. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 (ред. от 30.10.2014) «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2009. – № 30. – ст. 3821.
7. Постановление ФАС Поволжского округа от 17.02.2014 по делу № А57-4777/2013
8. Васильев Э.Х. Правовые механизмы обеспечения прав граждан при предоставлении земель для строительства объектов недвижимости // Современное право. – 2014. – № 7. – С. 70-74.
9. Железнов Д.С. Новеллы правового регулирования предоставления земельных участков для строительства в свете ключевых положений Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 11. – С. 46-50.
10. Железнов Д.С. Правоотношения по предоставлению земельных участков для строительства: понятие, структура, элементы // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 5. – С. 12-16.
11. Булгаков В. В., Подольская А. С. Земельный участок как объект земельных отношений // Современные тенденции развития науки и технологий, 2016 – №2 – 2 – С. 114-117.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Мещерякова Е.Ю., Мамет Е.Е.

студентки специальности «Юриспруденция»,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В данной статье исследовано историческое развитие понятия справедливости, определены его нормативно-правовые свойства. Также изучены принципы справедливости в современном Российском праве. Цель исследования заключается в расширении и углублении теоретических знаний об историческом развитии справедливости как правового явления.

Ключевые слова: справедливость, государство, право, нормативно-правовые свойства, категория, нравственность.

Справедливость представляется как особое явление, которое включает в себя различные нормативно-правовые свойства. Как отмечает кандидат юридических наук В.В. Булгаков: «справедливость – это одна из важнейших проблем современности, которая выражает сложные диалектические процессы мирового развития в прошлом и настоящем» [2, с. 3]. С развитием человечества категория справедливости, выступая своего рода оценкой общественных отношений, продолжает оставаться значимой.

Исследование основных методологических подходов к возникновению и развитию понятия справедливости является актуальным на современном этапе развития общества в силу ряда причин. Во-первых, проблема определения сущности справедливости начала волновать исследователей уже в древности. Во-вторых, справедливость охватывает все существующие ценности и отражает их соотношение, находясь в основе системы координат человека, в отсутствие которой он не имеет возможности ориентироваться в массе значимостей, социальных ролей и обосновано с точки зрения морали взаимодействовать с окружающей действительностью.

На начальном этапе восприятие справедливости возникало под страхом неизбежного наказания за нарушение обычаев. Ученые отмечают, что в мифологии Древнего Египта справедливость олицетворялась у людей с различными божествами. По мнению египтян, справедливостью обладали: бог Осирис, сын Осириса Гор и др.

Изучение научной литературы показало, что в Древнем Вавилоне также присутствует божественное представление власти и законов, что указывает на их соответствие принципу справедливости. Эта идея четко выражена в законах Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) – величайшем памятнике древневавилонского права. В нем достаточно четко отражен и принцип талиона. Та справедливость, о которой говорится в Законах Хаммурапи, о которой говорится в Законах Хаммурапи, подразумевает под собой определенное правовое, социальное и политическое неравенство членов различных сословий общества.

Важную роль проблема справедливости имела в Древней Греции. Древнегреческие философы вели споры, пытаясь определить источник справедливости:

Бог, природа или человеческое установление. Так, в философских идеях Гераклита Эфесского был сформулирован принцип всеобщего изменения как закон действительности.

Одним из первых, правовой аспект справедливости рассмотрел Аристотель. Рассуждая о сущности данного понятия, философ отмечал: «справедливость есть основа права, которое является основанием закона» [2, с. 38]. Аристотель был убежден, что справедливость может носить также частный характер, представляя собой определенную совокупность конкретных норм, выполняющих в обществе интегративную функцию.

Большое внимание проблеме исследования уделил в своих трудах Сократ. Древнегреческим мыслителем были изучены вопросы соотношения справедливости и законности. В соответствии с его учением, «справедливо то, что законно». Анализируя философскую теорию Сократа, В.В. Булгаков отмечает, что «Сократ стремился доказать существование единого и общего понятия справедливости, связывая его с нравственностью и знанием» [2, с. 142].

Категория справедливости у Сократа имела важное значение для определения сущности и природы государства. Он отрицал любую форму государства, в том случае, если она не соответствовала справедливости. Философские учения Сократа оказали воздействие на формирование взглядов его ученика Платона. С точки зрения Платона, справедливость представляет собой одну из добродетелей идеального государства и имеет место тогда, когда каждый представитель общества занят своим делом.

Ученые отмечают, что многие идеи греческих философов (Аристотеля, Платона, Сократа и др.) повлияли на становление правовой мысли в Древнем Риме. Так, в римском праве справедливость характеризовалась отражением экономического положения, а также политических устремлений и нравственных установок правящего класса.

С развитием общества расширялись представления о теории справедливости, возникали новые идеи по данному вопросу. Так, данная проблема нашла отражение в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Ч.Тейлора и др. В их трудах проведен анализ понятия справедливость, определена его сущность и значение [3, с. 44].

Русская мысль, изучающая проблему справедливости, предлагает исследование данного вопроса в три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Ученые отмечают, что представления о справедливости, существовавшие в древневосточных обществах, не были похожими. В них присутствовали различные, порой абсолютно парадоксальные социальные тенденции, отражающие противоречивость социальной структуры общества.

В дореволюционной отечественной литературе понятие справедливости использовалось для разрешения проблем гносеологического характера. В советской период исследование проблемы справедливости с точки зрения идеологии прослеживается в работах Л.Г. Гринберга и А.И. Новикова, С.И. Григорьева, Г.В. Мальцева и т.д. Авторы характеризуют справедливость как достаточно сложное явление. В настоящее время данной проблеме посвящены труды В.В. Булгакова, Б.Н. Кашникова, Н.В. Печерской, А.В. Прокофьева, А.А. Гусейнова, Ф.Ф. Мамедовой и др.

Справедливость включает требования соответствия практической роли разных индивидов в общественной жизни и их социальным статусом, между их правами и корреспондирующими им обязанностями, между совершенным деянием и последующим воздаянием, и т.д. Справедливость включает в себе элементы не-

справедливости, объем которых напрямую зависит от уровня общественного развития (правовых, моральных, экономических, политических и иного рода отношений). В качестве основного элемента правосознания, справедливость должна выражаться в правовых нормах.

По мнению М.М. Мамедовой, справедливость в сегодняшнем понимании целесообразно изучать в широком и узком смысле. В широком смысле справедливость представляет собой философско-этическую категорию, отражающую многоплановость общественно-экономических связей и отношений людей. В узком же смысле, справедливость следует рассматривать как правовую категорию [3, с. 20].

Стоит отметить, что с категорией справедливости непосредственно связаны эмоциональные переживания, представления о ценностях, а также о тех взаимосвязях явлений, в которых они находят воплощение. Упорядочение указанных представлений через использование концепций различных авторов позволяет предложить следующую формулировку сущности справедливости – это иерархически упорядоченная система взаимосвязанных нравственных ценностей, предполагающая такое сочетание нравственных высших категорий, при котором ограниченная равенством свобода в соответствии с объективным порядком воплощает добро.

Современное состояние российского общества, в котором за последние десятилетия произошли существенные изменения социально-экономического и общественно-политического характера, характеризуется существенными коррективами в условиях жизни людей. С точки зрения ряда ученых, в России, в которой чувство сострадания, справедливости вместе с чувством патриотизма чтятся в качестве святынь, был сформирован новый антропологический тип, характеризующийся тем, что в нем возобладали мотив хорошей жизни, заменив собой мотив равенства и справедливости.

В.В. Булгаков отмечает, что «в российском обществе характерно ослабление механизма регулирования социального поведения, социальный контроль также ослаблен, происходит своего рода «размывание» нормативно-ценностной системы. Многие провозглашенные права или нарушаются, или же остаются так и неустраиваемыми. Зачастую гуманные идеи и реалии на практике расходятся» [2, с. 6]. Создание справедливого общества в российском государстве в значительной степени зависит от того, сможет ли само это общество сформировать определенные моральные стандарты, на которые смогло бы ориентироваться в своем поведении большинство российских граждан.

Таким образом, не смотря на изученность данного вопроса в зарубежной и отечественной юридической литературе, не исчезает потребность в дальнейшем углубленном исследовании проблем, связанных с возникновением и развитием понятия справедливости и его нормативно-правовых свойств, что ещё раз подчеркивает актуальность данного вопроса.

Список литературы

1. Булгаков В.В. Естественнo-правовая концепция справедливости // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: информационные бюллетени. Тамбов. № 4. 2001.
2. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. 169 с.
3. Мамедова Ф.Ф. Обеспечение назначения справедливого наказания в виде штрафа (на примере экономических преступлений): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 202 с.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Быкова А.П.

студентка 2 курса магистратуры,
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье раскрывается положение свидетеля в момент осуществления судом правосудия. Рассматривается роль и значение свидетельских показаний в судебном процессе. И наконец, какие последствия были за ложные показания для свидетелей.

Ключевые слова: Новгородская феодальная республика, Псковская феодальная республика, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, послух, судебный процесс.

В тот период, когда некоторые регионы средневековой Западной Европы (Генуя, Венеция) начинали своё развитие, тогда же и в Новгороде и Пскове начал складываться оригинальный республиканский (феодальный) строй. Основания, разрешившие вызвать своеобразное бурное развитие русских северо-западных земель, были зафиксированы еще в процессе возникновения государственности у приильменских славян. В отличие от Приднепровья, где власть в государстве брали представители военной знати, правнуки племенных вождей и их дружинников, на Новгородской территории, как представляют все возможные изучения, не было обстоятельств для превозвышения военной знати. Властвующее положение в государстве захватила давняя племенная знать [1, с.134]. Новгородская республика являлась одним из древнейших центров Руси. Новгородские территории были широки, но не очень благоприятны для земледельцев. В связи с этим, совместно с сельским хозяйством формировались рыболовство, солеварение, охота. После организации Древнерусского государства с центром в Киеве новгородскими территориями распоряжался обычно князь, присылаемый из Киева. Тем не менее приблизительно с начала XII века правление в новгородской земле завоевывает оригинальность в своём развитии. Дальнейшее укрепление феодального землевладения местной знати, практическое лишение княжеских земель, присутствие у церкви больших феодальных вотчин, а также преобразование Новгорода в центр продаж и торговли с Западной Европой делали Новгородскую землю сильной, экономически суверенной от Киева. Скопление огромных богатств в руках местной аристократии закрепляло ее в борьбе за политическую самостоятельность Новгорода.

Псковская республика приобрела независимость в XIV века. До этого территории Пскова были в составе Новгородской феодальной республики, а Псков представлял из себя пригород Новгородской земли, то есть подневольным от него городом. И хотя с XIII века Псков имел индивидуальный княжеский стол, на который совершенно автономно звали князей, Новгород отрешался признать независимость Псковской республики. Но, Новгород был принужден это сделать в обмен на военную поддержку Псковской республики против агрессоров – шведов [2, с. 136].

Характерной чертой землевладения в феодальных республиках, было то, что важнейшей землевладельческой группой являлись горожане. У членов городской

общины было необыкновенное право на приобретение вотчин из земель, устремляющихся к городу. Вече устанавливало режим этих земель. Воспрещалось передавать их иногородним, в том числе даже князю. В случае специальных заслуг перед городом вече имело право преподнести землю. В знак суверенности от княжеской власти, в связи с формированием республиканского строя, Новгород стал называться Господин Великий Новгород. С приобретением самостоятельности Псков также стал именоваться Господин Псков. Высшим органом власти в обеих республиках считалось вече важнейших городов, то есть собрание жителей городских общин. Крестьяне не имели права входить в состав вече. Не имели основного голоса и жители иных городов, хотя случаи их пребывания на вечевых собраниях Новгорода и Пскова зафиксированы в документах. Учитывая все оригинальности формирования Новгорода и Пскова в экономическом плане и в государственном, можно сказать о том, что у них создавались новые связи, новые общественные взаимоотношения, формировалась так же и экономика, и в связи с этим было нужно, помимо действующего законодательства, опубликовать то, которое будет регулировать данные общественные отношения. Так и поступили эти две феодальные республики, издавшие каждая свою судную грамоту, в которых четко отражалось, все изменения, произошедшие в республиках, определяли правовой статус населения, давали понятия гражданскому праву, договоры, которые можно было совершать, давали понятия уголовного права, описывались виды преступлений, за которые граждане республик несли ответственность, раскрывались понятия суда и судебного процесса. Таким образом, о праве Новгорода и Пскова можно судить по Новгородской и Псковской судным грамотам, международным соглашениям и иным дошедшим до нас рукописям. Надлежит отметить, что даже крупнейшие и основные из этих рукописей дошли до нас не полностью: от Новгородской судной грамоты, которая была принята «всеми пятью концами, всем государем Великим Новгородом на вече, на Ярославле дворе» остался лишь только фрагмент, хранящий 42 статьи [2, с.166]. Четкое определение суда и судебного процесса в этих судных грамотах дает нам возможность раскрыть вопрос правового положения свидетеля в судебном процессе данных республик. То обстоятельство, что Новгородская судная грамота дошла до нас не целиком, ясно не позволяет сделать обоснованный итог о системе судебных свидетельств Новгородской феодальной республики. Вместе с тем дошедший отрывок удостоверяет о принципиально ином по сравнению с Русской Правдой подходе законодателя к регламентации свидетельских показаний. Так, статьи 22, 23, 35 грамоты поочередно выявляют основные элементы процессуального статуса свидетеля (послуха): последовательность оценки свидетельских показаний, ограничения в допуске свидетелей, последовательность вызова свидетелей в суд и уплаты понесенных в связи с этим затрат, из-за неявки свидетелей на судебный процесс. Самым основным тезисом о правовом статусе свидетеля в судебном процессе является ясное узаконивание невыполнимости отстранения свидетельских показаний в связи с свидетельствами иного свидетеля. По соотношению с Русской Правдой Новгородская судная грамота настоятельно требует в этом случае присутствия наиболее совершенных, верных или иных свидетельств. Тем же остается правило безусловной неосуществимости участия в суде в роли послуха холопа, кроме дел о холопах: «холоп на холопа послух». В статье 35 Новгородской судной грамоты определяется двухнедельный срок для призыва свидетеля в суд. Предоставленное положение уточняет статья 23, устанавливающая долг суда привести свидетеля, который находится не далее ста верст от

места осуществления правосудия, с синхронной платой стороной пошлины в величине четырех гривен. Если стороны сослались на одного и того же свидетеля, то пошлина оплачивалась лишь только проигравшей стороной. Совсем по – другому разрешался вопрос о призыве свидетеля, находившегося на более отдаленном расстоянии. В данном обстоятельстве стороны должны были гарантировать явку свидетелей самолично, на что им предоставлялся трехнедельный срок. Не появление свидетеля в суд обозначала автоматический проигрыш дела стороной, сообщившей о таком призыве.

Процессуальное положение свидетеля разыскивает наиболее доскональную правовую регламентацию в выпущенной позднее Псковской судной грамоте. В большинстве это истолковывается тем, что текст ее не был потерян. Одновременно подобает согласиться с тем, что собственно «Псковская судная грамота была богата содержанием и выделялась многообразием для своего периода правовых норм.

В Средневековой Руси: в суд доставляются письменные свидетельства (акты), которые ранее разрешались свидетелями. Безусловно, всего лишь это по большей доле иски, завязывающиеся из договоров, тяжб о недвижимом имуществе, но как раз здесь принимаются отрабатываться процедуры и приспособления употребления письменных доказательств» все же нужно устремить заинтересованность и на то, что при анализе некоторых видов дел роль свидетельских показаний в системе судебных подтверждений лишь только усиливается. Разбирая, статью 20 Псковской судной грамоты я сделала вывод о том, что уголовный процесс по делам о нанесении вреда здоровью, в том числе сопряженного с хищением имущества, был целиком основан на показаниях свидетелей(послухов).

Тождественность показаний истца с свидетельствами свидетелей было одним из основных доказательств достоверности его позиции по делу. При этом одной из задач судопроизводства была установление обстоятельства общего пребывания истца и свидетеля. В некоторых эпизодах в преимуществе обнаруживались показания определенной группы свидетелей – соседей, отталкиваясь из того, что ранее у них уже было наличие сведений о разбираемых наследственных делах (статья 55) и спорах о принадлежности земли (статья 9).

Однако правом отстаивать свою правоту с поддержкой свидетельских показаний и вызывать свидетелей предоставлялось не только истцу, но и ответчику. Так, статья 23 Псковской судной грамоты открыто свидетельствует о наличии обязанности суда впускать к рассмотрению по делу и свидетеля со стороны ответчика. Таким же образом показывалась право ответчика на отвод свидетеля истца по причине показаний ответчика, это ясно доказывалось разделом в Псковской Судной Грамоте в статье 24, соответственно которой ответчик, обвиненный в разбое и не вызвавший своего свидетеля, не может быть осужден лишь только на основе показаний свидетеля истца. В данном случае судьи обязаны были послать приставов для расследования дела на место преступления [4, с. 210].

Число свидетелей в Псковской грамоте могло быть разнообразным в зависимости от определенного количества условий. Первое из них – место совершения правонарушения. В том случае, когда правонарушение происходило в общественном месте, то вполне довольно было свидетельств 4-5 человек. Предполагается, что в этом обстоятельстве законодательство отталкивается из обстоятельства публичности совершения преступления и из-за этой публичности уменьшает доказательную базу лишь показаниями послухов. Надлежит подметить, что и многие гражданские дела рассматривались по Псковской судной грамоте также при участии 4–

5 послухов (в частности, аренда земельных участков – статья 51 Псковской судной грамоты). В том случае, когда преступление было менее явным, то оно требовало предоставления лишь одного свидетеля. Образцом служит статья 117, которая указывает, «что если кто-нибудь вырвет у другого бороду, а свидетель увидит это, то свидетель обязан дать присягу и драться (с виновным) на судебном поединке. Если свидетель победит своего противника, то (с последнего) присуждается за (вырванную) бороду (в пользу потерпевшего) 2 рубля и пеня за побои. Свидетель обязан быть один» [5, с. 254].

Твердое требование грамоты к одному свидетелю истолковывается не только нуждой доказывания своей правоты установленной присягой (целованием креста), но и защитой своих свидетельств в поединке. При этом свидетель должен был принимать участие в поединке самолично. Хотя закон и давал право слабым, старикам, детям, священнослужителям и монахам пользоваться для участия в поединке со свидетелем услугами наемника (наемного бойца), все-таки свидетель не имел право заменить себя наемным бойцом (статья 21). Вторым условием, воздействовавшим на нужное количество очевидцев, были обстоятельства, требующие удостоверения. Так, обстоятельство «гонения со двора» приставов всегда требовал свидетельств 2–3 послухов (статья 57), при этом подтверждение этих ситуаций взваливалось на приставов.

Согласно статьи 22 Псковской судной грамоты, послух обязан был явиться на судебное заседание, а его неявка автоматически вела к потере иска для стороны, которую должен был представлять указанный свидетель. Псковская судная грамота прямо указывает на то, что свидетельство послуха теряет всякую силу, если последний «не договорит или переговорит». «Именно в этом случае закон указывает на возможность (или неизбежность) вызова ответчиком послуха на поединок. В этом смысле послух перестает быть просто свидетелем. Подобная ответственность с его стороны привела к тому, что в качестве послуха у каждой из сторон могло быть лишь по одному представителю. Причем лишь суд решал, какой из двух являлся действительно послухом. Преимущество в этом плане было у истца» [6, с. 159].

На фоне стремительного развития письменных доказательств, свидетельские показания не теряли своей значимости. Напротив, выделяются отдельные категории дел, где обязательным и решающим доказательством выступают свидетельские показания. Существенно детализируется их правовая регламентация. На развитие института свидетельских показаний существенное влияние оказывают исторические и общественно-политические процессы, происходящие в раннефеодальном обществе. Следствием этого становится, например, запрет выступления в качестве свидетеля жителя Пскова на судебном процессе в Новгороде, что, на наш взгляд, связано с отделением в конце XIV в. Пскова от Новгорода.

Список литературы

1. Абдуллаева Р.А. История государства и права России. Волгоград: ВолгГТУ, 2014.
2. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная Грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси в XIV-XV вв. М., 2013.
3. Глушаченко С.Б., Виноградов А.М. Становление основ процессуального права и судебных доказательств в России IX-XVI вв. // История государства и права. 2012.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

Быкова А.П.

студентка 2 курса магистратуры,

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В данной статье рассматривается понятие преступления против государственной власти, которое впервые возникло в Псковской судной грамоте. Раскрываются виды данного правонарушения. А также виды наказаний за совершения лицом данного деяния.

Ключевые слова: Псковская судная грамота, государство, государственное имущество, государственное правонарушение.

Прежде чем перейти к раскрытию своего вопроса в статье, хотелось бы раскрыть понятия Псковской судной грамоты. Псковская судная грамота 1467 года – нормативно-правовой акт, регламентирующий, в большей степени, гражданско-правовые отношения.

Один из важных памятников феодального права России XV века. Псковская Судная грамота состояла из 120 статей, 108 из которых были приняты в 1397 году, остальные же были приняты позже по решению вече. Псковская судная грамота издана на вече в лето 1397 году по благословению попов всех 5 соборов. Псковский кодекс составлялся не один раз: первоначальная его редакция должна быть отнесена к 1397 году [1, с. 154].

Во второй половине XV века она была дополнена на новом вече без уничтожения её предыдущей части, тогда и заглавие её было дополнено указанием на Константинову грамоту и на пятый собор. В конце XV века грамота была дополнена в третий раз.

Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой регулировала главным образом гражданско-правовые отношения и институты, обязательное и судебное право, рассматривала некоторые виды политических и государственных преступлений. Правовые институты Псковской Судной грамоты: – гражданское право: семейные союзы; поземельное владение, фактическое владение собственностью, индивидуальная и коллективная собственность; виды обязательств: обязательства поручительства, займа, поклада, купли-продажи, мены, заклада, найма, закупничества; – наследственное право; – формы документов: установления, удостоверение, передача прав (грамота, доска, запись, рукопись и др.). Основным документом становилась запись – письменный документ, копия которого сдавалась в архив; – уголовное право [1, с. 168]. Впервые были выделены составы государственных преступлений: – перевет – государственная измена, наказуемая смертной казнью; – кромская татьба – кража государственного имущества, наказуемая смертной казнью. Смертная казнь по Псковской Судной грамоте также назначалась за конокрадство и кражу, совершенную в третий раз [2, с. 124].

Суды, по Псковской Судной грамоте, были сословными, их компетенция устанавливалась не по объекту правоотношения, а по их субъектам. Судная грамота различала следующие суды: владыки; вече; князя и посадника; тысяцкого; старых и сотских; братчины; общий; местный; докладчиков. Присяга выражалась в целовании креста. Доказательствами по Псковской – межевые знаки; крестное це-

лование; судебный поединок – поле. Правом предложения принять постановление в Пскове обладал посадник; законы принимались и отменялись на вече вместе с князем.

Псковские законодатели впервые в истории русского права определили понятие города-государства. В этой связи далеко не случаен тот факт, что именно законодательство вечевых городов выработало такое понятие преступления как преступление против государственной власти. К числу наиболее опасных преступлений в сфере государственной власти Псковская судная грамота в первую очередь относит не известную Русской Правде измену – перевет. Можно выделить причину появления данного вида преступления против государственной власти: ведь в законодательстве Пскова власть князя и его аппарата понималась всего лишь как некая составная часть города-государства, но не отождествлялась с ним. В виду того, что само понятие измены складывалось на практике с конца XI-XII веков. Наиболее распространенным было понятие так называемой земской измены, тайного перевета, т. е. разного рода взаимосвязей с врагами своего государства. Раньше всего это понятие сложилось в Новгороде и Пскове, где войны с Тевтонским орденом и Литвой, являющиеся частью тяжелой борьбы всего русского народа за национальную независимость(суверенитет), наполняют всю историю этих городов-государств. Вот почему необходимость борьбы с изменой ощущалась здесь особенно остро нежели в других землях Руси. По Грамоте «перевет» рассматривался как преступное посягательство на внешнюю безопасность города-государства, которое осуществлялось в виде перехода на сторону военного противника, а также оказания помощи иностранному государству или их представителям в проведении враждебной деятельности в отношении «господина Пскова». Несомненно, «перевет» отличался от других видов преступлений высокой степенью общественной опасности, особой специфичностью и целым рядом других особенностей, которые в своей сущности могли нести судьбоносное значение для сохранения суверенитета, территориальной неприкосновенности и обороноспособности псковской земли [3, с. 210]. В качестве примера можно сослаться на следующие летописные данные: в 1194 г. казнили изменников, предавших Новгородскую дружину Юрге. Статья 7 Псковской судной грамоты гласит: Вора, совершившего кражу в Кремле, конокрада, изменника и поджигателя лишать жизни. Отсюда следует вывод о том, что за измену своему государству наказанием была только смертная казнь. Так же помимо измены в псковской судной грамоте выделялись и другие виды преступлений данной группы, а именно: Преступления против судебных органов: а) тайный посул судье (взятка) – штраф; б) нанесение удара подвернику (он следил за порядком); в) насильственное вторжение в судебницу – штраф.

3) Корчемство – незаконное производство алкоголя и его реализация. Это было нарушением финансовых прав государства. В Псковской судной грамоте прямо говорится «Княжим людям в городах кормч не держать». До этого употребление алкоголя было в ведении церковных судов.

4) Имущественные преступления: татьба (кража); грабеж; разбой; наход (разбой, совершенный группой людей). – Разбой: и в Русской правде и Псковской судной грамоте. Разбойник, совершивший и убийство, подлежа штрафу князю (смягчение наказания в Псковской судной грамоте). Наказание не зависит от социального положения потерпевшего. – Татьба делится на простую (штраф) и квалифицированную (кримская или кромская татьба – кража церковного имущества) – смертная казнь, большую роль играет элемент святотатства (нарушение церковных

правил). [3, с. 215] Можно так же рассматривать «зажигалника» как лицо, которое, поджигая город, посягает при этом на общественное спокойствие либо преследует цель оказать этим содействие военному противнику [4, с. 220]. В то же время отмечается, что поджог, хотя и совершенный умышленно, не всегда влек за собой применение смертной казни. Очевидно лишь одно, что в данной группе преступлений, родовым объектом является чужая собственность, а непосредственным – имущество конкретных физических или юридических лиц. Что касается вопросов о виде и мере наказания, то они, видимо, находились в прямой зависимости от направленности умысла преступника и судебного усмотрения.

На мой взгляд к преступлениям данной группы можно отнести и деяния, составляющие предмет регулирования церковным законодательством, и вот почему. В восточной Руси, в отличие от западной её части, православие являлась самой главной религией. Более того, поборов полностью язычество, оно стало единственной религией всего русского народа. Отсюда складывается убеждение, что православие и русская народность – тождественные понятия и что русские должны быть только православными. И из этого следует что, отклонение от православия – это измена, которая должна жестоко наказываться.

В Пскове уже существовала система судебной власти в виде самостоятельных, не подчиненных друг другу судов, решения которых были окончательны и обжалованию не подлежали. Так, суду князя и посадника были подсудны дела о головшине, татьбе, бое, грабеже и разбое. Суд выборных псковских, а по пригородам – суд пригородских посадников и старост, рассматривал гражданские дела, например, о займах, наймах, покупках, наследстве и дела о земельном владении. Суд владычня или епископского наместника (в Пскове не было своего епископа) осуществлял Владыка-наместник Новгородского архиепископа, который разрешал дела церковной юрисдикции в соответствии с церковными уставами великих князей Владимира и Ярослава. Охрана интересов судебной власти выразились, в первую очередь, в том, что был четко определен круг злоупотреблений своими правами и обязанностями представителями власти. Так, в частности, был закреплен запрет посаднику и вообще представителю власти быть ходатаем по чужим делам, то есть впервые определено совершение коррупционных действий. Признавая неприкосновенность носителей судебной власти (судей), псковский законодатель требовал, чтобы они были правдивы и беспристрастны. Обеспечение этих требований псковский закон находит в присяге. Однако отсутствие средств уголовно-правовой защиты могло привести к тому, что даже в случае вынесения неправосудного решения конкретные меры уголовно-правового воздействия в отношении представителей власти не предусматривались. Указывалось лишь, что ответственность носила нравственный характер.

Взяточничество одно из таких правонарушений, которое известно человечеству с древнейших времен. Опасность его в особой дерзости, продажности и цинизме взяточника, превращающего властные полномочия в непосредственный предмет торговли. Грамота содержит общий уголовно-правовой запрет на получение «посулов», употребляемых в смысле взятки. К сожалению, у нас отсутствуют сведения, что собой представляла ответственность за нарушение этого запрета.

В отличие от общего уголовно-правового запрета на получение «тайных посулов», в ст. 48 предусмотрена ответственность за вымогательство взятки «волоостелем» – судьей. То есть в данной статье говорится об ответственности судьи за вымогательство взятки у истца во время судебного процесса, и рассматривается

данное деяние судьи как грабёж. Так же одним из проступков против осуществления правосудия является ложные сведения, которые предоставляли в процессе свидетели (послухи), ведь самое главное в данном процессе для стороны это выиграть его, путем предоставления доказательств и показаниями выдвинутых стороной свидетелей. От того очень велико значения показаний в процессе, ибо они зачастую играют решающую роль в вынесении решения. И если показания будут лживы, то и вынесенное решение будет неправосудным. Выявить ложь в показаниях зачастую очень сложно, о данный вопрос раскрывается в статье 22 псковской судной грамоты, согласно которой неявка послуха в суд («не договорит») и противоречивость его показаний («переговорит») автоматически ведут к проигрышу дела истцом. Если воспринимать послуха на современный лад, то это человек, который стремится воспрепятствовать отправлению правосудия, в том числе путем уклонения от дачи показаний или обмана, должно влечь за собой определенную ответственность. Здесь и просматривается нить зарождения процессуальных мер ответственности за лжесвидетельство. Но авторы грамоты остановились на пол пути и ввели ответственность только истцу, которому лишь отказывалось в иске [4, с. 278].

В грамоте так же отмечается такой вид преступления как ложный донос, имеющий своей целью оговорить невиновного, является оговор вором другого человека. К преступлениям, имеющим государственное значение, следует отнести и организационное обеспечение деятельности судов, осуществляемое упоминающимися в Грамоте приставами под руководством князей, городского вече их полномочия включали элементы судебной и следственной деятельности, например, такие, как досудебное исследование обстоятельств совершенного преступления; соби́рание доказательств; обеспечение надлежащего порядка при рассмотрении дела в суде; контроль за своевременной уплатой судебных пошлин; розыск и принудительный привод ответчика, уклоняющегося от явки в судебное разбирательство; обеспечение исполнения решения суда.

Уклонение от выполнения требований судебного пристава влекло для нарушителя соответствующую меру ответственности. Так, введена ответственность за нарушение регламента судебного заседания – насильственное вторжение посторонних лиц в помещение суда и нанесение побоев приставу (придвернику), обеспечивающему порядок при рассмотрении дела в суде: «а хто. силою в судебню полезет, или подверника ударит, ино всадити его в дыбу да взять на нем князю рубль, а подверникам 10 денег». Эта норма ограждала судебное разбирательство от постороннего влияния и способствовала росту судебного авторитета.

В Псковской судной грамоте запрещалось устраивать расправу, самосуд, произвол. За нанесение побоев истцу на суде в присутствии суда полагался штраф в размере рубля. В случае же неуплаты этого штрафа виновный «выдавался головой» оскорбленному. Статья 67 предусмотрена ответственность истца за самоуправное изъятие у ответчика спорных предметов до вынесения судом решения по существу дела.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Псковская судная грамота самый первый источник права, в которой были впервые указаны преступления против государственной власти, а так ж виды наказания за их совершения. Она явилось отправной точкой в создании данного вида преступлений для более современных нормативно-правовых актов. Хотя она и не охватывала все виды преступлений данной группы, но для того времени это было довольно-таки достаточно, учитывая факт того, что общество постоянно развивается и меняется, а общество –

это главный признак государства, а государство и право всегда развивались одновременно.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная Грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси в XIV-XV вв. М., 2009.
2. Бабенко В.Н. История суда России (IX – начало XXI в.) / В.Н. Бабенко, И.П. Слободянюк. – М., 2005.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 2014.
4. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Проспект. 2009.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СТАТУСА МИРОВОГО СУДЬИ

Воробьева М.М.

Промышленный районный суд г. Ставрополя, Россия, г. Ставрополь

В статье морально-этические качества кандидата на должность судьи рассматриваются в качестве важных составляющих статуса мирового судьи. В статье акцентируется внимание читателей на необходимость формирования статуса мирового судьи в России не только через призму законодательных гарантий, но и через осознание необходимости установления неправовых критериев.

Ключевые слова: мировой судья, статус судьи, мировая юстиция, профессиональные компетенции, юриспруденция, судейская этика.

*Четыре качества принадлежат судье:
учтиво слушать, мудро отвечать,
и беспристрастно решать.*

Сократ

Прошло уже более двадцати лет с начала формирования в Российской Федерации современного института мировой юстиции. За это время до настоящего момента законодатель внес не одну поправку для устранения пробелов в законодательстве, регулирующем деятельность мировых судей. В частности, довольно подробно изложены основные положения, касающиеся и требований к кандидатам на должность мирового судьи, его компетенций и полномочий, а также определен статус мирового судьи. Именно на статусе судьи как комплексной категории мне бы хотелось более подробно остановиться и вынести на обсуждение ряд, на мой взгляд, интересных вопросов.

В данной статье хотелось бы говорить о статусе судьи не в разрезе права и законодательных гарантий, раскрыть его как совокупность различных компонентов, берущих свое начало в психологии, этики, социологии и других науках. Юристу привычнее под статусом (лат. status) понимать установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей [1, с. 704].

Социальный ранг личности в группе, мера уровня признания, уважения и принятия личности ее участниками – на таком понимании статуса судьи хотелось бы остановиться в контексте данной статьи [2].

В современной науке достаточно обширно и полно изучена правовое ядро статуса судьи, его гарантии независимости, ответственность судей. Но не так много

существует ярких интересных исследований и работ, посвященных научному формированию образа «идеального судьи», то есть судьи, способного не только развивать свои профессиональные компетенции и повышать квалификацию, но и соответствовать высоким требованиям общественности к судье как носителю власти.

Безусловно, цели в судейской профессии общие. Однако не стоит забывать, что профессиональные компетенции личности, ее способность развивать свой потенциал, самосовершенствовать свою квалификацию и стремиться к развитой саморефлексии – это сугубо индивидуальные категории [3, с. 115].

Бангалорские принципы поведения судей, утвержденные 25-26 ноября 2002 г. Комиссией ООН по правам человека, включают в себя независимость, беспристрастность, честность, соответствие установленным требованиям, соответствующее поведение, равенство, компетентность и добросовестность. Для их реализации судья должен, в частности: следовать и содействовать высоким стандартам судейского поведения в целях усиления доверия общества к судебной власти, что имеет первостепенное значение для поддержания ее независимости; заботиться о том, чтобы его поведение в суде либо за пределами суда сохраняло и поддерживало веру общества, коллег по профессии и участвующих в судопроизводстве сторон в беспристрастности как самого судьи, так и судебной власти в целом; обеспечивать, чтобы его поведение было безупречным с точки зрения разумного наблюдателя; не допускать несоответствия установленным требованиям либо несоответствующее поведение в каких-либо вопросах судейской деятельности; с учетом постоянного внимания со стороны общественности свободно и по доброй воле принимать на себя определенные ограничения, которые могут рассматриваться с точки зрения обычных граждан как обременительные, в частности, чтобы его поведение соответствовало достоинству судьи, и т.д. Есть они и в национальном законодательстве [4]. Конкретнее говоря в Российской Федерации внеправовые составляющие статуса судьи регламентируются Кодексом судейской Этики, принятым еще в 2004 году. Если закон определил правовой статус судьи, то Кодекс судейской этики определил нравственный статус [5, с. 68].

Закрепленные в Кодексе судейской этики правила поведения судьи дифференцированы и относятся как к осуществлению его профессиональной деятельности, так и к его поведению во внеслужебной деятельности [6, с. 55].

Приведенные источники говорят нам о том, что внеслужебный статус судьи федерального или мирового играет очень важную роль в современном правовом обществе. Мера уровня признания и уважения гражданами является индикатором уровня доверия ко всей судебной системе в целом, что накладывает немалую ответственность на внеслужебную деятельность и жизнь судьи.

Наряду с объективными факторами, влияющими на восприятие судебной власти, ее авторитет напрямую зависит от соблюдения требований, адресованных непосредственно судье Кодексом судейской этики.

Следование мировым судьями в своей профессиональной деятельности букве Конституции, федеральных законов и законов субъектов контролируется государством, в основном в лице вышестоящих судов, но следование нравственным ценностям – гражданами, институтами гражданского общества, судейским сообществом. Именно соблюдение судебного этикета как в судебном заседании, так при общении с участниками процесса, гражданами и, в особенности, отражение нравственной позиции судьи в принятии решений служит критерием оценки нравственного уровня судьи. Из такой оценки гражданами поведения судьи и складывается, в значительной мере, авторитет суда в широком общественном мнении [7, с. 4-6].

Обратимся к статистике: определяя основные причины, которые мешают судьям эффективно работать, в качестве основной проблемы 31% россиян называют недобросовестность и взяточничество суде [8]. Согласитесь, в какой –то мере этот показатель – неудовлетворительная оценка обществом моральных и нравственных устоев современных судей.

Выбирая сложный путь, мировой судья должен в полной мере осознавать, что он является персональным носителем власти, а следовательно, и его профессионализм, и его грамотность, и отношение – являет собой олицетворение государства. Предъявлять все более высокие требования к себе – неотъемлемая часть саморефлексии, которая является неким базисом для перманентного развития и формирования судейского статуса.

Мировой судья должен в полной мере осознавать, что этот статус наделяет его необходимостью иметь безупречную репутацию истинно достойного человека, личностные и профессиональные качества которого не смогут стать возможным рычагом давления на него при вынесении решения или приговора. То есть речь идет и о сильном характере, о разумной твердости при принятии решений, устоявшихся жизненных позициях и векторах развития, отсутствие пристрастий к азартным играм, алкоголю, невозможности фанатичного следования религии, обеспечение достойного воспитания детей и сохранение достоинства собственной семьи, ограничение в желаниях, идущими в разрез в государственными интересами, компетентность в выполнении служебных обязанностей, непрерывном развитии коммуникативных навыков и многие другие качества. Иными словами, мировой судья – цельная личность. Справедливо будет сказано, что цельной личностью может быть или должен стремиться стать представитель любой профессии. Но в то же время трудно не согласиться с тем, что мировой судья в силу определенных для него законом компетенций наиболее приближенный к людям представитель власти, который решает важные и волнующие для каждого индивидуального человека, гражданина вопросы, а значит, что в этом смысле быть цельной личностью для мирового судьи особенно важно.

Подводя итоги, хочется отметить, что несмотря за все годы формирования института мировой юстиции в современной России, этот уровень судебной системы все еще продолжает динамично развиваться. Под влиянием тенденций современного общества и формируется образ мирового судьи. Этот образ сводится к пониманию того, что судья больше, чем профессия. Это призвание, это особый образ жизни, особый уровень ответственности. Морально-этический компонент статуса судьи не имеет вспомогательного характера по отношению к компоненту правовому, приходя ему на помощь в случае встречи судьи с несовершенством подлежащих применению норм, являясь основой его внутренних ценностей, позиций, predispositions, установок. Однако необходимо глубокое научное осмысление этого важного компонента, наполнение его практическим и нормативным содержанием для практического использования, в том числе судейским сообществом.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др.; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 2015. – 704 с.
2. Организационное поведение / Ньюстром Дж.В., Дэвис К. – СПб.: Питер-Юг, 2000.
3. Настольная книга мирового судьи Ростовской области: научно-практическое пособие / Коллектив авторов; под ред. Золотаревой Е.А. Ростов – на-Дону, 2016. С. 115.

4. Бангалорские принципы поведения судей. Приняты ООН, 06 сентября 1985 года. Гаага. (п. п. 1.6, 2.2., 3.1, 4.1, 4.2).
5. От Кодекса чести судьи к Кодексу судейской этики. Ткачев В. // Российская юстиция. 2003. № 4. с. 68.
6. Клеандров М.И. Правовой и смежные компоненты правового статуса судьи.
7. Что такое модель идеального судьи и зачем она нужна? М.И. / Клеандров // Российский судья. – М.: Юрист, 2005, № 11. – С. 4-9.
8. Газета РБК. Россия <http://www.rbc.ru/society/03/12/2007/5703ca279a79470eaf7681e7>

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1918 гг.)

Гаврилкина Ю.В.

соискатель кафедры административного и муниципального права,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В статье анализируется советское законодательство 1917-1918 гг., регламентирующее создание контрольно-надзорных органов государства. Исследуется компетенция указанных органов и их структурных подразделений. Автором делается вывод о существенном различии степени нормативно-правового регулирования деятельности контрольно-надзорных органов в зависимости от значимости социально-политических задач, стоявших перед центральными органами государственного управления.

Ключевые слова: государственные инспекции, жилищные инспекции, инспекции труда, торговые инспекции, губернские инспекции, контрольно-надзорные органы, правовая организация.

Революционные события февраля и октября 1917 года привели к слому существовавшей в Российской Империи модели государственного управления. В основе идеологии вставших во главе государства большевиков находился постулат о передаче всей полноты власти советам – принципиально новым органам, создание которых предполагало вовлечение широких народных масс – рабочих и крестьян – в процесс государственного управления.

Переход к новой модели построения системы органов государственного управления сопровождался упразднением существовавших ранее институтов публичной власти и не мог не привести к отсутствию системности в построении новой структуры государственно-властных субъектов. Органы, призванные разрешать отдельные вопросы государственного управления, создавались по мере необходимости для решения текущих хозяйственных, социально-культурных и административно-политических задач.

Для обеспечения законности и дисциплины в деятельности различных субъектов в рамках соответствующих областей государственного управления объективно потребовалось осуществление контроля и надзора с созданием необходимых органов или контрольно-надзорных подразделений органов более широкой компетенции. Уже в октябре 1917 года нормативными актами советской власти предусматривается учреждение специальных контрольно-надзорных органов – инспекций.

Впервые в актах советской власти деятельность инспекций была предусмотрена п. 11 Постановления НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. «О жилищном моратории» [9], где говорилось о необходимости предоставления местным самоуправ-

лениям поселений с числом жителей менее десяти тысяч возможности создания жилищной инспекции, хотя изначально правовым основанием создания таких инспекций были нормативные правовые акты Временного правительства. Отдельным нормативным правовым актом предусматривалось право и городских самоуправлений учреждать жилищные инспекции; в их ведении находилось также определение организационных и компетенционных основ деятельности данных инспекций [10, п. 3]. Таким образом, центральные органы государственного управления не регламентировали структурно-организационных основ их функционирования и круг разрешаемых ими вопросов, предоставляя возможность городским самоуправлениям самостоятельно осуществлять правовую регламентацию в данной сфере.

Практически одновременно было определено нормативное основание контрольно-надзорной деятельности в сфере труда, осуществляемой Инспекцией Труда в целях защиты трудящихся от неограниченной продолжительности рабочего времени. Контрольно-надзорная деятельность данного органа включала и меры разрешительной системы, включая выдачу специальных разрешений на сверхурочные работы, в которых указывались дневная продолжительность таковых работ и срок их осуществления. В ряде случаев предусматривался уведомительный порядок привлечения к сверхурочным работам с подачей в инспекцию простого заявления [2, п. 19]. Однако соответствующие правила были разработаны для целей реализации ранее принятого законодательства – Устава о промышленном труде 1913 г. [13], который продолжал действовать после прихода к власти большевиков и послужил основой для последующей кодификации трудового законодательства. Вместе с тем до принятия Кодекса законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. [6] (КЗоТ РСФСР 1918 г.) были приняты дополнительные меры по усилению нормативно-правовой основы деятельности Инспекций Труда. Декретом СНК РСФСР от 18 мая 1918 г. «Об Инспекции Труда» [3] были определены:

1) организационная подчинённость Инспекций Труда на центральном и местном уровнях (они находились в ведении Народного Комиссариата Труда и его местных органов – Отделов Охраны Труда, что отражало новый порядок территориального построения деятельности центральных органов государственного управления);

2) отказ от дробления инспекций по отраслевому и функциональному признакам, которое было установлено Уставом о промышленном труде (упразднены Фабричная и Горная Инспекции, а вместе с ними ликвидированы Главное по фабричным и горным делам присутствие, а также Губернские и областные по фабричным делам и горнозаводским делам присутствия);

3) порядок замещения должностей Инспекторов и Инспектрисс Труда, которые избирались Советами Профессиональных Союзов и Общегородскими или Окружными Страховыми Кассами по их соглашению. В случае отсутствия в районе одной из указанных организаций местный Комиссар Труда созывал конференцию из представителей страховых и профессиональных организаций в равном числе, которая избирала Инспекторов и Инспектрисс Труда с последующим их утверждением областными Комиссарами Труда. Данные требования были призваны повысить демократические начала в формировании персонального состава названных инспекций;

4) компетенция Инспекций Труда, в ведение которых входило наблюдение и контроль за проведением в жизнь декретов, постановлений и иных актов советской власти в области охраны интересов трудящихся масс, а равно и непосредственное

принятие необходимых мер по охране безопасности, жизни и здоровья рабочих и работников, включая применение административно-принудительных мер в виде денежных взысканий в пределах, установленных особой инструкцией. В детализированном виде контрольно-надзорные полномочия Инспекторов и Инспектрисс Труда были определены в Постановлении НКТ РСФСР от 31 июля 1918 г. «О Наказе Инспекции Труда» [11]. Впоследствии их деятельность была распространена и на случаи привлечения так называемых нетрудовых элементов к трудовой повинности в целях использования незанятой рабочей силы для общественно полезной работы; за использованием их труда также осуществлялся контроль и надзор [12, п. 6].

С принятием КЗоТ РСФСР 1918 г. соответствующие правила, затрагивающие организацию и компетенцию Инспекций Труда, были приведены в систематизированный вид и сгруппированы в отдельном разделе названного закона.

В экономической области государственного управления следует назвать также созданные в первые годы советской власти лесные и торговые инспекции, однако порядок их организации и деятельности подробно не был регламентирован.

Организация лесного надзора на высшем уровне государственного управления была возложена на Центральную Лесную Инспекцию, которая находилась в ведении Центрального Управления Лесов Республики. В полномочия данного управления входило разъяснение местным органам учётной инспекции инструкции по ведению учёта лесов, а также исправление учётных и кадастровых сведений посредством командирования представителей технических органов Центральной Лесной Инспекции на места [1, ст. 74].

В сфере торговли контрольно-надзорную деятельность осуществляли торговые инспекции, круг ведения которых был установлен различными нормативными правовыми актами. Городские (уездные) торговые инспекции наряду с местными Губернскими Отделами Народного Комиссариата Торговли и Промышленности осуществляли регистрацию торговых книг [4, ст. 11]. Организация торговых инспекций была возложена на Главпродукт (Главное Управление Продуктораспределения Народного Комиссариата Продовольствия), который ведал всем делом снабжения населения монопольными и немонопольными продуктами промышленного и кустарного производства, а также проводил другие меры по регулированию товарообращения в стране [5, п. 6,9].

В социально-культурной области были приняты меры по упразднению тех инспекций, которые были учреждены до установления советской власти. Речь идёт о губернских инспекциях, осуществлявших контроль и надзор в области образования. Постановлением Наркомпроса РСФСР от 20 января 1918 г. «Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ, и губернских дирекций и инспекций» [8], были ликвидированы как губернские инспекции вместе с их канцеляриями, так и должности инспекторов народных училищ, а всё делопроизводство передано отделам народного образования при местных советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Единственной инспекцией, которая функционировала в административно-политической области государственного управления в исследуемый период, была Высшая Военная Инспекция, которая относилась к военным учреждениям, подчинённым Революционному Военному Совету Республики и работающим по его заданиям [7, п. 3]. Организация и компетенция данного органа остались вне нормативно-правового регулирования.

Таким образом, уже в первые годы становления советской власти было организовано функционирование ряда контрольно-надзорных органов – государственных инспекций, степень нормативно-правового регулирования деятельности которых существенно различалась в зависимости от значимости социально-политических задач, стоявших перед центральными органами государственного управления. Детальная регламентация организации и компетенции была характерна для Инспекций Труда, что соответствовало идеологическим приоритетам, связанным с избавлением рабочих и крестьян от эксплуататорского воздействия.

Список литературы

1. Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О лесах» // СУ РСФСР. 1918. № 42, ст. 522.
2. Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» // СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 10.
3. Декрет СНК РСФСР от 18 мая 1918 г. «Об Инспекции Труда» // СУ РСФСР. 1918. № 36, ст. 474.
4. Декрет СНК РСФСР от 27 июля 1918 г. «О торговых книгах» // СУ РСФСР. 1918. № 59, ст. 652.
5. Декрет СНК РСФСР от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» // СУ РСФСР. 1918. № 83, ст. 879.
6. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 87-88, ст. 905.
7. Постановление ВЦИК от 30 сентября 1918 г. «О Революционном Военном Совете (положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 97, ст. 978.
8. Постановление Наркомпроса РСФСР от 20 января 1918 г. «Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ, и губернских дирекций и инспекций» // СУ РСФСР. 1918. № 17, ст. 251.
9. Постановление НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. «О жилищном моратории» // СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 13.
10. Постановление НКВД РСФСР от 30 октября 1917 г. «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» // СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 14.
11. Постановление НКТ РСФСР от 31 июля 1918 г. «О Наказе Инспекции Труда» // СУ РСФСР. 1918. № 56, ст. 620.
12. Постановление НКТ РСФСР от 11 декабря 1918 г. «О проведении трудовой повинности (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 90, ст. 919.
13. Устав о промышленном труде 1913 г. // Свод законов Росс. Имп. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1913.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Горшенева Л.А.

магистрант, Педагогический институт имени В.Г. Белинского,
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

В статье представлен исторический очерк развития законодательства России в области правового регулирования труда несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, правовое регулирование труда, трудовой кодекс, история развития трудоустройства несовершеннолетних.

Развитие законодательства о применении труда несовершеннолетних в России связано со многими факторами как политическими, так социальными и экономическими. В конце 80-х годов 19 столетия наблюдалось стремительное развитие капитализма, это явление привело к тому, что спрос на рабочие руки стал очень быстро расти. Следствием стало использование работодателями труда малолетних и несовершеннолетних работников. Вовлечение этой категории граждан в трудовую деятельность было очень выгодно для предпринимателей, так как очевидно, что оплата труда детей была минимальной. Необходимо отметить, что законодательное регулирование труда несовершеннолетних на тот момент уже появилось, однако работодатели всячески старались обойти предписанные нормы и ограничения.

Специалист по истории законодательства о труде рабочей молодежи в царской России В.Ю.Гессен писал: «Ухищрения, на которое порой пускались фабриканты, преимущественно имели своей целью ввести в заблуждение фабричного инспектора. Так, предприниматели устанавливали для малолетних частые и короткие смены (например, после 2-х часовой работы следовал получасовой или часовой перерыв). Эти дети были вынуждены проводить на фабрике больше времени, а фабричный инспектор не был в состоянии проконтролировать фактическую и нормативную продолжительность их рабочего дня [2, с. 107].

Формирование ограничительных законов в отношении труда детей связано с деятельностью высшего законодательного органа России – Государственного Совета. Так, в начале 1890 г. министру финансов и министру внутренних дел было поручено проконтролировать запрет на прием на работу лиц в возрасте до 12 лет. Однако была поправка, что если ребенок от 10 до 12 лет уже работает на предприятии, то увольнять его не предписывалось, ограничение касалось только новых приемов. После введения данного ограничения спустя 2 года на промышленных предприятиях не осталось ни одного работника в возрасте до 12 лет.

Работа в ночное время, как и сейчас, среди несовершеннолетних работников не допускалась, однако Государственный совет сделал исключение из этого правила, разрешив детям от 12 до 15 лет работать по 6 часов в ночное время в стеклянном производстве, наиболее опасном и вредном. Следует отметить, данный орган разрешал привлекать на работу малолетних в праздничные и воскресные дни на усмотрение фабричной инспекции.

В начале 20 века с появлением на фабриках нового оборудования и оснащения труд малолетних детей стал терять свою актуальность, так как нужны были специально обученные в техническом плане работники. Такой труд предполагал другой уровень подготовленности и сознательности рабочего. В сложившейся ситуации владельцы заводов и фабрик стали требовать снижения ограничительного возраста, предлагая, чтобы от 12 до 14 лет дети считались малолетними, а с 14 до 16 – подростками. Это бы позволило использовать труд детей в возрасте от 14 до 16 лет наравне со взрослыми. 21 декабря 1906г. состоялось совещание относительно разработки законов о труде несовершеннолетних, на котором также было рассмотрено требование фабрикантов и заводчиков. Это требование основывалось на том факте, что к 14 годам дети заканчивали обучение в школе, а до 15 лет предприниматели не имели права брать их на заводы, вследствие чего они бегают по улицам без дела и хулиганничают. В феврале следующего года состоялось еще одно совещание, на котором работодатели протестовали против возрастных ограничений в 15 и 17 лет. Еще одним поводом для возражений явилась статья, согласно которой запрещалось использовать труд женщин и лиц до 17 лет на подземных работах.

Эти протесты привели к очередному затягиванию подготовки законопроекта о труде детей и подростков в Государственную Думу.

Последующие исторические события не улучшили условия труда малолетних граждан. В условиях первой мировой войны, учитывая потребности военного производства, правительство разрешило привлекать женщин и детей к подземным и ночным работам, закрепив это в законе от 9 марта 1915 г.

8 августа 1917 г. временным правительством была предпринята попытка запретить использование труда женщин детей и до 17 лет в ночное время, и вышло новое постановление, в котором, однако содержалась поправка, что до окончания войны министру промышленности предоставлялось право привлекать таковых к работе и в ночное время. По факту такая поправка сводила к нулю значение закона.

В 1918 г. после окончания октябрьской революции был принят кодекс законов о труде. В кодексе говорилось, что лица, моложе 16 лет, не подлежат трудовой повинности. Также кодекс определил, что рабочий день несовершеннолетних работников не должен превышать 6 часов, помимо этого запрещалось привлекать лиц, не достигших 18-летнего возраста, к работе в ночное время и к труду в опасных для здоровья условиях [7, ст.905].

В октябре 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде. В новом законе трудовая повинность устанавливалась для лиц, достигших 18 лет, прием на работу детей младше 16 лет запрещался. Относительно работы в ночное время и в условиях опасных для здоровья сохранились нормы предыдущего кодекса. Также был утвержден список работ, на которых запрещалось использование труда несовершеннолетних, например, подземные работы, труд в кузнечном цеху, металлическая сварка и многие другие, всего 106 наименований.

В годы Второй мировой войны трудовые нормы относительно несовершеннолетних опять были ужесточены. 26 июня 1940 вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому увеличивалась обязательная мера труда. Так, рабочий день лиц, старше 16 лет составлял 8 часов, не достигших 16 лет – 6 часов [6, с. 566]. 12 июля 1940 г. вышло Постановление СНК СССР, разрешающее привлекать подростков старше 16 лет к ночным и сверхурочным работам.

С началом Великой Отечественной войны было принято решение о трудовой мобилизации. Дети до 16 лет трудовой мобилизации не подлежали. Согласно Указу, к обязательному труду привлекались мужчины и женщины в возрасте соответственно от 16 до 55 лет и от 16 до 50.

После окончания войны особое внимание уделялось трудоустройству детей и подростков, оставшихся без родителей. С этой целью были созданы специальные областные и городские комиссии по трудоустройству детей. Контроль за исполнением законодательства по трудоустройству несовершеннолетних возлагался на профессиональные союзы [5, с. 311].

В рамках общественного призыва, целью которого являлось трудоустройство молодежи, на добровольных началах было направлено на работы в предприятия восточного и северного районов страны и Донбасса 210 тысяч человек, главным образом молодежи [3, с. 5].

В 1956 г. вновь принимаются меры по улучшению условий труда несовершеннолетних. Продолжительность рабочего дня лиц, в возрасте от 16 до 18 лет, снизилась до 6 часов, а также повысился возраст приема на работу. Теперь на работу принимались только лица, достигшие 16 лет. Однако в исключительных случаях на работу могли поступать и 15-летние подростки, при условии, что они пройдут

производственное обучение или же они уже окончили техническое учебное заведение. В этом случае подростки имели право самостоятельно заключать трудовые договоры с работодателями без согласия законных представителей [3, с. 12-13].

Постепенно получает распространение такая форма трудоустройства молодежи как бронирование рабочих мест. Для всех предприятий была установлена броня приема на работу и на производственное обучение несовершеннолетних, окончивших среднюю школу, и подростков, не получивших среднего образования. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О вовлечении в промышленное и сельскохозяйственное производство молодежи, окончившей средние общеобразовательные школы» от 12 сентября 1957г. было установлено привлекать всю молодежь, в том числе и не имеющую среднего образования, на сельскохозяйственные работы и в промышленное производство.

Последующие законодательные инициативы связаны с установлением преемственности между школой и дальнейшим образованием ребенка. Так, в 1958 г. в силу вступает закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР». В рамках исполнения закона союзные республики должны были предоставить в Совет Министров СССР планы по трудоустройству и профессиональному обучению лиц, закончивших общеобразовательные школы. То же самое касалось и трудоустройства подростков, окончивших средние школы с производственным обучением, и технические учебные заведения [3, с. 8-9].

Бронирование мест для несовершеннолетних работников осуществляли органы исполнительной власти каждой республики в соответствии с действующим планом трудоустройства. Представители данных органов направляли несовершеннолетних работников на предприятия, которые были обязаны трудоустроить направленного работника.

Следующим мероприятием, связанным с улучшением законодательства о труде, было образование в союзных республиках – комитеты по использованию трудовых ресурсов. Появление таких комитетов предусматривало участие их представителями в работе по профессиональной ориентации подростков, обучающихся в общеобразовательных школах совместно с органами народного образования.

9 декабря 1971 г. был принят новый Кодекс законов о труде РСФСР. Во вступившем в действие кодексе были прописаны виды работ, на которые нельзя было трудоустроиваться несовершеннолетним гражданам. Работа с опасными условиями труда была запрещена во всех отраслях промышленности и народного хозяйства.

С целью обеспечения рабочими местами большего количества трудоспособной молодежи все также активно применялась практика общественного призыва. Создавались специальные комиссии по набору и распределению рабочих.

В 1970 г. в действие вступают Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде [1, ст. 265]. Согласно ст.80 данного закона устанавливается 3 категории несовершеннолетних, на которых распространяется броня приема на работу:

- 1) лица, получившие среднее общее образование;
- 2) подростки, окончившие профессионально-технические училища;
- 3) иные лица в возрасте до 18 лет. К ним могли относиться несовершеннолетние, которые были уволены либо прекратили трудовые отношения по собствен-

ному желанию, подростки, прервавшие обучение в школе, а также лица до 18 лет, которые перевелись в вечерние школы.

В 1990-1991гг. формируется служба занятости населения. Но последующие исторические события, появление рыночных отношений обусловили разработку новых подходов в отношении трудоустройства населения [5, с. 320].

Таким образом, проблеме трудоустройства несовершеннолетних, а также их профессионального обучения уделялось особое внимание в советском союзе.

Многие из принятых норм и ограничений перешли в современное трудовое законодательство.

В настоящее время, помимо Трудового кодекса, труд несовершеннолетних граждан регламентирует целый ряд законов и нормативно-правовых актов. Так, например, в Федеральных законах «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» содержатся нормы, регламентирующие трудоустройство данной категории работников. В законах указано о необходимости проведения ряда мероприятий по осуществлению пропедевтической работы с лицами, достигшими 14-летнего возраста, их профессиональной ориентации. Проведение этих мероприятий осуществляется федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Помимо этого, для лиц, не достигших 18-летнего возраста, существует система квотирования рабочих мест с целью трудоустройства молодежи.

Особое внимание эти законы уделяют трудоустройству детей сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте от 14 до 18 лет, в отношении которых указывается проводить профориентационную работу, а также осуществлять диагностику их профессиональной пригодности по состоянию здоровья. Работодателем, принимающим на работу данную категорию работников, предоставляются налоговые льготы.

Как уже отмечалось выше, вопросы регулирования трудоустройства несовершеннолетних могут регламентировать и ведомственные нормативные акты. Например, организация трудоустройства лиц, в возрасте от 14 до 18 лет, на временные работы с финансированием соответствующих мероприятий регламентирует Приказ Минтруда РФ и Минфина РФ от 24 марта 2002г. «Об утверждении положения о финансировании мероприятий по содействию занятости населения и социальной поддержке безработных граждан за счет средств федерального бюджета».

Необходимо отметить, что современное трудовое законодательства не уделяет должного внимания вопросу трудоустройства несовершеннолетних граждан. Ст.272 ТК РФ «Особенности трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет» указывает лишь на то, что эти особенности определяются трудовым законодательством, коллективным договором, соглашением [8, ст. 272]. Проблемы трудоустройства молодежи на сегодняшний день объясняются рядом причин. Во-первых, молодое поколение предъявляет более высокие требования к условиям труда, к оплате труда. Ручной труд с малопривлекательными условиями работы сегодня непопулярен. Еще одной причиной нетрудоустроенности молодых людей является требование со стороны работодателями опыта трудовой деятельности в конкретной сфере. Более трех четвертей безработных в возрасте до 20 лет – лица, ищущие свою первую работу. Возможно, система квотирования рабочих мест для трудоустройства молодежи, предложенная Кодексом законов о труде (ст.181), могла бы найти отражение в нынешнем трудовом законодательстве. Однако стоит отметить, что

законодатель сегодня уделяет много внимания вопросам предоставления льгот работникам, до 18 лет, охраны их труда, сохранению физического и психологического здоровья ребенка.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. №29. Ст. 265.
2. Гессен В.Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. Л., 1927. С. 107-108.
3. Голованов Е.А., Трошин А.Ф. Трудовые права подростков в СССР. М.: Госюриздат, 1960. С. 5-13.
4. Кодекс законов о труде 1922 г. М., 1925.
5. Курс российского трудового права. Т.2. Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы) / под ред. С.П. Маврина, А.С. Пашкова, Е.Б.Хохлова. М.: Юристъ, 2001. С.311, 320.
6. Сборник законов СССР. 1938–1961. М., 1961. С. 566.
7. СУРСФСР. 1918. №87-88, ст.905.
8. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. Федеральный закон №197-ФЗ (ред.от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. В силу с 03.10.2016).

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СУЩНОСТИ

Грачева А.Ю., Седых В.А.

студентки специальности «Юриспруденция»,

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В данной статье предпринята попытка определения сущности и функций государства.

Ключевые слова: государство, функции государства, сущность государства.

С точки зрения сфер деятельности (объектов воздействия), функции государства разделяются на внутренние (сосредоточенные внутри границ государства) и внешние (проявляющиеся во взаимоотношениях с другими государствами) [4].

Одной из основных внутренних функций Российского государства (как, впрочем, и любого другого государства) является функция легализованного (узаконенного) принуждения, охраны основ общественного и государственного строя, поддержание общественного порядка [6, с. 49].

С помощью данной функции в классовом, социально неоднородном обществе обеспечивается порядок, стабильность, сохранение общества как такового. Функция принуждения состоит в установлении правовых норм, в предупреждении правонарушений, в пропаганде, поддержке и развитии достоинств существующего строя, поощрении законопослушного поведения, в деятельности государства по разъяснению необходимости, целесообразности соблюдения требований закона и, конечно, в борьбе с преступностью.

Составным элементом внутреннего убеждения граждан в необходимости соблюдения правовых норм является осознание справедливости. Подобное осознание предоставляет возможность понять социальный смысл требований правовых норм, надлежащим образом оценить поведение конкретных субъектов, избрать нравственно-оптимальный вариант собственного поведения [2, с. 139].

В центре правоохранительных действий государства находится в первую очередь личность, личность как гражданин, как член общества, как свободный ин-

дивид, а также само государство и его различные структуры. Поэтому, охраняя законные права и интересы личности, государство одновременно охраняет свои интересы, интересы всего общества.

Таким образом, функция охраны правопорядка – это деятельность государства, направленная на обеспечение точного и полного осуществления его законодательных предписаний всеми участниками общественных отношений.

Государство обязано обеспечить с помощью полиции, суда, прокуратуры и т.д., конституционный порядок в обществе. Неукоснительное соблюдение требований правовых норм. Поддержание стабильного правопорядка в стране является важнейшей задачей всего государства, всей системы его правоохранительных органов.

Следующая функция – экономическая. Данная функция – это целенаправленное воздействие государства на экономику. Российское государство (как и любое другое) является крупнейшим собственником различных ресурсов, которыми оно распоряжается.

Государство, выполняя экономическую функцию, создает определенный экономический климат, воздействует на экономическую сферу жизни общества.

Важными аспектами экономической функции являются:

- выработка и реализация государством экономических (целевых) программ;
- проведение финансовой и денежной политики;

Экономическая функция государства находит свое отражение в статьях 8, 34 Конституции РФ.

Функция налогообложения является производной от экономической функции государства, её основы закреплены статьёй 57 Конституции РФ. Базовым нормативным актом выполнения рассматриваемой функции выступает Налоговый Кодекс РФ.

Идеологическая функция – любое государство пропагандирует, отстаивает, придерживается какой-либо идеологии. Эта функция необходима, поскольку общение государства с населением только через приказы, запреты и т.д., может оказаться неэффективным. С помощью идеологии государство создает представление людей о необходимом, о важном, о наказуемом и т.д.

Значительное внимание уделяется консолидации общества [1].

Культурная функция – направление деятельности государства по духовному, культурному развитию общества, развитию образования и науки.

Основы государственной политики в данной области закреплены ст.43,44 Конституции РФ, в законах Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1 (ред. от 12.11.2012), «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992г. № 3612-1 и др. (ред. от 28.11.2015) и др.

Социальная функция – оказание государством различных услуг своим гражданам (подданным). Она заключается в следующих действиях:

- в обеспечении населения медицинскими услугами; в предоставлении образовательных услуг;
- в установлении и выплате пенсий, пособий, дотаций;
- в оказании различных услуг на льготных условиях незащищенным слоям общества (нетрудоспособным, инвалидам, многодетным, сиротам).

Социальная функция государства призвана обеспечить социальную защищенность личности, нормальные условия жизни для всех членов общества вне зависимости от их непосредственного участия в производстве благ [5, с.7].

Многообразные отношения, отличающиеся друг от друга степенью организованности, в своей совокупности составляют систему социальной справедливости. Не являясь элементами социальной справедливости, мораль и право выражают самостоятельные и специфические по социальной природе сферы общественной жизни и системы общественных отношений и норм. Согласованно функционируя, они действуют в одном направлении. По своей сущности понятие социальной справедливости можно представить как некое средство объединения в одной плоскости действия политики, морали и права [3, с. 146].

Содержание социальной функции отражено в большинстве статей Конституции Российской Федерации (ст.7, 38-41, 43 и др.).

В заключение данного раздела работы подчеркнем, что только эффективно выполняя свои внутренние функции, государственная власть может обеспечить [1]:

- системное сохранение производственно-экономического и природно-сырьевого, научно-технического и кадрового потенциала страны;
- поддержку базовых отраслей и предприятий, малого и среднего бизнеса;
- усиление инвестиций в инфраструктуру.

Выполнение внутренних функций в рамках государственной стратегии дает возможность преодолеть фрагментарность, провести последовательную национальную политику, реализовать курс на преодоление больших различий в уровне регионального развития.

Без активного выполнения государством внутренних функций невозможно рассчитывать на динамичное развитие отраслей экономики, на становление крупных корпораций, информационного общества. Оно способно гарантировать благоприятные условия предпринимательству, местному самоуправлению, эффективно использовать федеральные целевые программы и многие стимулирующие рычаги для поощрения структурных, новейших технологических изменений, инновационного развития.

На наш взгляд, в свете трагических событий, связанных с террористическими актами в нашей стране и в мире с полной определенностью можно говорить как об отдельной функции государства – функции по борьбе с терроризмом.

Международный терроризм является острой проблемой человечества в современных условиях. Он прямо или косвенно влияет на внутреннюю и международную политику всех государств мира, представляет собой серьезную угрозу для безопасности отдельных государств и всего мирового сообщества в целом.

Список литературы

1. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс современной России. Функции Российского государства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: society.polbu.ru/baranov_politics/ch47_i.html (дата обращения 04.05.2014).
2. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук. 2001. С.139.
3. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: диссертация на соискание научной степени кандидата юридических наук. 2001. С. 146.
4. Внутренние и внешние функции современного государства // jurconsult.blogspot.com/2011/05/blog-post_28.html (дата обращения 04.05.2014).
5. Камилов Д.А. Основы реализации социальной функции государства // Экономические науки. 2011. №6. С. 7.
6. Москвин Л.Б. Власть и общество: проблема доверия // Власть. 2011. №9. С. 49.

КФХ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Григорянц С.А.

доцент кафедры гражданского процесса, канд. юрид. наук,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

Алферов А.В.

студент 3 курса Юридического факультета,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается понятие, сущность и особенности крестьянского (фермерского) хозяйства. Производится анализ законодательства, регулирующего создание и деятельность КФХ. Рассматриваются особенности деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств на примере Ростовской области. Отмечаются рекомендации К.Н. Рачаловского по созданию и деятельности КФХ.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, сельскохозяйственная продукция, предпринимательская деятельность.

Предпринимательская деятельность имеет существенное значение для развития экономики России. В качестве организационно-правовой формы осуществления предпринимательской деятельности выступает крестьянское (фермерское) хозяйство.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», крестьянское (фермерское) хозяйство – представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии [3].

Согласно ст. 3 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» возможностью создания крестьянского (фермерского) хозяйства наделены дееспособные граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства. Фермерское хозяйство может быть создано не более чем пятью людьми, но также может быть создано и одним человеком. Фермерское хозяйство могут создать граждане, связанные между собой родством и (или) свойством, а также граждане с главой фермерского хозяйства, не состоящие между собой в родстве.

Документом, определяющим создание фермерского хозяйства, является соглашение, которое заключается между всеми гражданами изъявивших желание создать фермерское хозяйство.

По общему правилу, гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 ГК РФ) [1].

Так, согласно п. 5 ст. 23 Гражданского кодекса РФ, граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сель-

ского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании фермерского хозяйства, заключенного в соответствии с законом о крестьянском (фермерском) хозяйстве.

Также, стоит отметить, что на основании ст. 86.1 ГК РФ, граждане, ведущие совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании фермерского хозяйства, вправе создать юридическое лицо – фермерское хозяйство.

Датой определяющей создание фермерского хозяйства является дата государственной регистрации в предусмотренном порядке, в соответствии с законодательством России. Органом осуществляющем регистрацию фермерского хозяйства выступает федеральная налоговая служба Российской Федерации, сотрудники которой вносят соответствующую запись в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей или в Единый государственный реестр юридических лиц.

Главой фермерского хозяйства может быть гражданин зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. На главу фермерского хозяйства возлагаются различные полномочия, которые определены в ст. 17 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Крестьянское (фермерское) хозяйство прекращается по основаниям, предусмотренным ст. 21 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Итак, существует пять оснований прекращения крестьянско-фермерского хозяйства.

В первом случае прекращение фермерского хозяйства происходит в результате единогласного решения членов фермерского хозяйства.

Второй случай обусловлен обстоятельством, когда не осталось ни одного из членов фермерского хозяйства или их наследников, желающих продолжить деятельность фермерского хозяйства. При таких обстоятельствах, в соответствии со ст. 1151 ГК РФ, имущество будет признано выморочным и перейдет в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации.

В третьем случае прекращение деятельности фермерского хозяйства происходит при условии несостоятельности (банкротстве). При данном условии порядок прекращения регулируется ГК РФ и ФЗ от 26 октября 2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4].

В четвертом случае на базе имущества фермерского хозяйства создается производственный кооператив или хозяйственное товарищество.

Пятый случай прекращения крестьянского (фермерского) хозяйства, обусловлен решением суда. Все споры, которые возникают в случае прекращения фермерского хозяйства, разрешаются в судебном порядке.

Для полного понимания сущности крестьянского (фермерского) хозяйства, целесообразно рассмотреть доклад министра сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области К.Н.Рачаловского «О реализации в Ростовской области федеральных ведомственных программ по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов» [2].

Рассматривая Ростовскую область, можно с уверенностью говорить о том, что она является одной из самых крупных сельскохозяйственных областей России.

Фермерское хозяйство имеет большое значение. К.Н. Рачаловский отмечает: «свой вклад в развитие АПК области, наряду с крупными производителями, вносит и малый бизнес. 8 тысяч работающих КФХ обеспечивают 17 % производства валовой продукции сельского хозяйства области».

Как отмечается в докладе, растет доля господдержки фермерского сектора в общем объеме финансирования агропромышленного комплекса: с 8 % в 2010 году (313,0 млн. рублей) до 15% в 2015 (1232,0 млн. рублей).

К.Н. Рачаловский делает акцент на то, что основная специализация фермерского сообщества области заключается в производстве зерновых и овощей.

Касаемо животноводства, можно говорить о росте поголовья крупного рогатого скота.

Стоит также отметить, что ежегодно на федеральном уровне расширяется спектр государственных программ, направленных на решение задач связанных с улучшением условий деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства.

Так, согласно докладу, стимулом для развития животноводства в фермерском секторе стали ведомственные федеральные программы по грантовой поддержке начинающих фермеров и развитию семейных животноводческих ферм. За 2012-2015 годы гранты предоставлены 255 крестьянским (фермерским) хозяйствам.

Главной проблемой, которая возникает перед фермерами, является сбыт производимой продукции. Решение которой возможно путем создания сельскохозяйственной кооперации.

С 2011 года в Ростовской области реализуются программные мероприятия по созданию системы сельскохозяйственной кооперации. Реализация программных мероприятий по грантовой поддержке фермеров и кооперации предусмотрена до 2020 года.

По мнению К.Н. Рачаловского, каждый муниципальный район, каждое сельское поселение должно поставить себе задачу по участию в ведомственных федеральных программах грантовой поддержки фермеров. Необходимо усилить информационную работу с фермерским сектором. К работе с фермерами необходимо привлекать: местные агентства поддержки предпринимательства, информационно-консалтинговые центры, общественные объединения предпринимателей.

На основании вышеизложенного стоит отметить, что формирование крестьянского (фермерского) хозяйства возможно как с созданием юридического лица, так и без создания юридического лица. Правовое регулирование по формированию, осуществлению и прекращению прав и обязанностей участников фермерского хозяйства, в большей степени, регулируется ГК РФ и ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Крестьянское (фермерское) хозяйство имеет множество особенностей, которые проявляются как при формировании, так и при прекращении своей деятельности. В отношении фермерского хозяйства действуют специальные нормы. Так, фермерскому хозяйству предусматривается специальный налог, который отличается от налога в отношении индивидуального предпринимателя и юридического лица.

На сегодняшний день, фермерское хозяйство в большей мере создается без образования юридического лица, на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства.

Таким образом, для создания и успешного развития крестьянского (фермерского) хозяйства необходима поддержка как со стороны государства, так и со стороны субъектов и органов местного самоуправления РФ.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Доклад министра сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области К.Н. Рачаловского «О реализации в Ростовской области федеральных ведомственных программ по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов» // <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=125270&mid=130587&itemId=224> (дата обращения: 23.05.2017).

3. Федеральный закон от 11 июня 2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. ст. 4190.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Земзюлина А.А.

студентка 3-го курса, Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

Сметанин А.Г.

старший преподаватель кафедры физического воспитания,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

В статье рассматривается понятие «местное самоуправление», а также представлены основные признаки и проблемы, характеризующие данный аспект государственного устройства. Кроме того, освещается дуалистическая (конституционная) модель местного самоуправления, характерная для Российской Федерации. Материалом исследования послужили «Европейская Хартия местного самоуправления» и Конституция Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, государство, муниципальное право, дуалистическая модель, конституционная модель, государственное управление, демократическое общество, власть.

Актуальность темы исследования определена важностью системы местного самоуправления в экономической, политической и правовой сферах российского общества, в становлении демократического федеративного государства.

Проблемами теории государства и права, местного самоуправления, муниципального права занимались такие исследователи, как С.А. Авакьян, В.И. Васильев, В.А. Кряжков, О.Е. Кутафин, Л.Е. Лаптева, В.И. Фадеев, С.Е. Чаннов, И.Д. Саначев и др.

Местное самоуправление – система организации и деятельности граждан, обеспечивающая самостоятельное решение населением вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории [1, с. 26].

Согласно статье 3 Европейской Хартии местного самоуправления, местное самоуправление – это право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного значения [3].

Частью 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления [4].

Право на местное самоуправление может быть реализовано как непосредственно через формы прямого волеизъявления (выборы, референдум, территориальное общественное самоуправление, опрос и т. д.), так и опосредованно через систему органов местного самоуправления [5].

Следует также отметить, что местное самоуправление – это ещё и форма народовластия, то есть способ осуществления народом принадлежащей ему власти. В частях 1, 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации закреплено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ; народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [4].

Местное самоуправление является составной частью демократического правового государства. Демократия – есть власть народа. В исследовании А. Д. Градовского отмечается, что демократическое общество – это общество, которое правит собой само и для себя. Речь идёт о принципе народовластия. «Местное самоуправление является не только способом лучшего удовлетворения местных интересов, но и орудием практического применения начала народовластия в кругу дел, непосредственно касающихся народа в его ежедневной жизни» [2, с. 22-24].

Обязательные признаки местного самоуправления:

- власть, действующая в пределах, установленных законом,
- право местного самоуправления на самостоятельное распоряжение ресурсами,
- чётко обозначенные функции власти в государстве,
- обязательное наличие выборных органов местного самоуправления.

Для развития России на современном этапе нужна система органов местного самоуправления, являющихся суверенными в области экономики, и при соблюдении данных условий, они смогут оказать поддержку государству в проведении экономических реформ и исполнить возложенные на них социальные функции. Основой современной модели местного самоуправления выступают органы местного самоуправления, в ведении которых находится огромный диапазон хозяйственных и социальных служб. Органы местного самоуправления обеспечивают взаимодействие между социально-экономической политикой федеральных органов власти и органов власти субъектов Российской Федерации.

Нужно отметить, что одной из основных проблем местного самоуправления является его финансовая слабость, заключающаяся в разрыве между возлагаемыми на него обязанностями и их ресурсным обеспечением. Ещё одной предпосылкой к возникновению данной проблемы назовём невозможность для местных властей по финансовым соображениям выполнять свои обязательства перед населением, что подрывает их авторитет, зачастую дестабилизируя обстановку на местах. Ещё одной отрицательной особенностью можно выделить слабость гражданского общества, низкий уровень общественной активности, низкую правовую культуру населения, дефицит знаний о сущности и возможностях самоуправления.

Далее обратимся к анализу преобладающей модели местного самоуправления, реализующейся в настоящий момент в Российской Федерации. В Российской Федерации была построена и преобразуется в настоящее время дуалистическая

(конституционная) модель взаимоотношений государства и местного самоуправления, характеризующаяся следующими элементами:

1) основной субъект местного самоуправления – население, наделенное следующими правами: избирать и быть избранными в органы местного самоуправления; участвовать в местном референдуме; обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления; знакомиться с документами и материалами органов местного самоуправления, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина; выражать своё мнение по поводу изменения границ территорий местного самоуправления; защищать право на местное самоуправление и образующие его права в судебном порядке;

2) пределы осуществления местного самоуправления ограничены вопросами местного значения, к которым относится непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования (жилищное строительство и распределение жилья, муниципальное здравоохранение и образование, управление муниципальной собственностью, охрана общественного порядка и другие);

3) муниципальное образование обладает правом собственности на муниципальное имущество.

Таким образом, нами были рассмотрены различные подходы к термину «местное самоуправление». При рассмотрении модельного аспекта системы местного самоуправления нами было выявлено, что ведущей является дуалистическая модель, прошедшая в своём развитии ряд этапов. Её основной характеристикой выступает эволюция в сторону децентрализации РФ. Анализируя конституционную модель местного самоуправления, мы выявили ряд конституционных принципов регулирования основ местного самоуправления, отраженных в Конституции Российской Федерации.

В целом, хотелось бы отметить, что поддержка государством местного самоуправления, а также создание оптимальных условий для целенаправленного самостоятельного развития муниципальных образований должно ориентироваться на эффективное и согласованное функционирование федеральных, региональных и муниципальных органов власти, государственных и гражданских институтов в целях обеспечения конституционных прав и свобод граждан России, повышения жизненного уровня и благосостояния многонационального народа Российской Федерации.

Список литературы

1. Васильев В., Лазарев В. Коллизии местного самоуправления: взгляд из провинции // Российская Федерация. – 1995. – № 5. – С.26.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 3. Органы местного самоуправления. СПб, 1983. С. 22-24.
3. Европейская хартия местного самоуправления от 15.10. 1985 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901042> (дата обращения: 16.12.15).
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interlaw.ru/law/docs/10003000/> (дата обращения: 10.11.15).
5. Чаннов С.Е. Муниципальные органы и органы местного самоуправления: общее и особенное. Централизованная библиотечная система города Пскова. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.club.bibliopskov.ru/?option=com_content&task=view&id=807&Itemid=90 (дата обращения: 10.11.15).

СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВО КАК ПРОСТАЯ ФОРМА СОУЧАСТИЯ

Калиниченко К.А.

магистрант кафедры уголовного права и криминологии,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции, Россия, г. Иркутск

В статье рассматривается понятие и виды соисполнительства в уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: соучастие, простая форма соучастия, соисполнительство, группа лиц.

В уголовном законодательстве вопрос о формах и видах соучастия никогда не решался, в теории уголовного права этот вопрос освещается неоднозначно. Классификация соучастия по формам и видам является одной из сложнейших проблем учения о соучастии. В специальной литературе освещение форм и видов соучастия носит крайне запутанный и противоречивый характер.

Причиной основных научных споров является терминологическая несогласованность, обусловленная отсутствием единого подхода к определению ключевых понятий и их содержания.

В частности, до настоящего времени нет единого мнения по вопросу о том, что необходимо относить к видам соучастия, а что – к формам. Уголовный закон не содержит легального определения терминов «форма» или «вид» соучастия. Понятие «вид» используется только в ст. 33 УК РФ по отношению к самим соучастникам (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник).

Ввиду многочисленности классификаций соучастия, разработанных в доктрине уголовного права, их анализ не представляется возможным без объединения схожих точек зрения по группам. Как правило, классификация соучастия проводится специалистами с опорой на категории «форма соучастия» и «вид соучастия». Под формой традиционно понимается внешнее выражение деятельности соучастников, отражающее характер взаимосвязи и взаимодействия виновных в процессе совершения преступления, под видом – внутреннее. Однако некоторые ученые не используют понятие «виды соучастия», выделяя только формы, на основании сразу двух критериев – объективного (способ взаимодействия соучастников) и субъективного (степень согласованности их действий), то есть содержание категории «вид соучастия» включается в содержание категории «форма соучастия».

В теории уголовного права и судебной практике по характеру выполнения объективной стороны преступления выделяются следующие формы соучастия:

- простое соучастие (соисполнительство) – соучастие без разделения ролей, взаимодействие в процессе совершения преступления двух или нескольких исполнителей (соисполнителей), каждый из которых принимает непосредственное участие в выполнении объективной стороны конкретного состава преступления;
- сложное соучастие – соучастие с разделением ролей, взаимодействие исполнителя с другими соучастниками (пособником, организатором, подстрекателем).

Соисполнительство представляет собой такую форму соучастия, при которой два или более лица полностью либо частично своими действиями (бездействием) исполняют непосредственно объективную сторону совершаемого преступления. При этом каждый из участвующих в совместном совершении преступления лиц признается исполнителем (соисполнителем) данного преступления. С объективной

стороны каждый из соисполнителей совершает действия (бездействие), содержащие признаки одного и того же состава преступления. При этом каждый соисполнитель выполняет объективную сторону совместно с другими соучастниками преступления.

С субъективной стороны соисполнительство предполагает осознание каждым соучастником, что преступное намерение им реализуется совместно с другим(ми) соучастником(ми). При соисполнительстве нередко кто-либо из соучастников объективную сторону совершаемого совместно преступления выполняет лишь частично. Сказанное характерно при совершении преступлений, объективная сторона которых складывается из внешне различных действий соучастников, в совокупности составляющих состав одного и того же преступления. При изнасиловании, например, один из соисполнителей может совершать насильственный половой акт, а другой содействовать этому путем физического преодоления сопротивления потерпевшей.

Видами соисполнительства по смыслу ст. 35 УК являются совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией).

Соучастие в форме преступной группы лиц (соисполнительство) имеет место тогда, когда два и более лица совместно участвовали в совершении преступления в качестве исполнителей (ст. 17 УК). Группа лиц может действовать по предварительному сговору и без него, в связи с чем выделяются следующие виды соисполнительства.

Соисполнительство без предварительного сговора – это примыкание лица к преступной деятельности другого человека. Например, виновный, видя, что некто напал на его врага, примыкает к нападению и также бьет потерпевшего.

Соисполнительство по предварительному сговору (ч. 2 ст. 17 УК) предполагает, что исполнители заранее договорились о совместном совершении преступления. При этом не обязательно, чтобы они оговаривали все детали преступления, достаточно, чтобы они достигли общего согласия о целях и способах их достижения. Время, прошедшее между предварительной договоренностью и ее реализацией, может быть минимальным, а сама договоренность может выражаться не только словами (вербально), но и путем обмена жестами и иными способами. Объективным выражением предварительного сговора является последующая согласованность действий соучастников. Например, проходя мимо прилавка, и видя, что продавец отвлекся, лицо, обменявшись взглядом с находящимся рядом товарищем, берет с прилавка вещь, немедленно передает ее товарищу, после чего они расходятся в разные стороны, чтобы впоследствии встретиться и решить вопрос о судьбе похищенного.

Таким образом, при соисполнительстве каждый соучастник выполняет действия, входящие в объективную сторону преступления. Разделение ролей между ними носит вспомогательный, технический характер. Поэтому квалификация их действий не требует дополнительной ссылки на ст. 17 УК.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // СПС Консультант Плюс.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. Рапрог. М.: Проспект, 2015. 960 с.

3. Боровиков В., Смердов А. Уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрайт, 2015. 720 с.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. 556 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА, ПОДДЕРЖИВАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Капралов М.М.

магистрант 2 курса, Воронежский государственный университет,
Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются проблемные вопросы регламентации процессуального положения прокурора, поддерживающего государственное обвинение в стадии судебного разбирательства. Делается вывод о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя при выполнении своих функций.

Ключевые слова: прокурор, государственное обвинение, судебное разбирательство, уголовный процесс.

Взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность трех основных направлений уголовно-процессуальной деятельности: обвинения, защиты и правосудия – предполагает закрепление их за участниками уголовного судопроизводства. Выполнение функции обвинения возложено, в том числе, на прокурора, который в стадии судебного разбирательства приобретает статус государственного обвинителя. Именно в поддержании государственного обвинения состоит главное направление всей деятельности прокурора в суде.

Институт обвинения как таковой всегда привлекал внимание ученых-процессуалистов и практиков [1; 2; 6; 7]. И не только потому, что обвинение является стержнем процесса, но еще и потому, закрепив в ст. 5 УПК РФ дефиницию «обвинения», до настоящего времени законодатель не дал легального определения «государственному обвинению», оперируя им в отдельных статьях закона.

В уголовно-процессуальной науке, в тексте закона и на практике категория «государственное обвинение» традиционно понимается как совокупность действий прокурора, который отстаивает перед судом свое утверждение о виновности подсудимого в совершении определенного преступления или преступлений и которому противопоставлена другая сторона, осуществляющая функцию защиты от обвинения. Не случайно термин «государственное обвинение» используется в законе лишь в тех случаях, когда возникает необходимость урегулировать полномочия и деятельность прокурора в суде.

Основой для определения понятия «государственное обвинение» является категория «обвинения» [5, с. 74], которое, в свою очередь, понимается по-разному.

Это понятие на всем протяжении своей исторической эволюции постоянно находилось в поле зрения ученых-процессуалистов. Как отмечал П.М. Давыдов, «...обвинение может рассматриваться в гносеологическом, психологическом, логическом, уголовно-правовом, уголовно-процессуальном аспектах» [1, с. 19]. Применительно к теме магистерской диссертации представляют интерес уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты проблемы.

Отечественные ученые, проводившие анализ категории «обвинение» в данных аспектах, предлагали варианты формулировок единого, комплексного определения обвинения, приводили научное обоснование совокупности признаков понятия. В то же время значительное число исследователей этого правового института не принимали во внимание, что обвинение является формой государственно-правовой деятельности, связывающей субъектов этой деятельности взаимными правами и обязанностями. Стремление рассматривать обвинение лишь с одной стороны – либо в статике как правоотношение, либо в динамике как деятельность, приводило к односторонности в применяемом подходе.

В научных трудах многие ученые считали приемлемой и обоснованной идею рассмотрения обвинения в двух аспектах: формальном (процессуальном) и материальном. Но при этом не все они были последовательны, излагая свою точку зрения при определении сущности категории «обвинение».

Обвинение в материально-правовом аспекте толкуется преимущественно как формулировка обвинения и совокупность противоправных факторов, утверждение о совершении преступления, уголовный иск.

В процессуальном аспекте обвинение понимается как деятельность или совокупность действий обвинителя в суде.

Однако не стоит забывать, что в судебном заседании в качестве обвинителя может выступать и другой субъект – потерпевший, который выполняет функцию обвинения не только по уголовным делам, возбуждаемым не иначе, как по его жалобе, но и фактически по всем остальным делам, пользуясь правами стороны в процессе. В условиях судебного разбирательства определение «государственное» применительно к обвинению, осуществляемому прокурором, имеет не столько процессуальную (обвинение, как направление деятельности, независимо от его субъекта, в своей сущности, однотипно), сколько государственно-правовую окраску, выделяющую прокурора из числа всех других участников судебного разбирательства. Исходя из этого и с учетом законодательного определения государственного обвинителя (п. 6 ст. 5 УПК РФ), можно сделать вывод, что субъектом, осуществляющим деятельность по его поддержанию, должностное лицо органа прокуратуры.

Наш вывод полностью сочетается с положениями ФЗ «О прокуратуре», согласно которым, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя (ч. 2 ст. 35), само же уголовное преследование является одним из направлений деятельности прокуратуры (ч. 2 ст. 1), в системной связи с п. 31 ст. 6 УПК РФ. В дополнение к этому в приказе Генерального прокурора России от 25 декабря 2012 года № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» указано, что участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства считается одной из важнейших функций прокуратуры.

Государственное обвинение, будучи деятельностью в содержательном аспекте, всегда направлено на достижение определенных целей и решение определенных задач. Как нам видится, их вполне четко обозначил И.Д. Перлов, указав: «Поддержание обвинения в суде означает, что прокурор представил суду на его рассмотрение дело..., что он, будучи сам убежденным в виновности подсудимого, пришел в суд для того, чтобы убедить в этом судей, разбирающих дело, чтобы в суде доказать эту виновность и добиться этим самым вынесения судом законного и обоснованного приговора» [3, с. 107].

Целью прокурора, как государственного обвинителя, является изобличение подсудимого в совершении преступления в ходе судебного заседания, а задачи, определяющие содержание деятельности, посредством решения которых он намерен достичь поставленной цели – доказывание, а точнее – представление суду достаточных для постановления приговора обвинительных доказательств.

Поддерживать обвинение означает обосновывать при помощи доказательств утверждение о том, что подсудимый виновен в совершении инкриминируемого ему преступления и подлежит наказанию. Совершенно верно замечал Р.Д. Рахунов, что «если попытаться вскрыть содержание функции обвинения, то следует признать, что она заключается в доказывании обвинения. Голословное обвинение – не обвинение, оно не достигает цели. Обвинение должно основываться на доказательствах, причем представление доказательств и их анализ входят в обязанность обвинителя» [4, с. 52]. Представление в судебном заседании доказательств, подтверждающих вывод о виновности подсудимого, их систематизация и анализ, а кроме того опровержение контраргументов стороны защиты составляют содержание принадлежащей прокурору функции государственного обвинения.

В то же время оговоримся, что данная цель государственного обвинителя не исключает представления им в судебном заседании оправдывающих или смягчающих ответственность подсудимого доказательств. Прокурор должен выполнять свои функции в уголовном судопроизводстве объективно и беспристрастно.

Вышеизложенное позволяет выделить ряд признаков государственного обвинения:

- 1) это форма уголовного преследования;
- 2) его субъектом является прокурор, в том числе Генеральный прокурор РФ, подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные уполномоченные должностные лица органов прокуратуры;
- 3) его содержанием является целенаправленная деятельность по доказыванию виновности подсудимого в совершении преступления;
- 4) данная деятельность осуществляется в условиях состязательности при противостоянии стороны защиты;
- 5) данная деятельность осуществляется прокурором объективно и беспристрастно.

Систематизировав данные характеристики государственного обвинения, полагаем необходимым определять его, как форму уголовного преследования, содержанием которого является осуществляемая беспристрастно и объективно уголовно-процессуальная деятельность прокурора в судебных стадиях уголовного процесса по доказыванию виновности подсудимого в совершении преступления в условиях состязательности и противостояния стороны защиты.

Государственное обвинение будет выдвинутым в момент принятия прокурором решения об утверждении обвинительного заключения (акта, постановления) и направлении уголовного дела в суд.

В то же время следует учитывать тот факт, что прокурор на данном этапе еще не приступает к выполнению обязанностей государственного обвинителя, оговоренных законодателем в ч. 5-8 ст. 246 УПК РФ. Непосредственно их осуществлять он станет только после начала рассмотрения судом дела по существу, а если быть более конкретными, то в ходе судебного следствия и прений сторон. До этого прокурор может участвовать в предварительном слушании, в рамках которого не исследуется вопрос о совершении обвиняемым вменяемого ему в вину преступле-

ния, не исследуются и не оцениваются в совокупности доказательства, обосновывающие этот вывод органов предварительного расследования.

Поддержание государственного обвинения в суде не связано с выполнением надзорных функций прокуратуры. Нормативные-правовые акты, устанавливающие порядок производства по уголовным делам и процессуальный статус прокурора, как государственного обвинителя, не предоставляют ему каких-либо полномочий по осуществлению надзора в судебных стадиях, определяя его процессуальное положение в качестве стороны в процессе.

Обязанность реагировать на нарушения закона в судебном процессе, в котором прокурор участвует в качестве государственного обвинителя, независимо от того, кем они совершаются, в своей основе имеет общие правозащитные функции прокуратуры, как правоохранительного органа государства, в обязанность которой вменена защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений, а также иных участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, доказывание обвинения, основная работа по представлению и исследованию доказательств обвинения составляет обязанность прокурора, что требует от него профессионального мастерства, овладения всем арсеналом процессуальных, тактических и технических средств.

Список литературы

1. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе. – Свердловск, 1974.
2. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. – Харьков, 1979.
3. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1955.
4. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М., 1961.
5. Стародубова Г.В. Методы и управление процессом установления истины в уголовном судопроизводстве. дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2008.
6. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. – Казань, 1965
7. Шадрина Е.Г. Государственное обвинение в условиях состязательного уголовного судопроизводства (процессуальные, тактические и этические аспекты). – СПб., 2010.

КОРРУПЦИЯ КАК АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Клопот Е.А.

студент, Ростовский государственный экономический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Мамедзаде М.Х.

студент, Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается вопрос о сущности коррупции, её влиянии на общественную структуру и развитие государства. Приводятся различные доводы в пользу ее деструктивной природы. Попутно даются возможные пути реализации антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, российское законодательство, превентивные меры, чиновники, органы государственного управления.

Масштабы взяточничества в сфере государственной службы возросли за последние годы так сильно, что теперь коррупция стала огромной политической проблемой, которая несет серьёзную угрозу национальному благосостоянию страны. Об этом говорят даже первые лица государства: так, Д.А. Медведев в далеком 2008 году отметил, что "коррупция есть враг для свободного и демократического общества" [2].

Коррупционные отношения, как и система бюрократизма, где ярко проявляется отсутствие нравственных ориентиров у некоторых субъектов государственного управления, фактически разрушает законодательные устои и подрывает внутреннюю политику государства. Некачественная организационная структура органов администрации и управления, а также сформировавшийся в них особый менталитет работы и формат работы приводят лишь к все более агрессивному разрастанию коррупционных связей.

Очевидным является то, что коррупционные связи оказывают негативное влияние на функционирование экономической и социальной инфраструктуры, разрушая первым делом аппарат управления. Из-за высокого уровня коррупции в среде государственных служащих остальные люди таким образом частично исключаются из бюджетной сферы, не получая бесплатных образовательных, социальных, медицинских услуг – они перестают быть бесплатными.

Коррупционные махинации помогают также и избежать от ответственности за совершенные преступления, это становится причиной безнаказанности, снижая в глазах обычных граждан престиж государственной власти в лице ветви судебной власти. Всё это напрямую ведёт к формированию правового нигилизма в обществе.

Увеличение масштабов коррупции, а также одной из её наиболее опасных форм – взяточничества, стимулируют различные объективные и субъективные факторы. Так, в наши дни нельзя найти ни одну страну, которая могла бы похвастаться абсолютно "чистым" аппаратом управления, свободным от коррупции. Но все же стоит отметить то, что существует множество индустриальных стран, в которых разработана продуктивная система, противодействующая коррупции, а также обществом выработана нетерпимость к данному явлению.

Если опираться на результаты социальных опросов, проведенные в нашей стране, то можно справедливо заметить, что коррупции, как общественно опасному преступлению, не уделяется должного осудительного внимания. Примечательно то, что российская общественность достаточно терпимо относится к коррупционным фактам, считая, что лишь только с помощью взятки можно решить определённый вид сложившихся проблем. Нельзя оставить без внимания и чиновников, рассматривающих уже взятку в качестве вполне легальной оплаты собственного труда.

Образовавшиеся пробелы в правовой обстановке, которые напрямую угрожают безопасности государства, а также его экономическому становлению, все же находят свой конец. По крайней мере, часть образованного общества озабочено поиском решения коррупционной проблемы. Свидетельством тому является принятие ФЗ «О противодействии коррупции» [3].

Очевидным является тот факт, что мер, принимаемых со стороны государства в лице правительства, очевидно не хватает – для плодотворной борьбы с коррупцией необходимо задействовать не только институты гражданского общества, но и самих граждан, так как их участие имеет большое значение. Так, во избежание попадания в случаи, связанные с коррупционным подтекстом, каждый человек обязан однозначно определить правила поведения с нарушителями закона в том или ином случае.

Согласно статистическим опросам, почти четверть россиян имеет непосредственное дело с коррупцией, выступая пострадавшей стороной от вымогательств органов власти за выполнение своих обязанностей. В подобной обстановке чаще всего задействованы более состоятельные и активные граждане, нежели чем представители низших слоев.

Вышеперечисленные факты требуют разработки и реализации совокупности административных и правовых превентивных мер для пресечения разрастанию коррупции. Их эффективность будет зависеть от множества причин как технической или организационной, так и правовой природы [2].

Как было подмечено выше, на сегодняшний день власть рассматривает коррупцию, как угрозу, на самом деле несущую опасность для общества, и признает то, что она широко распространилась во всех эшелонах управления.

Для того, чтобы дать определение коррупционным действиям, необходимо обратиться к тексту ФЗ «О противодействии коррупции», из которого следует, что акцент делается в первую очередь на уголовную наказуемость этого явления. Однако область коррупции значительно шире, чем может показаться на первый взгляд: она пронизывает все сферы общества, начиная от политической и заканчивая социальной, поэтому решить проблему взяточничества, используя лишь уголовно-правовые инструменты, представляется довольно трудной задачей [3].

Если рассматривать коррупцию в широком смысле, то она означает использование субъектом властных полномочий в своих, либо в чьих-то интересах. В современных учебниках выделяют политическую, административную, экономическую, элитную, бытовую и другие виды коррупции – каждая из них несет опасный для общества характер, потому как в конечном счете результаты подобных коррупционных сделок оказывают влияние на уровень государственного развития [4, с. 121].

Любое действие, связанное с дачей взятки, заведомо участвует в формировании теневого сектора экономики, который обуславливает снижение эффективности деятельности добросовестных предпринимателей и ставит под сомнение принцип добросовестной конкуренции [1, с. 26].

Отличительной особенностью нынешней коррупции является также её способность последовательного расширения сфер влияния из-за ослабления контроля в ранее защищенных от неё зонах. Поэтому справедливо заметим, что трудно найти хотя бы один орган государственной власти, не задействованный в осуществлении неформальной деятельности.

Превентивные меры в отношении коррупции являются юридической проблемой, поэтому всем нормам различных отраслей права необходимо учесть значение увеличивающей темпы роста коррупции и усовершенствовать административно-правовые инструменты, потому как именно они определяют правовое положение органов публичного управления, а также статус их служащих. Помимо российского ФЗ «О противодействии коррупции» относительно данной незаконной деятельности действуют и такие документы как Конвенция ООН против коррупции, Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию».

Для получения более эффективных результатов реформ в создании честных и компетентных представителей органов власти с первых шагов модернизации необходимо установить правильный порядок кадровых отборов, выработку однозначных критериев в карьерном и научном росте; обеспечить достойную оплату труда; сформировать режим открытости и доступности информации; создать более эффективные контрольно-надзорные рычаги за работой в органах власти.

Данные направления требуется осуществлять одновременно и параллельно, ведь в противном случае снизить уровень коррупции будет невозможно – эта проблема требует комплексного решения. Иными словами, для достижения максимального результата в противодействии коррупции одних государственных сил будет увя недостаточно, объективно необходима помощь институтов гражданского общества.

Таким образом, в правовой сфере по противодействию коррупции в системе государственной службы РФ требуется раскрыть весь нормативный, организационный и информационный потенциал. Ведь лишь совокупное и комплексное применение средств противодействия коррупции может привести к положительным тенденциям, а также позволит снизить уровень коррупции до минимума.

Список литературы

1. Кузьминов Я.И. Механизм коррупции и особенности его проявления в государственном аппарате // Административное право: теория и практика. М., 2002. С. 23.
2. Российская Федерация. Президент. (2008-2012; Д.А. Медведев) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2008. 6 ноября.
3. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 19 декабря 2008 г. // Российская газета. 2008. 30 декабря.
4. Талапина Э. Правовые способы противодействия коррупции // Право и экономика. 2006. № 6. С. 3.

О ФОРМЕ И ВИДАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Колыбанова В.А.

аспирант кафедры «Гражданское право и процесс»,
Современная гуманитарная академия, Россия, г. Москва

Автором обосновывается подход, согласно которого предпринимательскую деятельность нужно разделять на виды, исходя из тех признаков, которые присущи конкретному виду осуществляемой деятельности, а также наличия собственных функциональных задач.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, виды предпринимательской деятельности, формы предпринимательской деятельности.

Предпринимательство явление многогранное, и термин «предпринимательская деятельность» используется различными отраслями права для упорядочения различных отношений. Так, например в Уголовном кодексе РФ [13] предусмотрена ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (статья 169), незаконное предпринимательство (статья 171), незаконное участие в предпринимательской деятельности (статья 289). В главе 14 Кодекса об административных правонарушениях РФ [8] предусмотрена ответственность за нарушения в области предпринимательской деятельности. Термин «предпринимательская деятельность» используется и Налоговым кодексом РФ [9] (статья 12, 39, и другие). Однако, сущностные признаки предпринимательской деятельности ни одним из вышеназванных правовых актов не раскрываются, а легальное определение предпринимательской деятельности содержится в статье 2 ГК РФ [6]. Будем

исходить из того, что предпринимательская деятельность осуществляется субъектом предпринимательства (1) самостоятельно, (2) на свой риск, (3) направлена на систематическое получение прибыли, и (4) может осуществляться, если субъект прошел процедуру легализации в качестве предпринимателя в установленном законом порядке.

Терминологическое понимание предпринимательства раскрывается на основе термина «деятельность». Деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс» [3, с. 186]. Следовательно, любая человеческая деятельность состоит из активно совершаемых действий лица и, действуя, человек преобразует окружающую действительность – любое действие, совершаемое по отношению к социальным благам, оставляет след в социальной сфере. И если подобное действие регулируется гражданским правом, след носит характер гражданско-правовых последствий. Гражданское право признает юридический эффект действия, если он предварительно определен и формально выражен так, чтобы не допустить сомнений в юридической достоверности содеянного [19, с.82]. Следует согласиться и с тем, что понятие предпринимательской деятельности необходимо отличать от деятельности предпринимателя, которая сама по себе предпринимательской деятельностью не является, а носит иной характер, например, внутрикорпоративный, трудовой, налоговый [12, с. 82]. В этом случае любые подобные отношения будут являться предметом правового регулирования, но не как предпринимательская деятельность.

В процессе же правового регулирования деятельности придается формальный характер, и она становится формально регламентированной. И если обладает признаками, указанными в статье 2 ГК РФ, то приобретает форму предпринимательской деятельности, и вне зависимости от вида подлежит правовому регулированию как деятельность предпринимательская. Основой регулирования предпринимательской деятельности, бесспорно, служат нормы ГК РФ. Вместе с тем, наряду с общим гражданско-правовым регулированием существует целый блок специальных нормативных актов, предназначенных для регулирования отдельных видов предпринимательской деятельности. И часто указание на то, что закон предназначен для регулирования отдельного вида предпринимательской деятельности, содержится уже в названии нормативного правового акта. Так, например, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [14], уже в первой статье указывает на особенности регулируемого им вида деятельности. В статье 1 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [7] закреплено, что закон регулирует отношения между лицами, осуществляющими виды деятельности в сфере страхового дела, или с их участием и далее установлено, что страховая деятельность (страховое дело) – сфера деятельности страховщиков по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию, а также страховых брокеров по оказанию услуг, связанных со страхованием, с перестрахованием. В Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [15] предусмотрено понятие туристской деятельности, под которой понимается туроператорская и турагентская деятельность, а также иная деятельность по организации путешествий и дается определение туроператорской деятельности. Сюда же можно отнести и Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» [16]. Есть также законы, которые в самом названии не содержат указания на то, что предназначены для регулирования какой-либо деятельности, но все же определяют и регулируют ее. Например, это Федеральный закон «Об образова-

нии в Российской Федерации» [17], Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» [18].

Различия осуществляемой предпринимательской деятельности предлагается подразделять термином «вид предпринимательской деятельности» и учитывать их в правовом регулировании, которое производится «и в отношении предпринимательской деятельности в целом, и в отношении ее видов... только ему присущими способами и приемами, и производится в особой сфере» [4, с. 12]. В юридической литературе отсутствует единая точка зрения, относительно того, что следует понимать под видом предпринимательской деятельности. Соответственно, отсутствует и единый подход к классификации предпринимательской деятельности на виды, и к выделению признаков видов деятельности. К примеру, В.С. Белых, указывая на неоднородность предпринимательской деятельности, считает, что предпринимательская деятельность может быть классифицирована по различным основаниям [2, с. 136]. Головизин А.В., Черновол Е.П., критикуя в своей работе существующие подходы к понятию «вид предпринимательской деятельности» и объявляя недопустимым смешение понятий «форма предпринимательской деятельности» и «вид предпринимательской деятельности», не дают собственного определения вида предпринимательской деятельности, однако указывают, что «дифференциация любого понятия, в том числе предпринимательства, на виды, предполагает его разделение на отдельные части, которым присущи сущность и свойства целого, но вместе с тем для них характерны определенные особенности». И далее предлагают классификацию видов предпринимательской деятельности тремя способами: деление надвое; деление с помощью определенных оснований; и классификация по многоступенчатой системе, каждый раз на основании нового критерия на типы, виды, подвиды и т.п. [5, с. 20].

В.Ф. Попондопуло указывает, что «формы осуществления ... предпринимательской деятельности на территории России разнообразны: от совершения отдельных сделок до создания юридических лиц» [11, с. 12]. Тем самым ставя на один уровень действия по созданию юридического лица и действия, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, объединяя их термином «форма осуществления предпринимательской деятельности». А.А. Настенко, рассуждая о возможности отнесения к предпринимательской деятельности деятельность по приобретению и владению акциями, а также деятельность по сдаче имущества в аренду лицами, не зарегистрированными в качестве предпринимателей, предпринимательскую деятельность делит на формы предпринимательской деятельности [10, с. 10]. Такое смешение понятий вообще недопустимо, поскольку может привести к проблемам правового регулирования.

Как уже сказано выше, наличие в деятельности признаков, установленных статьей 2 ГК РФ, придает ей форму предпринимательской деятельности. Поэтому вряд ли правильно правовую форму предпринимательской деятельности подразделять на иные формы предпринимательской деятельности. В связи с чем, более правильно предпринимательскую деятельность не разделять на формы, а говорить о том, что осуществляемая в предпринимательской форме деятельность обладает едиными признаками. В связи с чем, плюралистический подход к формам предпринимательской деятельности следует считать несостоятельным.

В то же время осуществляемая в форме предпринимательства, деятельность может быть подразделена на виды с учетом присущих отдельному виду признаков. Но вряд ли можно принять классификацию видов предпринимательской деятельно-

сти, например, по способу получения прибыли, а именно: 1) по использованию имущества; 2) по продаже товаров (продукции); 3) по выполнению работ и 4) оказанию услуг [20, с. 40]. Такой подход не позволяет отделить предпринимательскую деятельность, например, по предоставлению услуг клиринга от предпринимательской деятельности по предоставлению страховых услуг, хотя их различия очевидны.

Предпринимательская деятельность любого вида осуществляется с целью извлечения прибыли. Другой вопрос, каким образом достигается эта цель, посредством решения каких задач? Ведь, нет ни одного вида деятельности, который не предполагал бы решение задач [1, с. 173] и вряд ли можно ставить и решать одинаковые функциональные задачи при осуществлении банковской, оценочной, торговой, аудиторской, клиринговой, страховой, рекламной и других видов предпринимательской деятельности. Не может быть одинаковым и регулирование процесса решения задач.

Таким образом, к признакам предпринимательской деятельности, позволяющим отличать один ее вид от другого, в первую очередь следует относить наличие собственных функциональных задач, решение которых позволяет достичь общей цели предпринимательской деятельности – получения прибыли. Причем характер постановки задач, является, чуть ли не главным признаком отличия одного вида предпринимательской деятельности от другого. И логичен вывод, что определение и решение конкретных задач должно регулироваться специальным законом, принимаемым для упорядочения отдельного вида предпринимательской деятельности.

Тесно связанным с данным признаком вида предпринимательской деятельности, является наличие собственного предмета приложения усилий и, соответственно, результата или «продукта» предпринимательской деятельности, который возникает от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Данный «продукт» подлежит правовому регулированию Гражданским кодексом РФ в качестве объекта гражданских прав (статья 128 ГК РФ). Если деятельность является предпринимательской, то независимо от ее вида она является предметом гражданско-правового регулирования, а ее результаты должны подпадать под действие положений ГК об объектах гражданского права. И когда речь идет о «продукте» как материализовавшемся результате предпринимательской деятельности, который возникает в итоге разрешения определенных законом задач, то необходимо учитывать, что регулируется и процесс выполнения поставленных задач, и правовой режим «продукта».

Кроме этого, правовое регулирование отдельного вида предпринимательской деятельности не исчерпывается одним лишь федеральным законодательным регулированием. Отдельные вопросы осуществления предпринимательской деятельности подлежат дополнительному подзаконному регулированию. Таким образом, когда речь идет о виде предпринимательской деятельности, следует учитывать, что обладая своими, только ему присущими признаками, каждый конкретный вид предпринимательской деятельности имеет:

- собственные источники правового регулирования, состоящие из Гражданского кодекса РФ, специальных законов и подзаконных нормативно-правовых актов;
- присущие только определенному виду предпринимательской деятельности функциональные задачи (например, совершение определенных сделок, заключение отдельных видов договоров и пр.);

– свой предмет приложения усилий и собственный «продукт» или «результат», являющийся объектом гражданских прав (статья 128 ГК РФ) со своим правовым режимом.

Список литературы

1. Балашов Л.Е. Философия: Учебник. 3-е изд., с исправлениями и дополнениями – М., 2008. – С. 664.
2. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: ТК Велби; Проспект, 2005. – С. 432.
3. Большой энциклопедический словарь // Под ред. И.Лапиной, Е. Маталиной, Р. Секачева, Е. Троицкой, Л. Хайбуллиной, Н. Яриной. – М. Lingua, АСТ, Астрель, 2003. – С. 1248.
4. Высоцкая Е.И. Правовой режим и оборот товаров: монография. – Н.Новгород: НОЦ «ЦЕЗИУС», 2013. – С. 12-13; 160 с.
5. Головизин А.В., Черновол Е.П. Классификация предпринимательской деятельности на формы и виды // Вестник арбитражной практики. – М.: Юстицинформ, 2015. – № 6. – С. 20-29.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
7. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета", № 6, 12.01.1993.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ //Российская газета", N 256, 31.12.2001.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ", N 31, 03.08.1998, ст. 3824.
10. Настенко А.А. К вопросу о некоторых нетипичных формах предпринимательской деятельности/ А.А. Настенко// Безопасность бизнеса. – М.: Юрист, 2011. – №4. – С. 10-12.
11. Попондопуло В.Ф. Формы осуществления предпринимательской деятельности на территории России // Предпринимательское право. – М.: Юрист, 2005. – № 4. – С. 12 – 24.
12. Рубцова Н.В. О формальной определенности действий субъектов гражданского права // Рубцова Н.В. Законы России: Опыт, анализ, практика. – М.: Буквояд, 2012. – № 11.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
14. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ", 05.02.1996, № 6, ст. 492.
15. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.12.1996, № 49, ст. 5491.
16. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Российская газета", № 253, 30.12.2009.
17. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Российская газета, № 303, 31.12.2012.
18. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета", №78, 14.04.2010.
19. Чеговадзе Л.А. О формальной определенности действий субъектов гражданского права / Л.А. Чеговадзе // Законы России: Опыт, анализ, практика. – М.: Буквояд, 2012. – № 11.
20. Черновол Е.П. Формы и виды предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. – Екатеринбург, 2006. – № 3.– С. 40-43.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УПК РФ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Кун Д.Е.

аспирант кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Статья посвящена исследованию проблем процессуального статуса участников следственных действий и его закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве России. Сделан вывод о том, что участниками следственных действий являются все органы и лица производящие следственные действия, либо так или иначе вовлекаемые в производство следственных действий. Предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом 30.1 «Участник следственного действия».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участник следственного действия, процессуальный статус, обвиняемый, подозреваемый, следователь, дознаватель.

В соответствии с принципом состязательности раздел II УПК РФ, посвященный «Участникам уголовного судопроизводства» содержит главы 5 «Суд», 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты». Отмеченные группы участников и реализуют функции разрешения дела, обвинения и защиты.

Наличие в УПК РФ главы 8, регламентирующей статус участников, именуемых «иными участниками уголовного судопроизводства», позволяет говорить о существовании в современном уголовном процессе еще одной, вспомогательной, функции содействия правосудию.

В научной литературе применительно к участникам уголовного судопроизводства используются различные термины: «участник уголовно-процессуальной деятельности», «субъект уголовного процесса», «участник уголовного процесса», «лица участвующие в уголовном судопроизводстве» и др.

В соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ участники уголовного судопроизводства – «лица, принимающие участие в уголовном процессе». Данное определение не вносит ясности в вопрос о том, кого следует относить к участникам уголовного судопроизводства, каково соотношение термина «участник уголовного судопроизводства» и иных схожих терминов. Более того в УПК РФ имеют место обозначение и участников в зависимости от стадий уголовного судопроизводства, процессуальных действий и других обстоятельств. К таковым, например, можно отнести «лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта» (п. 30 ст. 5 УПК РФ), «участники судебного разбирательства», «участники судебного заседания».

Между тем, УПК РФ не использует термин «субъекты уголовного судопроизводства». Объяснить это можно тем, что термин «субъект права» изначально используется общей теорией государства и права. При определении термина «субъект права» значимыми являются такие понятия как «правоотношения», «правовой статус», «права», «обязанности», «правоспособность», «дееспособность» [1, с. 379].

Среди ученых-процессуалистов нет единства во взглядах понятие «субъект уголовного процесса» и «участника уголовного процесса». Многие авторы отождествляют данные термины, рассматривая их одинаково широко.

Наиболее широкое понятие участника уголовного процесса давал В.Н. Шпилёв. В число участников уголовного процесса он включил тех, кто вы-

полняет уголовно-процессуальные функции: лиц, ведущих уголовный процесс; лиц, защищающих свой личный интерес, и иных участников, которые оказывают содействие органу, ведущему уголовный процесс, и при этом не имеют никакого личного интереса в деле [13]. По мнению В.П. Божьева, «участники уголовного судопроизводства – это лица и государственные органы, наделенные комплексом процессуальных прав и обязанностей и реализующие эти права, исполняющие обязанности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в порядке и на условиях, предусмотренных законом» [2].

Другие авторы, напротив, трактовали понятие участника уголовного процесса слишком узко, считая таковыми лишь подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей, защитника [9, с. 67].

Субъекты уголовного процесса – наиболее широкое понятие, включающее в себя всех тех, кто наделен какими-либо уголовно-процессуальными правами и обязанностями. Субъект уголовного процесса – это лицо, наделенное хотя бы одним уголовно-процессуальным правом или (и) одной обязанностью, которое при определенных обстоятельствах могло бы осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, вступать в уголовно-процессуальные отношения с другими субъектами уголовного процесса по своей инициативе или по требованию закона.

Участник уголовного процесса – это субъект, реализовавший либо свое право, либо обязанность. Если субъект уголовного процесса потенциально может участвовать в уголовном процессе, участником следует именовать лицо, которое непосредственно вовлечено в саму деятельность.

Участниками уголовного судопроизводства являются физические и юридические лица, чьи права и обязанности определены УПК РФ и которые самостоятельно, своими личными и осознанными действиями реализуют процессуальные права и обязанности в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Субъект права предполагает участие лица в любых отношениях, регулируемых правовыми нормами. Понятие «субъект уголовного процесса» ограничивает обширную область правоотношений до сферы уголовного судопроизводства.

В то же время участник отдельной стадии уголовного судопроизводства или участник отдельных процессуальных действий, в частности, участник следственных действий, в случае, если его статус не определен в УПК РФ как статус участника уголовного судопроизводства, не участвует во всех уголовно-процессуальных правоотношениях, а лишь в правоотношениях, ограниченных стадией или процессуальными действиями.

Дискуссии вызывают соотношение понятий «участники уголовного процесса» и «участники уголовно-процессуальной деятельности». Одни ученые предполагают их абсолютное совпадение, другие содержание данных понятий разделяют [4].

С.А. Шейфер считает, что «субъекты процессуальных отношений могут не быть субъектами процессуальной деятельности в тех случаях, когда они не являются непосредственными участниками уголовного процесса» [12, с. 133].

Статус (от лат. status – состояние, положение) – правовое положение (совокупность предусмотренных законодательством прав и обязанностей) гражданина и юридического лица [3, с. 525]. В словаре С.И. Ожегова статус определяется как правовое положение [8, с. 680]. Правовой статус субъекта права является комплексной, собирательной, интегрированной категорией, законодательно определяющей возможный потенциальный объем правовых связей между ним (субъектом) и

государством, обществом, иными субъектами [4, с. 62]. В.М. Корнуков, отмечает, что «так же, как социальное положение личности означает все ее социальные возможности (использованные и неиспользованные, потенциальные и уже реализованные), правовой статус личности включает в себя весь комплекс ее правовых возможностей. Вычленение из правового статуса личности правового положения как реализованной ее части является неоправданным» [7, с. 12].

М.С. Строгович по данному вопросу высказывал категоричную позицию: «Субъекты процессуальной деятельности – это участники уголовного процесса» [10, с. 203]. По мнению Л.Д. Кокорева: «Постановка вопроса о том, что субъекты процессуальных отношений могут не быть субъектами процессуальной деятельности и тем самым участниками процесса, неверна в своей основе, поскольку процессуальные правоотношения немыслимы без деятельности, процессуальная деятельность – это их содержание» [6, с. 14]. Он отмечает, что понятию «участники уголовного процесса» полностью соответствуют и такие, как «субъекты уголовно-процессуальной деятельности», «субъекты уголовно-процессуальных отношений» [5, с. 18].

П.А. Лупинская, писала: «В законе наряду с понятием «участники процесса» используется широкое понятие «участвующие в деле лица». Им охватываются все субъекты уголовного процесса, за исключением государственных органов и должностных лиц» [11, с. 49].

В то же время, действующее законодательство в перечень участников уголовного судопроизводства (раздел II УПК РФ) законодатель включает государственных органов и должностных лиц – суд, судью, прокурора, следователя, дознавателя, и др.

Все участники уголовного судопроизводства связаны между собой уголовно-процессуальными отношениями, но вместе с тем они имеют собственные процессуальные права и обязанности, присущие только им.

В полной мере этот вывод можно отнести и к участникам отдельных процессуальных действий или совокупности процессуальных действий, объединенных общими критериями, например, участников следственных действий.

Участниками следственных действий являются все субъекты, наделенные полномочиями для выполнения назначения уголовного судопроизводства при производстве следственных действий (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания и др.), субъекты, защищающие в судопроизводстве, в целом, и при производстве следственных действий, в частности, свои или представляемые права и законные интересы, подозреваемый, обвиняемый, защитник, представитель, а также иные субъекты, помогающие в совершении следственных действий или удостоверяющие их (специалист, эксперт, понятой и др.). Участники уголовного судопроизводства реализуют свои полномочия и права не иначе как в правоотношениях.

Участниками следственных действий являются все органы и лица производящие следственные действия, либо так или иначе вовлекаемые в производство следственных действий.

Из 262 опрошенных нами практических работников считают участниками следственных действий следователя (дознавателя) – 262 (100%), подозреваемого (обвиняемого) 262 (100%), защитника – 262 (100%), любое лицо, привлеченное к производству следственных действий 213 (81,3%), эксперт 142 (54,2%), специалист 127 (48,5%), потерпевший 262 (100%).

В настоящее время отсутствует единое определение «участники следственных действий», не разработаны особенности процессуального статуса участников отдельных следственных действий.

УПК РФ регламентирует производство следующих следственных действий: осмотр (ст. 177), освидетельствование (ст. 179), следственный эксперимент (ст. 181), обыск (ст. 182), выемка (ст. 183), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1), допрос (ст. 189), очная ставка (ст. 192), предъявление для опознания (ст. 193), проверка показаний на месте (ст. 194), производство судебной экспертизы (гл. 27).

Анализ перечисленных норм позволяет выявить следующих участников следственных действий: подозреваемый; обвиняемый; потерпевший; свидетель; специалист; эксперт; переводчик; понятой; несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый, свидетель); психолог; защитник; допрашиваемое лицо; организация, осуществляющая услуги связи; руководитель осуществляющей услуги связи организации; лица, участвующие в осмотре и прослушивании фонограммы; лица, чьи телефонные и иные переговоры записаны; орган, которому поручается техническое осуществление контроля и записи; близких родственники, родственники, близкие лица потерпевшего, свидетеля; учреждение связи, которому поручается задерживать почтово-телеграфные отправления; заемщик; поклажедатель; организация, в помещении которой проводится обыск, осмотр помещения; представитель администрации организации, в помещении которой проводится обыск, осмотр помещения; участник осмотра; проживающие в жилище лица; судебно-медицинский эксперт; врач; администрация соответствующего места захоронения; лицо, в помещении которого был произведен обыск; законный владелец изымаемых электронных носителей информации или обладатель содержащейся на них информации; лица, присутствующие при обыске; совершеннолетние члены семьи при производстве обыска; вправе присутствовать; адвокат лица, в помещении которого производится обыск.

Из приведенного перечня видно, что в следственных действиях могут участвовать довольно разнообразные участники. Однако в УПК РФ закреплены права лишь некоторых из них, не считая лиц, указанных в гл.гл. 6-8 УПК РФ: участие специалиста (ст. 168 УПК РФ), участие переводчика (ст. 168 УПК РФ), участие понятых (ст. 168 УПК РФ).

Процессуальный статус остальных участников не определен.

Формальное закрепление участников уголовного судопроизводства, многие из которых являются также и участниками следственных действий, в разделе 2 УПК РФ дает более четкое представление об их процессуальном статусе. Между тем, не все из участников следственных действий имеют определенное закрепление своего статуса в УПК РФ. Определение круга участников следственных действий вне зависимости от их формального закрепления процессуального положения с соответствующим наделением их процессуальными правами и обязанностями, необходимо для защиты их законных интересов.

В связи с изложенным предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом 30.1 «Участник следственного действия» следующего содержания:

«30.1 Участник следственного действия – должностное или физическое лицо, вступающее в правоотношения при производстве следственного действия, наделяемое правами и обязанностями».

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебное пособие. М., 2009.
2. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999.
4. Зеленина О.А. Международно-правовой статус участника уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4.
5. Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1974.
6. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971.
7. Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1987.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Шведовой Н.Ю., 13-е изд. М., 1981.
9. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1961.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
11. Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. П. А. Лупинской. М., 1997.
12. Шейфер С.А. О роли правоотношений в советском уголовном процессе // Вопросы уголовного права и процесса. М., 1958.
13. Шпилёв В.Н. Участники уголовного процесса. М., 1970.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Куприянова А.А.

помощник судьи, Арбитражный суд Нижегородской области,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье определяется право на защиту, прослеживается его возникновение и делается вывод, что «право на защиту» это особое состояние изначального субъективного гражданского права после его нарушения/угрозы его нарушения.

Ключевые слова: субъективное гражданское право, осуществление права, состояние права, возникновение права на защиту, злоупотребление правом, функция права, нарушение права.

В современной доктрине гражданского права большое внимание уделяется вопросам приобретения и осуществления субъективных гражданских прав [9, с. 12; 5, с. 363], а также их защите [12]. Имеются работы о механизме защиты субъективных гражданских прав [1, с. 169], о средствах их защиты [11, с. 57]. Защита субъективного права зачастую рассматривается параллельно с исследованием самого субъективного права [7, с. 128; 2, с. 102], но без однозначного определения, является ли право на защиту самостоятельным правом или это особое состояние «главного» субъективного права. Ответ на этот вопрос важен для современной юриспруденции, когда защита права, в частности в судебном порядке, является самым распространенным и эффективным способом его восстановления. И для того, чтобы рассмотреть существо и природу права на защиту, первостепенным является вопрос о его возникновении.

Понятно, что любое субъективное право производно от объективного права. По мнению Вавилина Е.В., который исследует соотношение субъективного и объективного права, объективное гражданское право представляет собой модель воз-

возможного поведения определенного круга субъектов, а субъективное право – это модель допустимого поведения конкретного лица. Цитируя К.Крегера, автор отмечает, что субъективное право есть сообщаемая лицу объективным правом (правопорядком) власть осуществлять направленную на определенный объект волю [6, с. 103; 3, с. 33]. Надо признать, что закрепленные гражданским правом нормы (возможное поведение) реализуются действиями субъектов, приобретающих, осуществляющих свои права, и через осуществляемое действиями субъекта субъективное право (движение) происходит реализация объективного права (статика).

Наличие у лица субъективного права означает одновременное существование у иного лица (иных лиц) гражданско-правовой обязанности, они находятся в тесной взаимосвязи, являются неразрывными и порождают друг друга. И чтобы осуществить субъективное гражданское право в пределах дозволенного поведения (в рамках правопорядка) с возможностью побуждения других лиц к исполнению обязанностей, субъективное гражданское право должно принадлежать лицу на законных основаниях. Таким образом, если объективное право, являясь статичным, лишь предусматривает возможность возникновения определенного круга прав у субъекта, то субъективное право, являясь динамичным (осуществляемым) и имея индивидуальный характер, предполагает наличие определенных юридических возможностей.

Субъективное гражданское право появляется либо в результате намеренного приобретения, либо путем возникновения вне зависимости от воли получающего право субъекта. В науке обосновано, что приобретение субъективных гражданских прав – есть ни что иное как направленность действий на установление своих прав, а возникновение – это появление права без воли лица, у которого права возникают [9, с. 17]. В случае намеренного приобретения права, субъект нацелен на реализацию тех возможностей, которые породили у него интерес к действию. Однако, зачастую правообладатели наталкиваются на различного рода препятствия, не позволяющие им полноценно осуществлять приобретенное субъективное право. Данные препятствия являются воздействиями «извне», исходят от иных лиц, представляя собой факт правонарушения (нарушение сторонними лицами прав и интересов обладателя субъективного права).

И можно сказать, что факт правонарушения является так называемым индикатором, активизирующим право на защиту. Поскольку главной целью защиты является восстановление нарушенных прав, то моментом активации права на защиту является факт нарушения прав законного правообладателя, а моментом его реализации – восстановление нарушенного правового баланса. Лицо может полноправно осуществлять право на защиту с момента, когда его права нарушены и до момента их полного восстановления.

Таким образом, право на защиту не намеренно приобретается целевыми действиями правообладателя, а возникает в момент нарушения исходного права либо угрозы его нарушения. Попытки осуществить право на защиту в отсутствии нарушения, а то и самого исходного субъективного права являются злоупотреблением правом на защиту и приводят к нарушению прав других субъектов.

Опосредованно право на защиту имеется в круге тех возможностей, что абстрактно закреплены объективным правом в содержании гражданской правоспособности. Для того, чтобы их использовать, нужно обладать субъективным правом, показывающим меру конкретных возможностей поименованного субъекта. И основным условием реализации субъективного гражданского права является факт

правообладания, для чего лицо должно приобрести «свое» право или только ему принадлежащие возможности в определенной правом мере. Тогда как право на защиту субъектом специально не приобретается, а возникает в силу факта нарушения исходного субъективного права. Поэтому право на защиту нельзя рассматривать в качестве самостоятельного отдельно существующего субъективного гражданского права. Скорее право на защиту – это само исходное право в особом юридическом состоянии, в которое оно повергается фактом его нарушения/угрозы нарушения. Нарушение субъективного гражданского права/угроза нарушения делает невозможным беспрепятственное осуществление заключенных в нем возможностей и тогда начинает «работать» механизм принудительного осуществления права в целях восстановления прежнего положения. В результате состояние права возвращается в исходное положение – оно вновь становится осуществимым.

Если проследить динамику права на защиту с момента его возникновения и заканчивая моментом реализации и достижения основной цели – защиты нарушенного субъективного права и восстановления положения, существующего до правонарушения, можно сделать вывод, что право на защиту возникает исключительно в целях восстановления нарушенного правового баланса. Таким образом, право на защиту не может являться самостоятельным субъективным правом, появляющимся по желанию субъекта права, а является особым состоянием основного субъективного права, функционирующим в случае наступления препятствий в реализации. Как «дремлющий» элемент основного субъективного права, право на его защиту становится осуществимым в момент правонарушения, то есть когда заключенные в субъективном праве возможности неосуществимы. В дальнейшем, после реализации своей защитной функции право на защиту становится вновь неосуществимым, – до момента правонарушения и после восстановления своих нарушенных прав субъект не может пользоваться их защитой.

Также право на защиту нельзя отчуждать как самостоятельное субъективное право, поскольку оно не активно в момент текущего осуществления основного субъективного права. Право на защиту может быть отчуждено в момент его активного состояния при нарушении основного субъективного права. Например, право требования неустойки может быть передано по договору уступки права требования. В данном случае право на защиту путем взыскания неустойки передается новому кредитору, однако его реализация будет зависеть от исполнения должником основного обязательства (уплаты суммы основного долга). В данном случае право взыскания неустойки также зависит от состояния основного субъективного права и будет исполнено другому кредитору. Это также подтверждает, что право на защиту не может выступать самостоятельно.

Конечно, имеются и сторонники идеи о праве на защиту как о самостоятельном субъективном праве. Таковыми являются Курылев С.В. [10, с. 159], Елисейкин П.Ф., выделившие охранительные правоотношения в отдельную категорию [8, с. 5], Бутнев В.В., давший определение праву на защиту как материальному субъективному праву охранительного характера, возникающему в момент нарушения регулятивного субъективного права на стороне потерпевшего [4, с. 5].

С такой идеей нельзя согласиться, во-первых, по причине наличия в ней явных противоречий и невозможности получить ответ на ряд серьезных вопросов, а именно: являясь самостоятельным субъективным правом, как оно используется? Для каких целей? Зачем субъекту право на защиту необходимо само по себе и как действует на практике в качестве самостоятельного субъективного права? С какой

целью предоставляется и как используется? Во-вторых, определяя право на защиту как самостоятельное субъективное право, сторонники данной теории момент его возникновения привязывают к нарушению регулятивного субъективного права.

В отсутствии законных оснований, а лишь по желанию субъекта правом на защиту воспользоваться нельзя, его полномочное использование предполагается только в случае нарушения основного субъективного права. Отсутствие четкого законодательного определения правонарушения в гражданском праве порой приводит к попыткам неправомерного использования права на защиту и злоупотребление им. Чтобы исключить подобное, следует учитывать, что право на защиту является состоянием исходного субъективного права, гарантирующего весь объем предоставляемых им возможностей. И чтобы воспользоваться возможностью защиты своего права, необходимо различать его границы, чтобы определить, а нарушено ли оно. Это важно, поскольку применение способов защиты нарушенного права порождает для иных лиц обязанность действовать либо бездействовать и затрагивает границы их прав.

Итак, право на защиту – это особое состояние исходного субъективного права, а не отдельная правовая форма возможностей поведения правообладателя и по-сему право на защиту реализуется в рамках основного субъективного права, изначально приобретаемого субъектом с целью беспрепятственной реализации предоставляемых им возможностей. Функционально право на защиту нацелено на ликвидацию препятствий в осуществлении исходного субъективного права и восстановление состояния равновесия в имущественном/личном неимущественном положении субъекта права и обязанных правом лиц. Право на защиту намеренно не приобретается и становится осуществимым по факту правонарушения. Правовые основания и момент «преобразования» субъективного гражданского права в состояние защиты являются определяющими, их наличие исключает злоупотребление правом на защиту, позволяя использовать его по прямому назначению. Для современного правоприменения в условиях, когда получило широкое распространение злоупотребление правом на защиту, это весьма актуально и решение этой проблемы будет содействовать исключению ситуаций неправомерного использования права, например, для получения необоснованной выгоды, что является недопустимым и не отвечает его функциональному назначению.

Список литературы

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма; Инфра-М, 2010. – С. 464.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 216.
3. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: Понятие, виды, государственные юридические лица / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. – С. 364.
4. Бутнев В.В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав / В.В. Бутнев // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Сборник научных трудов. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. – С. 5-17.
5. Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей / Е.В. Вавилин. – М., 2009. – С. 428.
6. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 203.
7. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М.А. Гурвич. – М.:Юрид. лит., 1976. – С. 176.

8. Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных правоотношений в механизме правового регулирования/ П.Ф. Елисейкин // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. – Ярославль: 1975. – С. 5-10.
9. Еськина И.А. Механизм приобретения гражданских прав / И.А. Еськина. – Н.Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2015. – С. 30.
10. Курылев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск/ С.В. Курылев// Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. – Иркутск: 1957. – №3. – С. 159-216.
11. Монгуш Б.С. Средства защиты гражданских прав: диссертация/ Б.С. Монгуш. – Саратов: 2012. – С. 176.
12. Чеговадзе Л.А. О защите гражданских прав и ответственности за их нарушение/ Юрист. 2013, № 12. – С. 8-14.

БРЕМЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОРОГ: АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ, ДОРОГ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Мурадян В.Ш.

аспирант Юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Автор на основе системного анализа судебной практики и законодательства предлагает квалификацию дорожной деятельности в качестве бремени содержания публичной собственности.

Ключевые слова: автомобильные дороги общего пользования, сохранность дорог, право пользования автодорогами, бремя содержания собственности, дорожная деятельность.

Автомобильные дороги используются для передвижения источников повышенной опасности, и закон концентрирует свое внимание на их безопасной эксплуатации, которая может быть таковой лишь при сохранности дорог. Для этого законом регулируется дорожная деятельность или «деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог» [17], которая ведется в интересах пользователей автомобильными дорогами, собственников автомобильных дорог, государства, муниципальных образований.

Понятие «дорожная деятельность» как относительно новое для российского законодателя не получило детальной разработки со стороны ученых. В основном анализируют использование физическими юридическими лицами автодорог, считая, что оно «обеспечивается органами публичной администрации, которые в этих целях осуществляют управление автодорогами» [3, с. 78]. Правомочие управления характеризуется в качестве правовой формы организационных отношений, а его содержание рассматривается как юридически обеспеченная возможность собственника воздействовать на свое имущество опосредованно [8, с. 9]. Вместе с тем, отдельные ученые справедливо полагают, что при учреждении оперативного управления в первую очередь «должны решаться вопросы распределения бремени содержания государственного имущества» [18, с. 13]. Эта проблема обозначена в науке, но детального рассмотрения пока не получила. Одно верно: предложения о введении наряду с правомочиями владения, пользования и распоряжения правомочиями

чия «управления собственностью» выглядят попыткой расширения гражданско-правового регулирования собственности за счет несвойственных ему средств. И не только несвойственных, но и ненужных: для регулирования обеспечения сохранности публичной собственности вполне достаточно общепризнанной гражданско-правовой категории «бремя содержания» собственности.

Обращение к судебным решениям показывает: суды нормы о бремени содержания по отношению к автомобильным дорогам общего пользования либо не применяют, либо просто упоминают их [9]. А поддержание дороги в состоянии сохранности суды толкуют как осуществление мероприятий по безопасности дорожного движения, чем, естественно, сужаются возможности правового влияния на состояние автомобильных дорог. Затрудняется применение норм права о бремени содержания автомобильных дорог общего пользования отсутствием четких законодательных установок. Закон № 257-ФЗ правового регулирования бремени содержания собственности на автомобильные дороги общего пользования не содержит, а принять гражданско-правовую категорию «бремя содержания» в качестве средства регулирования дорожной деятельности затруднительно: существо этой категории в ее обязывающем характере, а осуществление дорожной деятельности закон провозглашает как правомочия владельцев автодорог. И суды в своих постановлениях отражают выявленный подход законодателя: «требования удовлетворены, поскольку подтвержден факт неисполнения органом местного самоуправления полномочий по обеспечению безопасности дорожного движения и надлежащему содержанию автомобильной дороги» [1].

И все же вряд ли возможно исключить действие общих для всех видов собственности норм гражданского права, устанавливающих обязанности по содержанию собственности. Согласно ГК РФ любой собственник обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения своей собственностью, а в качестве обязанностей должен нести бремя ее содержания. По мнению К.И. Скловского, «имущество, которое является предметом собственности ... само по себе нуждается в осуществлении заботы о нем, поддержании в годном состоянии, устранении разных угроз и опасностей, исходящих от тех или иных качеств вещей и пр. Осуществление всех этих мер возлагается на собственника и рассматривается как естественное следствие права собственности» [16, с. 80]. Причем вид права собственности (частная, публичная) не может как-то влиять на это бремя, сужая или наоборот, расширяя.

Бесспорно, любой собственник, в том числе и публичный, «при осуществлении права собственности ... должен действовать так, чтобы не вступать в противоречие с законом и иными правовыми актами и не нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц. Речь идет о соблюдении различных специальных правил» [16, с. 80]. Фактически же государство-собственник, осуществляя свое право в правовой форме оперативного управления, не поддерживает сохранность автодорог на должном им же объявленном уровне, реально угрожая правам и охраняемым законом интересам их пользователей. «Одним из ключевых принципов российского законодательства является принцип законности, обязывающий государственные органы, юридические и физические лица строго соблюдать предписания формализованных правовых норм. Иными словами, нарушение обязанностей, закрепленных в нормах права, влечет ответственность» [2, с. 67]. И совершенно справедливо в судах бремя содержания собственности трактуется как бремя ответственности за содержание [5], что влечет спрос за состояние дорог с их собственников/владельцев. Но довольно часто как бремя содержания государственной соб-

ственности суды трактуют договорные обязательства частных компаний на выполнение работ по ремонту и содержанию автомобильных дорог, привлекая их к ответственности за ненормативное состояние государственного имущества [10-15], что, конечно же, недопустимо. Яркий пример сказанному – решение Ульяновского областного суда, возложившего ответственность за несохранность автодороги на руководителя подрядной организации ОАО «Ульяновскавтодор». Суд не придал никакого значения, что госконтракт заключен ОГКУ «Департамент автомобильных дорог Ульяновской области» с явным нарушением Постановления Правительства Ульяновской области: при установленном Постановлением нормативе денежных затрат на ремонт и содержание 1 км дорог в сумме 480 000 рублей, работы подрядчика по содержанию 1 км дороги оплачивались в сумме 21 рубль 83 копейки [6].

Поэтому заслуживает поддержки квалификация дорожной деятельности в качестве юридической обязанности собственника по несению бремени содержания [2, с. 67]. По общему правилу, собственник несет расходы на содержание своего имущества, исходя из собственных интересов. В ситуации с автомобильными дорогами собственник обязывается интересом всего общества в сохранности автодорог, интересом, защищенным как субъективное право каждого на пользование общей вещью. Провозглашенное Конституцией РФ равенство всех перед законом не может ни одного собственника выводить из-под действия ГК РФ – специального кодифицированного нормативного акта, закрепившего основополагающие принципы правового регулирования отношений собственности. Закон обязывает собственников/владельцев дорог обеспечивать их сохранность (целостность), исполнение этих обязанностей влечет положительный эффект для частных лиц, поэтому их нельзя считать исключительно публично-правовыми. Признание частно-правовой природы обязанностей по содержанию автомобильных дорог общего пользования означает, что необеспечение сохранности автомобильных дорог должно иметь гражданско-правовые последствия.

Однако самым большим недостатком законодательства является регулирование дорожной деятельности без конкретизации обязанностей по содержанию дорог как собственности. «В результате при фактическом допущении государственным органом нарушений в осуществлении дорожной деятельности (необеспечение объективной информацией о состоянии дорог, отсутствие обоснованного планирования, невыполнение нормативных требований при ремонте и содержании дорог и др.) ежегодно в дорожно-транспортных происшествиях получают увечья и гибнут тысячи людей, портятся перевозимые грузы, приходит в негодность автотранспорт. При этом никто не несет юридической (правовой) ответственности за неудовлетворительное состояние дорог, из-за которого гибнут люди и терпят ущерб пользователи» [7, с. 380]. Только тогда возможны реальные перемены в сфере автомобильных дорог и дорожной деятельности, когда практика дорожную деятельность будет квалифицировать как юридическую обязанность собственника по содержанию государственного имущества. Гражданско-правовое регулирование собственности на дороги общего пользования закрепляет связанные с содержанием объекта права обязанности собственников/владельцев дорог, как обязанности перед третьими лицами. И абсолютное господство собственника над вещью, по общему правилу не предполагающее существование каких-либо обязанностей перед третьими лицами, здесь существенно ограничивается целевым назначением имущества и предоставлением его в общее пользование. Долженствования собственника в части несения бремени подлежат исполнению в правоотношении собственности. Указанное пра-

воотношение имеет характер абсолютного, с одной только разницей – как правило, в абсолютных правоотношениях индивидуализирована правомочная сторона, а обязанная нет. При осуществлении права пользования автомобильными дорогами индивидуализируется обязанная сторона, а управомоченными является абсолютно все. И так как беспрепятственное пользование имуществом возможно лишь при его надлежащем содержании, логичен вывод, что праву частных лиц пользоваться автомобильными дорогами противостоит обязанность публичного собственника нести бремя содержания дорог. И совершенно справедливо долженствования собственника в рамках этой обязанности квалифицировать как традиционные гражданско-правовые.

Изучение немногочисленных научных исследований публичной собственности демонстрирует признание гражданско-правового регулирования отношений в связи с использованием автомобильных дорог [2, с. 73; 4, с. 18-23, 36-37]. А на практике ГК РФ используется только в части норм о деликтной ответственности. Нормы об устранении препятствий как защите прав пользователей, о бремени содержания как юридической обязанности собственника, о бесхозном состоянии недвижимых вещей суды не применяют. Также в судах пользователи дорог отождествляются с участниками дорожного движения, имеющими права на его безопасность. О правах пользователей как субъектов правоотношения собственности не говорится. Повышению качества правоприменения и действенности судебных решений может содействовать такая трактовка российского законодательства, при которой суды будут квалифицировать права пользователей автомобильных дорог реализуемыми в правоотношении публичной собственности и нормы о бремени ее содержания применять как средство правового регулирования дорожной деятельности.

Список литературы

1. Апелляционное определение Омского областного суда от 16.09.2015 по делу № 33-6422/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2017).
2. Вайпан В.А. Бремя содержания имущества собственником как юридическая обязанность / В.А. Вайпан // Предпринимательское право. – М.: Юрист, 2014. – № 2. – С. 73.
3. Винницкий А.В. Публичная собственность. – М.: Статут, 2013. – С. 732.
4. Карлявин И.Ю. Гражданско-правовой режим автомобильных дорог общего пользования в Российской Федерации: автореферат. М., 2007. – С. 18-23; 36-37; 39 и далее.
5. Кассационное определение Московского городского суда от 25.12.2013 № 4г/2-13009/13 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 14.04.2017).
6. Кассационное определение Ульяновского областного суда от 13.04.2012 г. по делу № 7-86/2012 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).
7. Кретов В.В., Севрюгин В.Е. О необходимости установления административной ответственности за правонарушения в области дорожного хозяйства Российской Федерации / В.В. Кретов, В.Е. Севрюгин // Административное и муниципальное право. – М.: ООО «НБ-Медиа» 2015. – № 4. – С. 387.
8. Куликова А.А. Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации: автореферат. – Ростов н/Д: 2014. – С. 30.
9. Определение Ленинградского областного суда от 24.09.2015 № 33а-4688/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.2017).

10. Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 16 января 2014 года по делу № 12-6/2014 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

11. Решение Княгининского районного суда Нижегородской области от 21 апреля 2015 года по делу № 12-6/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

12. Решение Первомайского районного суда Нижегородской области от 15 декабря 2014 года по делу № 12-20 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

13. Решение Пермского краевого суда от 16 апреля 2015 г. по делу № 7-403-2015; 21-230-2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

14. Решение Пермского краевого суда от 14 апреля 2015 г. по делу № 7-447-2015; 21-264-2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

15. Решение Ульяновского областного суда по делу № 7-86/2012 год [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2017).

16. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. – М.: Статут, 2004. – С. 365.

17. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, № 46, ст. 5553.

18. Чеговадзе Л.А. Право оперативного управления имуществом и бремя его содержания / Л.А. Чеговадзе // О проблемах совершенствования Российской правовой системы // Под ред. проф. Л.А. Чеговадзе. – Н.Новгород: НОЦ «ЦЕЗИУС», 2015. – С. 160.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Недбайлова В.Н.

магистрант, Российский государственный университет правосудия,
Ростовский филиал, Россия, г. Ростов-на-Дону

В данной статье рассматривается проблема предупреждения преступности в зарубежных странах. Проанализированы основные методы борьбы с преступностью за рубежом. Выявлена и обоснована программа профилактики преступности. Предложено взять на вооружение Российской Федерации основные направления противодействия преступности.

Ключевые слова: предупреждение, преступность, зарубежный опыт, профилактика, зарубежные страны, тенденции преступности.

Предупреждение преступности одна из проблем, существующих в современном обществе. Она тревожит и заставляет беспокоиться человечество уже не один десяток лет. В уголовно-правовой практике, в криминологии, в иных научных отраслях, непрерывно осуществляется поиск приемлемых способов противодействия такой негативным проявлением жизни общества как преступность. В какие-то времена, такой поиск приводил к успеху, в другой временной период, не приводил к серьезным и положительным результатам. Однако стоит отметить, что такие поиски нельзя прекращать, иначе, это может привести к гибели человечества.

Кроме того, как отмечает И. В. Азарова: «данные поиски позволяют нам сделать вывод о том, что противодействие преступности, является социально-управленческой средой, которая воздействует на причины и условия, порождающие преступления и преступность, влияющие на их развитие, а в частности на лиц, совершающих преступления, саму преступность в целях недопущения рецидива преступлений и самодетерминации преступности» [1, с. 190].

Имеющаяся сегодня тенденция интернационализации и транснациональности преступности заставляет обращаться к такому направлению предупреждения преступности как изучение зарубежного опыта. Кроме того, совершенствование деятельности государственных и негосударственных учреждений, осуществляющих профилактику по борьбе с преступностью, невозможно только путем изучения лишь исторического, внутригосударственного опыта борьбы с преступностью. Для получения эффективного результата, необходимо использовать метод сравнения и сравнивать необходимо с зарубежным опытом предупреждения преступности. За последние несколько десятков лет, в зарубежных странах выработаны эффективные способы предупреждения преступности. Особо активно развивается практика предупреждения совершения преступления в западноевропейских странах, а также в США, Японии, Канаде. При этом специалисты в области криминологии из перечисленных стран, стараются сделать акцент не на самом преступлении, как социальном явлении, а напротив, стараются обратить свои действия на факторы и причины, способствующие возникновению преступных деяний. Иными словами, производятся, чаще всего успешные попытки ограничить воздействие криминогенных факторов и событий.

Соответственно, в зарубежной практике сложилось несколько основных направлений предупреждения преступности: 1) социальное; 2) ситуационное.

В отношении реализации социального направления делается акцент на поведенческой составляющей личности преступника, а также макро и микросреде его окружающих. Кроме того, социальное направление связано с воспитанием несовершеннолетних лиц, путем осуществления постоянных бесед с трудными подростками, сотрудники полиции, с определенной информацией и темой для рассуждений, посещают школьные учреждения. В зарубежных странах активно используются различные способы профилактической работы с подрастающим поколением.

Заслуживает внимания программа профилактики, действующая в штате Флорида. Программа создана преимущественно для 7-8 классов школ, так как, по мнению специалистов именно в этих классах дети, уже способны осознанно воспринимать действительность. Кроме того, уже через несколько лет они перейдут на стадию взрослой жизни. Программа знакомит, учащихся с тем, что в обществе существует определенная система ценностей, с основами уголовного права, а также формирует представление о том, что будет, если несовершеннолетний гражданин совершит преступление. Программа изложена в учебниках и эффективно применяется в сочетании с постоянно проводимыми полицейскими беседами с учениками, по профилактике преступности. Как отмечает, Н.А. Шайденко: «это не только повышает интерес к изучаемому материалу, но и является сильным фактором морального воздействия: учащиеся привыкают рассматривать полицейских как людей, симпатизирующих им и заботящихся об их благополучии. Следует отметить, что такая система профилактики присутствует практически во всех школах Флориды» [2, с. 18].

В Лос-Анджелесе для борьбы с несовершеннолетней преступностью используется метод воздействия на психологическую атмосферу подростков, через посещение ими исправительных учреждений.

Несмотря на определенные плюсы, применения таких мер, существуют некоторые минусы. Так, стоит заметить, что такие меры могут эффективно использоваться как профилактика только по отношению к несовершеннолетним, еще не совершившим преступные деяния, но мало эффективна по отношению к подросткам уже совершившим и отбывшим наказание за правонарушение. Еще не достигшие по своим физическим и психологическим кондициям уровня, необходимого для жизни и работы в условиях современного производства и потребления, лишенные возможности самостоятельно обеспечивать себя, в условиях ослабления семейного воспитания и надзора, маленькие граждане все чаще оказываются вовлеченными в наркоманию, токсикоманию, алкоголизм, проституцию, совершение преступлений [5, с. 62-63]. Это факт необходимо учитывать, в случае перенимания зарубежного опыта.

Социальное направление, также имеет эффективное воздействие на уровень преступности, если затрагивает деятельность местных общин. Стоит отметить, что роль местных общин в борьбе с преступностью, с каждым годом растет.

Второе направление, ситуативное, можно трактовать так: сама ситуация может спровоцировать дальнейшее совершение преступления. Иными словами само событие, сама ситуация провоцирует и толкает на преступление. Такое предупреждение по принятой терминологии соответствует предотвращению и пресечению преступлений. Относительно таких направлений осуществляется предупреждение преступлений преимущественно в странах Европейского Союза.

Как отмечает С.М. Иншаков: «в целом, как социальное, так и ситуативное направления предупреждения позволили развить активность населения в сфере борьбы преступным проявлениям, установить приоритет предупреждения преступности в деятельности органов полиции и юстиции, улучшить взаимодействие органов правопорядка с местными общинами». Стоит отметить, что это является большим достижением в области противодействия преступности» [3, с. 17].

Определенная страна, может придерживаться и иной практики. Так, например, Германия, придерживается практики реализации первичной, вторичной и третичной превенции. Первичная превенция направлена на восполнение дефицита позитивного правосознания и социальности личности. Вторичная превенция исходит от действий правоохранительных органов и связана с удержанием от исполнения преступных действий, через реализацию правовых средств. Третичная превенция – это совокупность средств профилактики преступности. Такие средства применяются во время наказания и ресоциализации преступника.

Приведенные выше примеры, указывают на то, что борьба с преступностью осуществляется через предупреждение различных криминогенных ситуаций и иных факторов.

Это не единственный способ, который может оказывать воздействие на состояние преступности.

Зарубежные страны, активно осуществляют противодействие преступности через действующие правоохранительные органы, однако, как отмечают многие авторы, например, Ю.А. Воронин: «анализировать опыт действия зарубежных полицейских органов стоит осторожно. Особо осторожно стоит подходить к вопросу использования и внедрения в отечественную практику рассматриваемого опыта»

[4, с. 87]. Несмотря на это, ученые подчеркивают важность анализа опыта предупреждения преступности в зарубежных странах. Действительно, исследование зарубежного опыта позволит лучше изучить, понять и увидеть слабые и сильные стороны работы полиции, при этом исправить и избежать дальнейших ошибок, имеющих в работе полиции в зарубежных странах. Так, например, в США и Великобритании работа полиции часто не согласовывается с имеющимися в странах нормами законодательства, регистрируются случаи нарушения прав человека и дискриминация, которые ими до сих пор усматриваются как угроза гражданским свободам. Когда-то такое отношение осознавалось как причина отсутствия в Великобритании официальной полиции, охрана имущества и поддержание порядка было функцией самих граждан.

Однако полиция может быть не единственным и не универсальным органом, осуществляющим социальный контроль. Во многом, мировой опыт указывает на то, что профилактика – это не только прерогатива государственных органов. Многие страны мира, в том числе и Россия, обладают огромным запасом структурных общественных объединений, которые могли бы часть работы осуществлять самостоятельно. По нашему мнению, эффективным действием могло бы стать создание социальной службы, которая могла бы работать со слабо адаптированными людьми, не совершившими преступление, но испытывавшими жизненные трудности, однако, такой конкретизированной службы пока не создано. Служба должна действовать по типу той, которая уже создана в других странах. Так, например, за рубежом практикуют и активно реализуют свою деятельность Национальные Советы, основными функциями которых выступает сбор информации, а также оценка и прогнозирование программ, направленных на предупреждение преступности, координация и сотрудничество с органами полиции и иными структурами, а также обеспечение участия населения, сотрудничество с законодательными органами власти и так далее.

В действительности, это могло бы помочь современному обществу активнее принимать участие в предупреждении преступности. Кроме того, такие службы могли бы разгрузить и без того сильно загруженные работой правоохранительные органы.

Мировое сообщество не обладает полными и точными сведениями о преступности, гораздо проще проследить ее состояние в отношении конкретной страны. Это, конечно, затрудняет прогнозирование основных тенденций развития преступности в мировом масштабе. Но, несмотря на это, имеющиеся динамические ряды преступности более или менее реально указывают на интенсивность ее роста. Прогноз преступности в третьем тысячелетии не является благоприятным, поскольку все больше стран задействованы в экономические провокации, в искусственно созданный экономический кризис, коррупционные ситуации. В будущем ожидается прирост преступлений, в среднем от 3 до 5 %.

Реалии мировой преступности имеют несколько характерных черт: осознание обыденности криминала, пропаганда преступности, рост латентной преступности, непрерывный процесс криминализации, в этой же связи слабость уголовной юстиции и неподчинение основному принципу права: все равны перед законом и судом.

Предупреждение преступности – главное направление деятельности государства и общества в борьбе с этим социально негативным явлением [6, с. 163].

Проведенный анализ зарубежного опыта предупреждения преступности, позволяет выделить несколько направлений, осуществляемых зарубежными госу-

дарственными и негосударственными органами в рассматриваемой сфере: создание правового поля для деятельности ювенальной юстиции; внедрение новых социальных технологий, социально-правовых конструкций и негосударственных структур. Эти направления, необходимо взять на вооружение и Российской Федерации.

Список литературы

1. Азарова И. В. Предупреждение и актуальные проблемы борьбы с преступностью // Общество и право. – 2012. – № 4. – С. 190.
2. Воронин Ю. А. Предупреждение преступности в зарубежных странах // Вестник ЧГУ. – 2012. – № 27. – С. 18.
3. Иншаков С. М. Криминология: Учебник. – М.: Юриспруденция. – 2010. – С. 17.
4. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. Издательская группа ИНФРА • НОРМА Москва. – 2011. – С. 87.
5. Рябова М.В., Серегина Е.В. Тенденции уголовно-правовой политики в сфере охраны несовершеннолетних от преступных посягательств // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. №2. С. 62-63.
6. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 219 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ

Петренко Д.А.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В данной статье рассматриваются проблемы и основные направления совершенствования системы управления государственными корпоративными правами в современных рыночных условиях.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративное правоотношение, корпорация.

Корпоративным правом в объективном смысле принято считать совокупность норм, регламентирующих создание и деятельность корпораций – юридических лиц; в свою очередь корпорациями принято объявлять хозяйственные общества (в первую очередь акционерные), реже – товарищества и совсем нечасто – производственные и потребительские кооперативы.

Корпоративное право, понимаемое исключительно как право корпорационное, не просто отвлекло на себя все внимание юридической науки, заставив ее представителей отказаться от поиска корпоративных начал в иных гражданско-правовых институтах и конструкциях, но и распространило это внимание на такие сферы, которые вполне успешно опосредствуются каноническими юридическими формами, в том числе гражданскими, трудовыми, семейными, административными и процессуальными правоотношениями.

Установить понятие о корпоративном праве невозможно без установления его потенциального предмета регулирования – той области общественных отношений частных лиц, которые следует обособить от отношений всех других типов (корпоративных отношений). Подчеркиваем, что в поиске понятия корпоративного

права следует отталкиваться именно от понятия корпоративного отношения, но не от понятия корпорации, как это традиционно делается. «Корпоративный» не значит «корпорационный». Общественные отношения не становятся корпоративными оттого, что в некоторых из них принимают участие корпорации – напротив, оттого, что некоторые из общественных отношений являются корпоративными, в них могут участвовать юридические лица корпоративной формы устройства.

Пробелы корпоративного законодательства часто используются лицами, злоупотребляющими своими правами, поэтому суды завалены исками о признании недействительными решений общих собраний, собраний кредиторов, заключенных сделок и т.д. Проблемы, связанные с крупными сделками и сделками, в которых имеется заинтересованность, являются наиболее актуальными для корпоративного права.

Современная реформа корпоративного права начинается с включением в Гражданский кодекс РФ понятия корпоративных отношений. Включение корпоративных отношений в предмет гражданско-правового регулирования означает, что основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников корпоративные отношения являются гражданско-правовыми. Корпоративные отношения в предмете гражданско-правового регулирования выделены наравне с вещными и обязательственными отношениями. Тем самым признано самостоятельное значение этих отношений, то есть корпоративные отношения не отождествляются ни с вещными, ни с обязательственными отношениями. Таким образом, можно констатировать, что закреплена система гражданского права, в которой корпоративное право выделено в самостоятельную подотрасль.

Корпоративные отношения регулируются специальными нормами корпоративного законодательства, а в неурегулированной части – нормами общей части гражданского права. Это нормы, соответствующие содержанию глав с первой по двенадцатую Гражданского кодекса РФ. По общему правилу нормы других подотраслей, в том числе обязательственного права, к корпоративным отношениям не применяются. Сохраняется лишь возможность применения норм вещного и обязательственного права по аналогии.

Функционирование системы государственного регулирования экономики должно базироваться на объединении экономической активности, продиктованной рынком, и социальной направленности государства, способной обеспечить жизнедеятельность производственного сектора. Именно этот критерий должен быть решающим в формировании системы государственного регулирования экономики. Государство с помощью совокупности институтов, форм, методов и инструментов влияет на субъекты хозяйствования и рыночную конъюнктуру с целью создания конкурентных условий для их функционирования и решения социально-экономических проблем. Воплощением таких форм и методов и перспективным с точки зрения реализации предпринимательского потенциала государства является институт государственного корпоративное предпринимательства [3, с. 31-33].

Одним из основных направлений трансформации государственного (общественного) предпринимательства в современных условиях является корпоратизация. Очевидно, что причина трансформации государственного (общественного) предпринимательства – в необходимости разрешения или ослабления противоречий, вызванных активным вмешательством государства в экономику в предшествующий период развития. Изменение форм государственного (общественного) предпринимательства представляет собой приспособление к новым условиям воспроизводства, с учетом несостоятельности прежних форм.

Современная тенденция – усиление деятельности государства в смешанной, корпоративной форме. В данном случае государственное предпринимательство можно рассматривать как форму объединения государственной и частной собственности, что дает возможность сгладить недостатки и усилить достоинства каждой из этих форм. Государственный капитал, интегрируясь с частным, приобретает больше гибкости, мобильности и подконтрольности, тогда как частный капитал становится менее рискованным, более стабильным и прогнозируемым.

Практика хозяйствования свидетельствует, что существующая система управления государственными корпоративными правами не обеспечивает осуществление всех функций и четкого разграничения полномочий между органами управления.

Прежде всего, управление фактически сводится к распоряжению государственным имуществом, то есть к юридическим действиям. Речь идет о том, что управленческие функции ограничены только контролем исключительно за использованием по назначению и сохранностью имущества. Функции организации, планирования, координации в деятельности управленческих органов практически отсутствуют. Специализированное ведомство по управлению государственным имуществом Фонд государственного имущества Украины до последнего времени выполнял только функции разработки и осуществления программ приватизации.

В этих условиях возникает проблема совершенствования системы управления государственным имуществом, разработки стратегии управления государственными корпоративными правами, отвечающей современным рыночным условиям, с внесением соответствующих изменений в законодательство.

В действующей системе управления государственной собственностью следует различать, во-первых, управление сменой форм и отношений собственности, во-вторых, управление государственной собственностью, которая приобрела эту форму и останется ею. Задача системы управления этой части государственной собственности – ее сбережение, поддержка, обновление и эффективное управление [7, с. 5-13].

Разграничение полномочий государства, с одной стороны, как собственника, а с другой стороны, как субъекта стратегического управления является важнейшей задачей.

При принятии решений относительно конкретного содержания организационной формы экономической активности государства или определения доли государственной собственности путем приватизации, основной проблемой является оценка экономической эффективности государственного предпринимательства.

Микроэкономические критерии оценки эффективности хозяйственной деятельности не всегда являются достаточными для оценки эффективности управления государственной собственностью, так как позволяют судить только о сравнительной жизнеспособности государственных предприятий. В данном случае необходимо понимание принципиального подхода к государственной собственности как к необходимому элементу системы государственного регулирования экономики.

Государственная программа приватизации должна определять новые подходы и направления дальнейшего усовершенствования процесса приватизации с учетом стратегии и идеологии курса реформирования собственности на современном этапе. Программа должна предусматривать адаптацию системы управления государственным сектором к рыночным условиям, в которых государство является равноправным и эффективно действующим хозяйствующим субъектом.

Таким образом, управление корпоративными правами – это управление пакетами акций, т. е. фиктивным капиталом. Целью любого акционера является прирост авансированного капитала, максимизация стоимости акций и увеличение присваиваемой акционером прибыли. Главными целями управления государственной корпоративной собственностью является:

- на макроуровне – обеспечение общественного воспроизводства и увеличение неналоговых доходов государства за счет дивидендов и других форм присвоения прибыли на основе эффективного управления акционерной собственностью, реализация социальных задач;

- на микроуровне – максимизация стоимости пакетов акций и увеличение присваиваемой прибыли при безусловном выполнении регуляторной функции в соответствии с поставленными задачами.

Для государственного корпоративного предпринимательства главным критерием эффективности функционирования должна быть оценка реализации макроэкономических задач в рамках

Для формирования эффективного механизма реализации государственных интересов в управлении корпоративными правами необходимо создание:

- 1) единого реестра государственной собственности;
- 2) портфеля корпоративных прав;
- 3) института профессиональных менеджеров для управления корпоративными правами государства [5, с. 13-18].

С этой точки зрения, одной из важнейших проблем является постоянный сбор, обработка и анализ информации о государственном имуществе, разработка полного единого реестра государственной собственности, что позволит более эффективно осуществлять управление.

Вторая проблема – это создание портфеля корпоративных прав, которые представляют собой не только финансовые активы, но и являются важным инструментом управления.

Не вызывает сомнения тот факт, что в современных условиях необходимо создание института профессиональных управляющих государственными корпоративными правами. Такие управляющие должны обладать соответствующими профессиональными навыками и моральными качествами. Представляется, что для анализа эффективности управления государственными корпоративными правами необходимо создание при содействии всех субъектов стратегического управления государственным имуществом специальной системы экономического анализа.

Таким образом, деятельность системы управления государственными корпоративными правами должна быть скоординирована с остальными составляющими системы государственного регулирования экономики, и направлена на повышение эффективности макроэкономических и социальных структур.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. N 302-ФЗ "О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (ред. от 04.03.2013) // СЗ РФ. 2012. N 53 (ч. 1). Ст. 7627.
2. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 99-ФЗ "О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // СЗ РФ. 2014. N 19. Ст. 2304.
3. Болдырев В.А. Корпоративные отношения и корпоративные споры // Юрист. 2013. № 16. С. 31-33.

4. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 33.
5. Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Гражданское право. 2014. № 4. С. 13-18.
6. Зинченко С.А. Корпоративные отношения в реформируемом гражданском законодательстве России // Гражданское право. 2014. № 4. С. 8-12.
7. Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5-13.

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ, БЕЗОПАСНОСТИ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ АДВОКАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Решетова Е.С.

студентка 4 курса, Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

Дается понятие института адвокатуры. Раскрываются понятия: независимость, безопасность и неприкосновенность адвоката. Перечисляются государственные гарантии независимости, безопасности и неприкосновенности в Российской Федерации. Приводятся международно-правовые стандарты и гарантии независимости, безопасности и неприкосновенности адвокатов. Анализируется состояние защищенности и независимости адвокатов в Российской Федерации на настоящий момент.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, независимость адвоката, безопасность адвоката, неприкосновенность адвоката, гарантии, международно-правовые стандарты независимости, безопасности и неприкосновенности адвокатов.

Ведущую роль в оказании населению квалифицированной юридической помощи играет адвокатура, организация и деятельность которой строится на основе Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5]. Адвокатура является элементом гражданского общества. Институт адвокатуры необходим обществу, поскольку без правозащитного института не может быть истинного права. Государство, претендующее на звание правового, невозможно без адвокатуры.

В статье 3 Закона об адвокатуре закреплены принципы адвокатской деятельности, независимость – один из принципов, на основе которых действует адвокатура. Независимость является одной из основных составляющих адвокатской профессии, поскольку адвокат должен быть свободен от любого давления извне.

В первую очередь, независимость адвокатуры проявляется в ее финансовой обособленности от государства. Адвокатура – это самофинансируемая организация. В соответствии с п. 1 ст. 3 Закона об адвокатуре она не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Экономически институт адвокатуры не связан с государством, а следовательно и финансовый рычаг воздействия на деятельность адвокатуры у государства отсутствует.

На законодательном уровне определены некоторые гарантии независимости адвокатуры. Статья 18 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исходит из общего принципа независимости адвокатуры и адвоката при осуществлении адвокатской деятельности. Согласно этому положению

«никто не вправе диктовать адвокату содержание и формы оказываемой им юридической помощи доверителю, никто не может препятствовать ему в осуществлении адвокатской деятельности и выяснять характер его взаимоотношений с клиентом». Закон запрещает любое вмешательство в адвокатскую деятельность или препятствование ее осуществлению [5].

Независимость также означает, что адвокат должен свободно использовать все правомерные и уместные аргументы от имени тех, кого защищает, не опасаясь последствий таких заявлений для себя или для своего клиента [8, с. 115]. Существенной гарантией независимости адвоката является то, что не допускается истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает особый порядок уголовного преследования адвоката с соблюдением гарантий его независимости [4]. Эти гарантии закреплены в главе 52 УПК РФ. В соответствии со статьей 447 УПК РФ адвокат отнесен к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (п. 8 ч. 1 ст. 447 УПК РФ). «Решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту Российской Федерации» (п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) [4].

В соответствии с п. 2 ст. 18 Закона об адвокатуре «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)». Данные ограничения не распространяются на гражданско-правовую ответственность адвоката перед его доверителем [5].

Безопасность и неприкосновенность адвоката обеспечивает государство. Под адвокатской неприкосновенностью следует понимать те организационные и правовые гарантии, которые создает государство для эффективной деятельности адвоката. Создание таких гарантий является необходимой составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи как одного из основных прав человека [7, с. 98]. В Законе об адвокатуре закреплено: «Адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества» (п. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре) [5]. Раскрывая это положение, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ч. 2 ст. 11 устанавливает: «При наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, к которым относится и защитник, а также их родственникам угрожают убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества, иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают перечисленные в законе меры безопасности в отношении указанных лиц» [4]. Кроме того, оперативно-розыскные подразделения не вправе привлекать адвокатов в негласное сотрудничество даже с их согласия (ст. 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») [3].

Обеспечивая тайну взаимоотношений адвоката с доверителем, закон запрещает кому-либо требовать от них предъявления соглашения об оказании юридиче-

ской помощи для вступления адвоката в дело. Адвоката нельзя допрашивать в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением им профессиональных обязанностей. Не разрешается проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката, кроме как по решению суда [6, с. 45].

Существуют и международно-правовые стандарты независимости, безопасности и неприкосновенности адвокатов. Они, в первую очередь, отражены в Основных принципах Организации Объединенных Наций [2]. «Независимость – это выражение самосознания и профессионального отношения отдельно взятого адвоката, намеренного защищать интересы клиента, невзирая на давление, запугивание или обещанное за отказ от своего долга вознаграждение» (Положения п.п.14-15 Основных принципов ООН). Именно с этой точки зрения смысл независимости связан с долгом преданности интересам клиента и свободного, добросовестного осуществления обязанностей адвоката в соответствии с нормами права и профессиональной этики.

Действующие международно-правовые акты (Основные положения о роли адвокатов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке [1], Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа – 7 сентября 1990 г. в Гаване [2]) исходят из того, что правительства должны обеспечить адвокатам: возможность исполнить все их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства; возможность свободно передвигаться и консультировать клиента в своей стране и за границей; невозможность наказания или угрозы такового и обвинения, административных, экономических и других санкций за любые действия, осуществляемые в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этическими нормами; там, где безопасность адвокатов находится под угрозой в связи с исполнением профессиональных обязанностей, они должны быть адекватно защищены властями; адвокаты не должны идентифицироваться с их клиентами и делами клиентов в связи с исполнением их профессиональных обязанностей; адвокат должен обладать уголовным и гражданским иммунитетом от преследований за относящиеся к делу заявления, сделанные в письменной или устной форме при добросовестном исполнении своего долга и осуществлении профессиональных обязанностей в суде, трибунале или другом юридическом или административном органе; обязанностью компетентных властей является обеспечение адвокату возможности своевременного ознакомления с информацией, документами и материалами дела, а в уголовном процессе – не позднее окончания расследования и до судебного рассмотрения дела.

Одним из условий существования независимой юридической профессии является независимость организации, объединяющей ее представителей. Принцип независимости профессиональных объединений адвокатов также закреплён в Основных принципах ООН. Пункт 24, в частности, гласит: «Юристы имеют право создавать и являться членами самостоятельных профессиональных ассоциаций, представляющих их интересы, способствующих их непрерывному образованию и подготовке и защищающих их профессиональные интересы» [2]. И порой профессиональное объединение является не только наиболее подходящим, но и самым безопасным путем осуществления профессиональных обязанностей.

Подводя итоги, необходимо отметить, что адвокатура играет ведущую роль в

оказании населению квалифицированной юридической помощи, и государство обязано обеспечивать и поддерживать независимость и безопасность адвокатов на должном уровне. На настоящий момент гарантии независимости, безопасности и неприкосновенности адвокатов недостаточно законодательно урегулированы. Закрепленные в нормативных правовых актах гарантии не обеспечены государством и не выполняются в должной мере. Кроме того, отсутствуют специальные законы, закрепляющие независимость деятельности адвокатуры в Российской Федерации.

Список литературы

1. Основные положения о роли адвокатов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке) // Советская юстиция. 1991. № 20. С. 19.
2. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // Собрание международных документов «Права человека и судопроизводство», OSCE, Poland.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп. от 16.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 02.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
6. Рагулин А.В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России: монография. – «ЮРКОМПАНИ», 2012. 79 с.
7. Сангаджиев Б.В. Адвокатская тайна и использование конфиденциальной информации в уголовном и гражданском процессе // Образование и право, 2015. № 1-2. С. 97-104.
8. Тейлер В. Международно-правовые стандарты независимости адвокатов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015, № 5. С. 108-124.

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Спицына Т.А.

соискатель кафедры административного и муниципального права,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В статье анализируется содержание топливно-энергетического комплекса, определяется его значение для состояния экономической области государственного управления. Автором выявляются негативные факторы, свидетельствующие о необходимости совершенствования административно-правового регулирования в топливно-энергетическом комплексе. Отмечается сужение сферы воздействия государства на организации данного комплекса в связи с его реформированием.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, административно-правовое регулирование, экономика, энергетическая политика, энергетическая стратегия, меры административно-правового регулирования.

Топливо-энергетический комплекс следует рассматривать в качестве многоотраслевого комплекса, включающего в себя ряд отраслей топливной промыш-

ленности и электроэнергетики, характеризующихся тесной взаимосвязью и взаимозависимостью. Кроме того, традиционным является включение в его состав специализированного вида транспорта – трубопроводного, а также магистральных высоковольтных линий.

Исключительная важность топливно-энергетического комплекса для административно-правового регулирования обусловливается тем, что он в значительной степени определяет состояние экономической области государственного управления, являясь важнейшим структурным элементом отечественной экономики, одним из факторов развития производительных сил страны. Во многом это связано с тем, что его доля в существенной мере определяет экспортный баланс страны. Соответственно, велико влияние топливно-энергетического комплекса на формирование федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации. Необходимо также отметить взаимосвязь всех отраслей данного комплекса с другими отраслями российской экономики, их значение как районообразующего и градообразующего фактора. Эти отрасли способствуют развитию топливных производств и выступают основой для организации промышленных комплексов, в том числе нефтехимических, электроэнергетических, газопромышленных и углехимических.

Негативными факторами, определяющими необходимость совершенствования административно-правового регулирования в топливно-энергетическом комплексе, являются моральный и физический износ основных фондов, недостаточное привлечение инвестиций, рост негативного воздействия на окружающую среду, что в совокупности сдерживает нормальное функционирование входящих в него технико-экономических отраслей.

Для сохранения и использования имеющегося производственного, научно-технического и кадрового потенциала топливно-энергетического комплекса, установления фундамента стабильного и долгосрочного обеспечения народного хозяйства и потребителей энергетическими ресурсами по всей их номенклатуре требуется определение и реализация долгосрочной топливно-энергетической политики, что входит в содержание компетенции прежде всего специально уполномоченных органов государственной исполнительной власти.

Внешнестроительные отношения с участием данных органов составляют один из блоков общественных отношений, входящих в предмет административного права. Данные отношения порождаются реализацией властных функций органов исполнительной власти, в том числе уполномоченных в экономической области, в отношении субъектов, которые находятся с ними в организационно-иерархической взаимосвязи либо на которых оказывается упорядочивающее воздействие без подобного рода субординации, но в силу функциональной взаимосвязи.

Состояние и содержание внешнеуправленческих отношений в любой области, отрасли или сфере государственного управления, в том числе в топливно-энергетическом комплексе, определяется в рамках выработки государственной политики. Данная деятельность преимущественно выражается в стратегическом планировании посредством разработки и издания органами государственной исполнительной власти доктрин, стратегий, планов, федеральных целевых программ и иных документов ненормативного характера, содержание которых отражает реализацию важнейших функций государственного управления – прогнозирования и планирования.

Повышенная значимость топливно-энергетического комплекса, а также определенная структуризация входящих в него отраслей, каждая из которых имеет

существенное значение для экономики страны, обуславливают и детализацию прогнозов и планов их развития, чем определяется принятие ряда документов стратегического планирования в данной сфере отношений.

Так, энергетическая политика Российской Федерации зафиксирована в Энергетической стратегии России на период до 2030 года [3]. Основным приоритетом данной политики является обеспечение перехода к инновационному направлению экономического развития, что должно заключаться в:

- достижении технологического и научного лидерства Российской Федерации по важнейшим направлениям, обеспечивающим ее конкурентное преимущество и энергетическую безопасность как часть национальной безопасности;
- трансформации структуры экономической деятельности с развитием менее энергоемких отраслей;
- переходе экономики от экспортно-сырьевой зависимости к ресурсно-инновационному развитию посредством качественного обновления как топливной, так и нетопливной энергетики, а также смежных отраслей;
- рациональном снижении доли топливно-энергетического комплекса в общем объеме инвестиций в экономику страны при увеличении абсолютных объемов инвестиций в энергетику, необходимых для развития и ускоренной модернизации этого сектора и роста масштабов его деятельности;
- повышении энергоэффективности до уровня стран с аналогичными природно-климатическими условиями;
- последовательном ограничении вредного воздействия объектов топливно-энергетического комплекса на окружающую среду через снижение выбросов загрязняющих веществ, сброса загрязненных сточных вод, а также сокращение отходов производства и потребления энергии.

Решение этих задач должно осуществляться в ходе текущей управленческой деятельности органов государственной исполнительной власти, в первую очередь Министерства энергетики Российской Федерации.

Энергетическая стратегия России послужила базой для последующей разработки и принятия иных стратегий в области топливно-энергетического комплекса. В них детализированы отдельные задачи, поставленные в Энергетической стратегии. В первую очередь речь идет о Стратегии развития электросетевого комплекса Российской Федерации [2], в соответствии с которой развитие электросетевого комплекса на долгосрочный период связано с реализацией следующих стратегических приоритетов: обеспечение качества обслуживания потребителей; установление конкурентоспособных тарифов на электрическую энергию в целях развития промышленных комплексов; обеспечение надежности энергоснабжения потребителей; развитие инновационного и научного потенциала электросетевого комплекса, в том числе для поддержания развития смежных отраслей; развитие инфраструктуры для стимулирования роста отечественной экономики. Министерство энергетики Российской Федерации в рамках внешнеуправленческой деятельности также осуществляет контроль за реализацией названной стратегии, а также координацию осуществления функций в данной сфере иными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые обеспечивают системный мониторинг и анализ реализации стратегии.

Взаимосвязанной с Энергетической стратегией является также Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года [1]. В качестве главных направлений деятельности органов государственной исполнительной вла-

сти в данной отрасли рассматриваются: модернизация угольного производства с уходом от неэффективных технологических, организационных и экономических решений во всех базовых для его функционирования подсистемах; обеспечение развития угольных компаний с созданием возможности реализации наиболее перспективных инновационных проектов в угольной промышленности, организация рационального взаимодействия со смежными отраслями; обеспечение развития сырьевой базы угольной промышленности и рационального недропользования; обеспечение развития производственного потенциала угольной промышленности на основе ее модернизации, завершение реструктуризации и создание новых центров угледобычи; обеспечение развития внутреннего рынка угольной продукции; обеспечение технологического развития отрасли и укрепление научно-технической базы компаний и научных центров; обеспечение безопасности и охраны труда в угольной отрасли; обеспечение экологической безопасности; совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для угольной промышленности.

Административно-правовое регулирование в топливно-энергетическом комплексе характеризуется тем, что несмотря на довольно широкий объем компетенции органов государственной исполнительной власти, представляется очевидным сужение сферы воздействия государства на организации данного комплекса в связи с его реформированием. Вместе с тем возможность выбора и применения мер административно-правового регулирования следует рассматривать как необходимое условие развития топливно-энергетического комплекса, поскольку необходимым условием нормального функционирования экономики в целом является стабильность в данном комплексе. В связи с этим федеральные органы исполнительной власти должны решать серьезные задачи, направленные на реформирование топливно-энергетического комплекса.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2014 г. № 1099-р «О Программе развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г.» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 27, ст. 3786.
2. Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 511-р «Об утверждении Стратегии развития электросетевого комплекса РФ и плана-графика издания нормативных правовых актов для ее реализации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1738.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2030 г.» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 48, ст. 5836.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПЛЮРАЛИЗМА) В РОССИИ

Тумутолова Ю.В.

магистрант, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
Россия, г. Саранск

В настоящей статье рассматривается сущность и некоторые особенности реализации политического многообразия в России на современном этапе развития. Оцениваются сложности реализации, вызванные современными мировыми угрозами.

Ключевые слова: идеологическое многообразие, политическое многообразие, плюрализм, институты гражданского общества, политические партии, демократия, права человека, общественно-политические взгляды, оппозиция.

В соответствии с положениями Конституции РФ об идеологическом и политическом многообразии в настоящее время сформировалась современная система политических партий, общественных объединений, институтов гражданского общества. Соответствующее законодательство и практика его применения раскрывают демократический потенциал российского Основного Закона [1, с. 112].

Установившиеся в последние годы в теоретической науке и практике конституционализма основные начала идеологического и политического многообразия в основе своего происхождения содержат идею естественных и позитивных прав человека, т.е. права человека как участника «гражданского общества» и участника «политического сообщества» – государства.

Утверждение естественных прав человека на достоинство личности, свободу, равноправие и справедливое правление усилило тенденцию на увеличение социальной «атомизации» человека, повышение степени осознания им своей ценности, собственных интересов на фоне общественных интересов.

Оно было конкретизировано в конституционно-правовом установлении свободы мысли, слова и информации; свободы сложных индивидуальных и общественных действий (обращений, митингов, шествий и демонстраций); свободы политических, религиозных и других общественных организаций, гражданских (общественных) инициатив; свободы в организованном публично-властном волеизъявлении (с помощью участия в референдуме, выборах, отзыве депутатов представительных органов и выборных должностных лиц и др.).

Таким образом, приобрела развитие конституционализация разных организационных форм прямой демократии, многопартийности, гражданских (общественных) инициатив и других форм политического соучастия. Как считает В.Д. Зорькина, многообразие взглядов и идей, в которых нашли осознание и оценку отношения людей к природной и социальной действительности, а также многообразие организационных форм развития политических взглядов и идей помогает совершенствованию «внутреннего механизма саморегуляции и саморазвития общества, что, в свою очередь, является условием эволюционного развития общества и определяет пределы государственного руководства обществом» [2, с. 138].

Деятельность современного конституционного государства основывается на плюрализме во всех областях его социального бытия – эта неоспоримая истина известна абсолютно всем.

По существу, она является одним из аксиоматических норм современной науки конституционного права. В тоже время в таких суждениях необходимо говорить о возможности дифференциации плюрализма как идеальной теоретической модели, с одной стороны, и с другой – плюрализма как признанного и гарантированного конституционным законодательством в определенный промежуток времени набора правовых средств, с помощью которых последний приобретает свою правовую жизнь.

В этом случае можно говорить об определенном состоянии политической жизни, качественными особенностями (признаками) которого являются политическая свобода участников и одинаковая конкуренция осуществляемых ими политических идеологий.

В другом же случае плюрализм подлежит рассмотрению с точки зрения реально сложившихся институтов, воплощающих данную теорию в реальную правовую жизнь.

Одновременно необходимо отметить, что многообразие общественно-политических взглядов и идей, как и организационных форм их генерирования и продвижения, должно быть нацелено на признание и развитие конституционных ценностей, основные из которых установлены в основах конституционного строя, некоторых отдельных положениях конституции. Таким образом, конституционные права человека, с помощью реализации которых будет возможным идеологическое и политическое многообразие, должны сопутствовать обязанности использования их не для отрицания, подрыва, а для создания, развития и возможного видоизменения конституционных ценностей в пределах действующей конституции, признаваемого верховенства права.

С настоящим положением тесно связан вопрос о внутреннем единстве естественных и позитивных прав человека в сфере обеспечения идеологического и политического многообразия.

Оно обусловлено прямым воздействием человека, групп лиц и их объединений на механизм государственной власти, а следовательно, потребностью правового регулирования отношений, возникающих из взаимодействия человека с государством в области организации и осуществления государственной власти.

То есть речь идет о позитивных правах человека, которые, в свою очередь, проистекают из естественных прав, в том числе из права на сопротивление произволу и собственное справедливое правление. С этой точки зрения можно говорить о том, что в сфере обеспечения идеологического и политического многообразия в государстве находит проявление реализация прав человека как категории, интегрирующей в себе и «естественные», и «позитивные» права человека.

Свобода оппозиционной деятельности есть одна из форм реализации политической конкуренции, что напрямую увязывает оппозиционную деятельность и политическое многообразие. Ведь последнее включает в себе два элемента: первый – свободу политических убеждений; второй – свободу их конкуренции.

Очевидно, отношения, образующие экономическую систему современного Российского государства, строятся также на плюралистических началах: рассмотрим хотя бы основные положения о многообразии и равноправии форм собственности, свободе экономической деятельности, защите конкуренции и т.д., но в области конкуренции урегулированы в достаточно большей степени. Как считает К.А. Кононов, регулирование деятельности оппозиции прежде всего должно быть призванным уменьшить политический монополизм [3, с. 9].

Плотное переплетение идеи и практики конституционализма с идеей и практикой реализации прав граждан в большинстве государств способствует появлению своеобразного синергетического эффекта устойчивого развития конституционного правопорядка, увеличения уровня социально-экономической жизни общества, удовлетворенности гражданина своим положением в стране.

События последних лет подвергают серьезным испытаниям объективную обусловленность и перспективность на обозримое будущее доктрины и практики конституционализма и прав человека в либерально-индивидуалистической интерпретации.

С одной стороны, увеличение территории оккупационной деятельности так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ, запрещенная в

России террористическая организация) и стимулируемые им на религиозно-этнической почве террористические акции, направленные на подрыв конституционализма и идеологии прав человека; с другой стороны, стремление отдельных ведущих стран навязать всем народам мира единый правопорядок, создание «свободного мира без границ и разделительных линий» и массовая стихийная миграция за лучшей долей населения Азии и Африки в Европу и Северную Америку, обострившая «столкновение цивилизаций».

На этом фоне становится очевидным, что идеология и практика реализации принципов конституционализма и прав человека должны быть более приспособлены к подобным кризисным ситуациям. Одновременно в целях недопущения разрушения основ конституционализма, устоявшейся на его базе системы прав и обязанностей человека и гражданина конституционализм должен быть «боеспособным», то есть способным общественными и государственно-правовыми средствами защитить свои ценности, принципы и институты [4, с. 28].

Во-вторых, Конституция РФ установила достаточно точный алгоритм того, как противодействовать хаосу идейного разнообразия в области спектра государственного развития.

Идеальное видение будущего, таким образом, сложно создать, о нем можно только узнать с помощью правильной настройки политических институтов на основе политического многообразия, политической конкуренции. Таким образом, если и стоит рассуждать об идеологии российской государственности, то только в этом значении правовой идеологии отечественной Конституции, идеологии конституционализма.

Как считает С.И. Шевердяев, с полной уверенностью следует говорить, что существует только один способ активизировать процесс развития конституционно-правовой науки, возвратив ей востребованность в политическом процессе, который будет базироваться на принципах рационализма и правовой идеологии конституционализма [5, с. 21].

Таким образом, политический плюрализм осуществляется через многообразие партий и иных гражданских институтов, которые, защищая свои идеалы в политическом процессе, создают универсальный баланс ожиданий в видении будущего государства.

Список литературы

1. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография / Т. Я. Хабриева. – М.: Наука РАН, 2016. – 320 с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина. – М.: Норма, 2013. – 638 с.
3. Кононов К. А. Противник официальных идей и позиций должен иметь свое место на политической арене / К. А. Кононов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11. – С. 9-14.
4. Невинский В. В. Естественные права человека на весах современного конституционализма / В. В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 28-33.
5. Шевердяев С. Н. О некоторых общих аспектах развития российского конституционного права в контексте актуализации темы политического протеста / С. Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 21-27.

ИСТОЧНИК ПРАВА. СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Федоренко Н.В.

заведующая кафедрой гражданского процесса юридического факультета,
д-р социол. наук, профессор, Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ), Россия, г. Ростов-на-Дону

Дзюба Л.М.

старший преподаватель кафедры гражданского процесса,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

Фатыхова Е.М.

доцент кафедры гражданского права, канд. филос. наук,
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются вопросы применения судебного прецедента в российском праве и правосудии, проанализирована перспектива утверждения судебного прецедента официальным источником права в Российской Федерации.

Ключевые слова: право, правосудие, источник права, судебная практика, судебный прецедент, источник права.

В настоящий момент в Российской правовой системе теоретиками права уделяется особое внимание одному из основных видов источника права, как судебный прецедент.

Прецедент (от лат. *praecedens* – предшествующий) – случай или событие, имевшее место в прошлом и служащее примером или основанием для аналогичных действий в настоящем [1].

Судебный прецедент (от лат. *praecedens*, родительный падеж *praecedentis* – предшествующий) – решение определённого суда по конкретному делу, имеющее силу источника права (то есть устанавливающее, изменяющее или отменяющее правовые нормы). Прецедентом являются решения, вынесенные по аналогичному делу, разрешенному в рамках аналогичного судопроизводства. Судебный прецедент – решение высшего судебного органа по определённому делу, которое в дальнейшем является обязательным для судов при разрешении аналогичных дел [2].

В России прецедент не имеет своего официального закрепления на законодательном уровне, так как не является источником права, хотя на практике решения вышестоящих судов часто принимаются во внимание при разрешении гражданско-правовых споров. Существенную функцию прецедента исполняют постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов по вопросам правоприменения. Обзор судебной практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ, письма Высшего Арбитражного Суда РФ, которые закреплены статьями 126 и 127 Конституции РФ, также судебный прецедент утвержден в конституционном судопроизводстве Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ» (ст.43 ч.3, ст.47.1. и ст.75 п.9) и законами об уставных (конституционных) судах субъектов РФ.

В России особое место занимает свойство обязательности так как уклонение от применения закрепленных в актах Конституционного Суда, Пленума Верховного и Высшего Арбитражного судов может привести к отмене соответствующего решения.

В настоящее время в России судебный прецедент не признан официальным источником права. Ученые, практикующие юристы изучают роль судебного прецедента в российской правовой системе, так как законы не могут быть применены на практике, пока их положения не разъяснены судами.

На основе анализа различных подходов российских и зарубежных правоведов к определению понятия «судебный прецедент», как источник права наделен следующими характерными чертами:

- 1) судебный прецедент представляет собой решение вышестоящих судов по конкретному делу;
- 2) в судебном прецеденте сформулирована норма права либо дано обязательное толкование нормы права;
- 3) судебный прецедент является обязательным для судов равной или низшей инстанции при рассмотрении аналогичных дел;
- 4) судебный прецедент применяется только тогда, когда он подходит для рассматриваемых обстоятельств;
- 5) судебный прецедент подлежит обязательному опубликованию [3].

Таблица 1

Сходства и отличия судебного прецедента от иных источников права

Сходства	Отличия
1) судебный прецедент, как и другие источники права, подлежит обязательному официальному опубликованию; 2) судебный прецедент, как и другие источники права, распространяет свое действие на неопределенный круг лиц; 3) судебный прецедент, как и другие источники права, содержит нормы, обязательные для применения.	1) судебный прецедент создается высшими органами судебной власти; 2) в судебном прецеденте соединяются правотворчество и правоприменение; 3) судебный прецедент признается в качестве источника права не во всех правовых семьях [4].

Таблица 2

Прецедент в процессуальном законодательстве

ГПК	УПК	КАС
1	2	3
Статья 61. Основания для освобождения от доказывания 1. Обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. 2. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при	Статья 90. Преюдиция Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного	Статья 64. Основания освобождения от доказывания 1. Обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. 2. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу,

1	2	3
<p>рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.</p> <p>3. При рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом.</p> <p>4. Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.</p> <p>5. Обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 186 настоящего Кодекса, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия [5].</p>	<p>судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле [6].</p>	<p>рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства.</p> <p>3. Вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении являются обязательными для суда, рассматривающего административное дело об административно-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесены приговор и постановления суда, только по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они этим лицом [7].</p>

В России одним из основных принципов правосудия действует принцип законности. Складывающаяся в стране судебная практика, конечно, влияет на судопроизводство, однако не более, чем в качестве авторитетной. Уже состоявшиеся судебные постановления при всех условиях являются правоприменительными, но не правовыми актами [8].

Особенности прецедента, исходя из «прецедентного» опыта разных стран:

- 1) порождение судебных прецедентов только высшими судебными инстанциями;
- 2) их нормативный характер, проявляющийся в содержании прецедента как общих норм, так и зарождающихся правовых принципов;
- 3) общеобязательный характер прецедента как для нижестоящих судов, так и для всех иных государственных органов и должностных лиц;

4) определенная связанность высших судебных инстанций своими собственными решениями;

5) обнародование судебных решений прецедентного характера в бюллетенях или других официальных изданиях и в этом смысле – писанный характер прецедента;

6) формирование и функционирование прецедента на основе действующего законодательства и в этом смысле – его вторичный характер по сравнению с законом;

7) выступление прецедента в качестве источника права; направленность прецедентов не только на более эффективное и квалифицированное рассмотрение судами конкретных дел, но и на устроение пробелов в праве и двусмысленностей в законах и других нормативных правовых актов [9].

Вместе с тем, довольно часто в научной литературе можно столкнуться с отождествлением понятий «судебный прецедент» и «судебная практика», что представляется не корректным, поскольку данные понятия отражают хотя и близкие, но все же различные правовые явления [10].

Понятие «судебная практика» применяется лишь в том случае, когда выявляется определенная позиция судебных органов в отношении разрешения гражданско-правового спора.

Подводя итог, можно сделать вывод, судебный прецедент не признается в Российской Федерации источником права, тем не менее он играет немаловажную роль.

В правовой системе России уже давно сложились условия для официального признания судебного прецедента в качестве источника права. Применение судебного прецедента в рамках закона позволит восполнять пробелы правового регулирования, совершенствовать правовые механизмы защиты прав и свобод человека, обеспечить стабильность правоприменения, что, кроме того, будет способствовать реализации принципа равенства всех перед законом и судом, а также формированию правовой государственности в Российской Федерации.

Следовательно, судебные прецеденты должны иметь юридическую силу при вынесении окончательных решений судом.

Список литературы

1. Материал из Википедии – свободной энциклопедии.
2. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 2003.
3. Судебный прецедент в гражданском праве России и Армении. Мкртумян Арман Юрьевич, 23.05.2011.
4. Чурилов Ю.Ю. Судебные прецеденты для практикующих юристов. 2016.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ /ред. от 19.12.2016/ с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017/
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ /ред. от 17.04.2017, с изм. от 11.05.2017/.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 13.04.2017.
8. Славин М.М. /ред. / Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – 160 с.
9. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.А. Гук; СГАП. – Саратов, 2002. – 205 с.
10. Ямбушев Ф.Ш. Юридическая природа судебного прецедента. Теоретическое понимание и практическое выражение судебного прецедента в правовой системе России. – Саранск, 2010. – 156 с.

АЛЕАТОРНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Чапурина А.Ю.

студентка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

В работе рассматриваются основные положения алеаторной теории переговоров с точки зрения защиты принципа свобода договора. В связи с реформированием гражданского законодательства поднимается проблема целесообразности введения института преддоговорной ответственности. В работе анализируются аргументы сторонников алеаторной теории против возможности существования данного института.

Ключевые слова: свобода договора, преддоговорная ответственность, алеаторная теория переговоров, culpa in contrahendo, реформирование гражданского законодательства.

Принцип свободы договора закреплен в ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – "ГК РФ") и является одним из основных начал гражданского законодательства. Свобода договора является центральным элементом автономии воли и позволяет сторонам при заключении соглашений самостоятельно определять содержание этих соглашений на основе собственных целей и интересов [8, с. 187].

При буквальном толковании ст. 421 ГК РФ, закрепляющим и раскрывающим принцип свободы договора, его содержание также сводится к традиционной триаде элементов:

- 1) право заключать или не заключать тот или иной договор,
- 2) право выбора контрагента,
- 3) право выбрать вид договора и право определить его условия [1, с. 29].

Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в первую часть Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») была введена статья 434.1 (Переговоры о заключении договора). Появление данной статьи означает законодательное закрепление самостоятельного института преддоговорной ответственности (culpa in contrahendo).

Преддоговорная ответственность представляет собой такой вид ответственности, при котором одна стороны обязана возместить другой убытки, вызванные недобросовестным или ненадлежащим поведением первой стороны при ведении переговоров.

Преддоговорная ответственность тесно связана с принципом свободы договора: с одной стороны, она является ее ограничителем, а с другой стороны – гарантией ее реализации, что будет подробнее освещено в рамках данной работы.

Алеаторная теория отрицает возможность введения ответственности за недобросовестные действия сторон на стадии переговоров в силу противоречия этого института природе переговоров и принципу свободы договора.

Эта теория полностью исключает возможность признания такого института как преддоговорная ответственность в силу довода о том, что каждая сторона должна самостоятельно нести все риски, связанные с преддоговорным процессом.

Можно выделить следующие основные постулаты алеаторной теории [7, с. 211].

- 1) Любая попытка правового урегулирования процедуры заключения договора в виде возложения на стороны обязанностей (в том числе по добросовестному

поведению на стадии переговоров), когда стороны еще не имеют договорных или деликтных обязательств друг перед другом, будет нарушением одного из основных принципов гражданского права – принципа свободы договора.

2) Требования к сторонам вести себя определенным образом на преддоговорном этапе до возникновения договорных обязательств может привести к значительному уменьшению количества заключаемых договоров [13, с. 117].

Алеаторная теория отрицает возможность возложения на стороны переговоров ответственности за виновные действия на преддоговорном этапе. Согласно данной теории право не может вмешиваться в процедуру ведения сторонами переговоров относительно будущего договора, в том числе не может возлагать на них никакие обязанности, потому что переговоры не могут быть признаны юридически значимыми действиями, и, соответственно, не могут повлечь правовые последствия [9, с. 7].

Данная теория преимущественно распространена в правовых системах общего права.

Так, в Единообразном торговом кодексе США прямо закреплено положение о том, что общая обязанность контрагентов действовать добросовестно не распространяется на преддоговорный этап, на процесс заключения договора [14, с. 239].

Судами стран общего права нередко высказывалась позиция о том, что преддоговорная ответственность, придание обязательности условию об обязанности добросовестного ведения переговоров противоречит принципу свободы договора и принципу свободы от договора. В частности, в деле *Walford v Miles*, рассмотренном в Палате Лордов в 1992, английским Лордом Акнером была высказана точка зрения о том, что на деле подобное условие не может выполняться, потому что противоречит позиции сторон и ограничивает их в возможности отказа от переговоров, в праве вести переговоры с другими возможными контрагентами, а также в возможности сторон не только идти на уступки и послабления, но и добиваться их от своего контрагента [15, с. 615]. Лорд Акнер также указал, что "концепция обязанности продолжать переговоры добросовестно в своей основе несовместима с состязательным положением сторон, вовлеченных в переговоры. Каждая сторона на переговорах имеет право преследовать свой собственный интерес [16, с. 40]".

Данное дело (*Walford v Miles*) необходимо проанализировать подробнее в связи, с тем что оно является одним из самых значимых прецедентов в сфере преддоговорной ответственности. Данное дело связано с продажей компании и заключается в следующем. Продавцы согласились на полученное от потерпевшего предложение о покупке продаваемой компании за 2 млн. фунтов, гарантировав ему получение определенной суммы чистой прибыли в течение 1 года после продажи. Отдельно, в телефонном разговоре, было согласовано условие об исключительности переговоров при условии предоставления покупателем-потерпевшем гарантийного письма из банка. Спустя несколько дней после предоставления данного письма и письменного подтверждения продавцов о намерении заключить договор, продавцы вышли из переговоров и приняли решение продать компанию третьему лицу по той же цене (переговоры с этим лицом не были прекращены, несмотря на договоренность с потерпевшим). Данное решение объяснялось продавцами отсутствием у потерпевшего опыта ведения бизнеса, что означало бы необходимость оказания ему помощи в течение первого года, когда ими было гарантировано получение определенной суммы чистой прибыли.

Истец требовал возмещения убытков, причиненных введением его в заблуждение относительно продолжения продавцами переговоров с третьим лицом, в раз-

мере 700 фунтов, определяемом размером «напрасных расходов» на ведение переговоров и подготовку проекта договора и 1 миллиона фунтов (разница между договорной и рыночной ценой на компанию) в качестве ущерба за нарушение сопутствующего договора, предусматривающего обязанность продавцов воздерживаться от переговоров с третьими лицами.

И если нижестоящим судом было признано нарушение сопутствующего договора, то Апелляционный суд и Палата лордов четко придерживались алеаторной теории переговоров и защищали исключительно отрицательную свободу договора: в иске было отказано на основании того, что преддоговорное соглашение по английскому праву не является юридически обязательным. Ущерб в размере 700 фунтов был взыскан по правилам деликтной ответственности на основании введения в заблуждение.

Отдельно Палатой лордов было отмечено, что обязанность не вести переговоры с третьими лицами (выполнять условие об эксклюзивности переговоров) может иметь обязательный характер только при определении конкретного срока существования данной обязанности [2, с. 75].

В английском праве нет законодательно закрепленной обязанности добросовестного поведения на стадии переговоров, однако возникновение противоречий между существованием института преддоговорной ответственности и алеаторной теорией переговоров возможно и при законодательном закреплении данного института. В качестве примера рассмотрим дело из отечественной судебной практики. В данном деле отражена возможная проблема в применении института преддоговорной ответственности: оно может быть ограничено судами из-за определенной тенденции к отнесению тех или иных убытков, расходов, к предпринимательскому риску, что связано с осуществлением предпринимательской деятельности с определенной степенью риска, и самостоятельное несение ответственности за риск в соответствии со статьями 308, 393, 401 ГК РФ.

Эта позиция была отражена в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2016 № 09АП-35508/2016 по делу № А40-221060/15 [10], которым было отменено решение Арбитражного суда города Москвы, удовлетворившее требования по данному иску о возмещении убытков. Основанием отказа в иске и отмены решения служило недоказанность недобросовестного ведения или прерывания переговоров о заключении договоров. Несмотря на то, что положения статьи 434.1 были неприменимы в данном деле в связи с правилами действия закона во времени – положения статьи применимы с 01.06.2016, а отношения имели место в период с 06.02.2014 по 26.02.2014, представляется интересным рассмотрение дела с точки зрения анализа логики суда.

Суть дела заключается в следующем. ФГУП «Почта России» разместило на официальном сайте zakupki.gov.ru извещение о проведении запроса предложений на право заключения договора на выполнения работ по обследованию технического состояния конструкций здания филиала ФГУП «Почта России». Истцом, ООО «Стройком» была подана заявка в соответствии с предъявленными в извещении требованиями. Согласно протоколу рассмотрения результатов, оценки и сопоставления предложений истец был признан победителем, как участник, предложивший наиболее низкую цену.

Согласно правилам, указанным в извещении, истцом было направлено в адрес ответчика две копии подписанных договоров. После того, как документы были доставлены, а истец связался с ответчиком для контроля подписания договора,

истцу сообщили, что на сайте было размещено извещение об отказе от проведения закупки в форме предложений. Однако, согласно Положению о закупке товаров, работ, услуг для нужд ФГУП «Почта России» подобный отказ возможен только до подведения итогов запроса предложений.

Истцом была подана жалоба в Комиссию Управления ФАС по Московской области с требованием отменить отказ от проведения закупок в форме предложений и обязать заказчика заключить договор. Жалоба была признана обоснованной, однако комиссией было принято решение не выдавать предписание.

Истец требовал возмещения убытков, включающих в себя оплату юридических услуг по подготовке заявки, на подготовку и подачу жалобы в ФАС, оплату транспортных и почтовых услуг.

Судом первой инстанции было отмечено, что подобные действия со стороны ФГУП «Почта России» должны быть квалифицированы как внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла этого разумно ожидать.

В свою очередь, суд апелляционной инстанции указал что в данном случае нарушение ответчиком порядка проведения запроса предложений не свидетельствует однозначно о недобросовестности его действий по отношению к возможности заключения договора с Истцом.

Более того, было отмечено, что понесённые Истцом расходы следует отнести к коммерческим рискам, поскольку истец является субъектом предпринимательской деятельности.

Таким образом, аргумент, используемый судом в данном деле, о том, что риск незаключения договора в результате ведения переговоров полностью лежит на предпринимателе в силу специфики осуществления предпринимательской деятельности на свой риск, является характерным аргументом сторонников алеаторной теории переговоров.

Если представить аналогичную ситуацию в том временном промежутке, когда нормы преддоговорной ответственности могли бы быть применены (с 01.06.2016 г.), то подобное ограничительное толкование недобросовестности контрагента может привести к тому, что институт преддоговорной ответственности просто не будет применяться на практике.

Отдельно стоит рассмотреть преддоговорную ответственность как ограничение свободы договора с позиций экономического анализа права. Сторонниками данного подхода любое регулирование заключения контрактов (в широком смысле этого слова) является ограничением свободы договора, что приводит к сокращению социальных издержек в одной части и к их увеличению в другой. Поэтому для оптимального баланса между свободой договора и регулированием необходимо выяснить, какой уровень издержек является допустимым и приемлемым для участников оборота [12, с. 107].

В рамках данного подхода свобода договора рассматривается в качестве «квинтэссенции рынка», что, в условиях предпочтительности рыночной экономической свободы, обуславливает экономическую ценность и значимость свободы договора. Значимость договорной свободы также обусловлена теорией рационального выбора, согласно которой устанавливается презумпция достаточной рациональности участников гражданского оборота для оценивания своих интересов и выбора для себя таких договорных условий, которые максимизируют выгоды, соответствующие их предпочтениям.

Свобода договора рассматривается в качестве базовой опровержимой презумпции, а ее ограничения возможны, только если они убедительно аргументированы, и их результатом является то, что общественное благо перевешивает все преимущества (как этические, так и экономические) договорной свободы [5].

Среди оснований ограничения договорной свободы, существующих в рамках теории экономического анализа права (защита публичного интереса и интересов третьих лиц, защита основ нравственности, защита справедливости договорных условий), нет основания, идеально подходящего для обоснования необходимости введения института преддоговорной ответственности отчасти потому, что в рамках анализа свободы договора свобода переговоров отдельно не рассматривается.

Однако, учитывая, что одной из целей введения преддоговорной ответственности является достижение справедливого баланса сторон, хотелось бы остановиться на анализе такого ограничения как справедливость договорных условий. Несправедливость договора – это а) полная экономическая неэффективность сделки для одной из сторон, б) неравенство в распределении выгоды, полученной от сделки [11]. Данное ограничение целесообразно в случаях, когда у сторон неравные переговорные возможности, а также в случае наличия такого фактора как ограниченная рациональность и информированность контрагента. Однако стоит отметить, что по общему правилу предлагается введение данного ограничения для договоров с потребителями, тогда как для договоров между коммерсантами такое ограничение должно применяться только в исключительных случаях. К таким случаям относят защиту явно слабой стороны договора от навязывания ему очевидно несправедливых условий договора (например, клиенту монополиста), а также при «вопиющей аномальности» договорных условий, когда очевидно, что ни один коммерсант в здравом уме не принял бы такие условия.

Разница применимости такого патерналистского ограничения свободы договора как справедливость договорных условий для потребителей и коммерсантов объясняется следующим. Коммерсант в ходе осуществления предпринимательской деятельности действует на свой страх и риск, поэтому его неинформированность, непрофессионализм, недостаточная рациональность или осмотрительность не могут быть основаниями для патерналистского ограничения договорной свободы. Это объясняется тем, что коммерческая деятельность предпринимателей влияет на рост общественного благосостояния, поэтому «воспитательная строгость» создает стимулы для более рационального поведения предпринимателей в ходе их дальнейшей коммерческой деятельности.

На основании вышеизложенного можно предположить, что сторонники экономического анализа будут придерживаться алеаторной теории переговоров, согласно которой риск переговоров лежит на предпринимателе.

Однако в рамках экономического анализа отдельно отмечается, что для коммерческих договоров важными условиями являются стабильность и предсказуемость, поэтому у сторон не должно быть возможности оспаривать условия договора, которые они «проглядели» из-за своей невнимательности и нерациональности. Но одной из целей преддоговорной ответственности является обеспечение предсказуемости поведения контрагентов, а также стабилизация гражданского оборота. Речь идет о защите тех коммерсантов, которые в данных конкретных обстоятельствах имели обоснованные и разумные основания рассчитывать на то, что договор будет заключен, а причиной понесенных убытков является не собственная невнимательность или нерациональность, а недобросовестные действия контрагента. Я

считаю, что при рассмотрении преддоговорной ответственности с такой точки зрения, можно сделать вывод о том, что в целом данный институт возможно сочетать с позициями, выраженными в экономическом анализе права.

В заключение рассмотрения целесообразности применения алеаторной теории стоит отметить следующее.

На обе стороны преддоговорного обязательства, возникающего в силу вступления сторон в переговоры, законом возложена обязанность добросовестного поведения на преддоговорной стадии, а за неисполнение данной обязанности предусматривается ответственность.

Стоит отметить, что главной целью преддоговорной ответственности является не ограничение принципа свободы договора, а предоставление своего рода гарантий для реализации участниками договорной свободы [2, с. 76].

В алеаторной теории переговоров при рассмотрении принципа свободы договора принимаются во внимание только эгоистичные побуждения контрагентов, без учета интересов другой стороны, что приводит к тому, что необходимость реализации позитивной свободы не учитывается. В таком случае участники гражданского оборота, ведущие переговоры с недобросовестным контрагентом могут нести определенные трансакционные издержки, в том числе по организации переговоров, по поиску и приобретению необходимого для заключения договора обеспечению, по соблюдению условия об эксклюзивности переговоров. При последующем недобросовестном поведении контрагента и необоснованному и немотивированному прекращению переговоров данные издержки окажутся понесенными зря. Обязанность возмещения данных расходов не будет являться ограничением свободы договора недобросовестного контрагента, потому что основанием ответственности является не факт незаключения договора, а факт причинения убытков недобросовестными действиями.

Таким образом, суть алеаторной теории переговоров сводится к тому, что в силу рискованного характера предпринимательской деятельности все издержки переговоров стороны несут самостоятельно, а установление обязанности добросовестного поведения на стадии переговоров необоснованно ограничивает свободу договора. Однако целью института преддоговорной ответственности является обеспечение необходимого баланса интересов, защита добросовестной стороны и реализация принципа добросовестности на практике. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров не будет являться ограничением свободы договора в силу того, что ответственность наступает не за факт незаключения договора или прекращения переговоров, а за недобросовестные действия, причинившие убытки добросовестному контрагенту.

Список литературы

1. Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. СПб.: Юридический центр "Пресс", 2003. – 720 с.
2. Богданов Д. Е. Развитие института преддоговорной ответственности в гражданском праве России // Законодательство и экономика. 2011. N 4. С. 69 – 78.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 2-е изд. // СПС КонсультантПлюс.
4. Гражданское право в 4х томах/под ред. Суханова Е.А.: Т.3. М.: Волтерс Клувер, 2006. – 766 с.
5. Карапетов Д. Г. Экономический анализ права. // СПС Гарант.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат, 2003. – 452 с.

7. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. – 363 с.
8. Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Д.В. Гудков, И.И. Зикун, А.А. Зябликов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2016. – 448 с.
9. Подшивалов Т. П. Сравнительно-правовая характеристика преддоговорной ответственности // Международное публичное и частное право. 2011. N 6. С. 7-10.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2016 № 09АП-35508/2016 по делу № А40-221060/15 // СПС КонсультантПлюс.
11. Рязанова Е. А. Свобода договора: догматические и экономические причины ограничения // Сайт Экономика и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/322967/>
12. Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104 – 167.
13. Bebachuk Lucian Arye, Ben-Shahar Omri. Precontractual Reliance. Harvard L. School. 1996.
14. Farnsworth A. Precontractual Liability and Preliminary Agreements: Fair Dealing and Failed Negotiations. Colum. Law Review. 1987.
15. Leon E. Trakman, Kunal Sharma The binding force of agreements to negotiate in good faith. The Cambridge Law Journal. 2014.
16. Whittaker S., Zimmermann R. Good Faith in European contract law: surveying the legal landscape, Cambridge University Press. 2000.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Шагалов А.В.

студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

В работе рассматривается функционирование саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка. Поднимаются проблемные вопросы членства финансовых организаций в саморегулируемых организациях, финансирования их деятельности, а также взаимодействия саморегулируемой организации и ее членов. Затрагивается проблематика надзора Банка России за деятельностью саморегулируемых организаций.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемая организация, финансовый рынок, надзор Банка России, профессиональный участник финансового рынка, потребитель финансовых услуг.

Краеугольным камнем системы саморегулирования в сфере финансового рынка в Российской Федерации является обязательное членство финансовых организаций в саморегулируемой организации соответствующего вида, закрепленное Законом о СРО в сфере финансового рынка [8, ч. 1 ст. 8]. В соответствии с указанной нормой каждая финансовая организация **обязана** вступить в саморегулируемую организацию, соответствующую виду деятельности финансовой организации, в случае наличия такой саморегулируемой организации. При этом законом финансовой организации по общему правилу дается на вступление в саморегулируемую организацию сто восемьдесят дней с момента ее возникновения (если до этого саморегулируемая организация соответствующего вида не существовала) либо с мо-

мента прекращения финансовой организацией членства в саморегулируемой организации [8, п.п. 1-2 ч. 4 ст. 8], нарушение указанного требования грозит финансовой организации отзывом лицензии (разрешения) на осуществление соответствующего вида деятельности и даже возможной ликвидацией по решению суда по заявлению Банка России [8, ч. 5 ст. 8].

Обязательное членство в саморегулируемых организациях в течение многих лет было поводом для дискуссий [2, с. 67; 3, с. 23] в юридической и профессиональной среде и стало поводом для рассмотрения Конституционным судом Российской Федерации, который поставил точку в вопросе о конституционности обязательности членства арбитражных управляющих в саморегулируемых организациях арбитражных управляющих, признав оспариваемые положения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” соответствующими Конституции Российской Федерации [4].

В случае саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка ситуация осложняется еще и тем, что обязательное членство в саморегулируемой организации было введено не взамен, а в дополнение к существующей системе допуска профессиональных участников на финансовый рынок – лицензированию, осуществляемому Банком России. В результате сложилась система, при которой профессиональных участников финансового рынка контролирует одновременно и Банк России, и саморегулируемая организация соответствующего вида, которая, в свою очередь, также подконтрольна Банку России.

Строго говоря, сложившаяся в России система саморегулирования в сфере финансового рынка являет собой в большей степени передачу публичных (в том числе нормотворческих, контрольно-надзорных и др.) полномочий от Банка России саморегулируемым организациям (с сохранением контроля Банка России за последними), нежели предоставление большей автономии участникам финансового рынка в целях их самоорганизации. Как это отмечалось во введении к настоящей работе, в юридической литературе высказываются мнения, что делегирование публичных полномочий частным лицам с сохранением контроля за последними не может быть в полной мере признано реализацией механизмов саморегулирования, поскольку не обладает существенными признаками объединения субъектов экономической деятельности по признаку профессиональной принадлежности, автономии, в известной степени независимости от органов публичной власти и т.д.

При рассмотрении вопроса о членстве в саморегулируемой организации в сфере финансового рынка необходимо также рассмотреть правовой статус членов саморегулируемой организации и их взаимодействие саморегулируемой организации и ее членов.

Так, с учетом организационно-правовой формы, в которой создаются саморегулируемые организации в сфере финансового рынка – ассоциации (союзы), являющиеся некоммерческими корпоративными юридическими лицами, становится очевидно, что члены саморегулируемой организации являются учредителями (участниками) саморегулируемой организации. В то же время, саморегулируемая организация имеет контрольно-надзорные полномочия в отношении своих членов и вправе применять по отношению к ним предусмотренные законом и не противоречащими закону внутренними документами саморегулируемой организации меры, включая наложение штрафа и исключение из членов саморегулируемой организации. С учетом того, что, как это неоднократно отмечалось, члены саморегулируемой организации являются ее учредителями (участниками) как корпоративной ор-

ганизации, остро встает вопрос о правовой природе принимаемых саморегулируемой организацией в отношении своих членов мер.

С одной стороны такие меры не могут иметь дисциплинарный характер, поскольку члены саморегулируемой организации, являясь участниками юридического лица, не могут находиться в субординированном по отношению к нему положении. В противном случае, складывается ситуация, при которой юридическое лицо как объединение лиц применяет меры дисциплинарного воздействия по отношению к собственным участникам.

С другой стороны, наложение штрафных санкций (например, наложение штрафа на члена саморегулируемой организации в размере, определенном самой саморегулируемой организацией) свидетельствует о наличии у саморегулируемой организации публично-властных (контрольно-надзорных) полномочий по отношению к своим членам, что также вступает в противоречие со смыслом организационно-правовой формы корпорации, которая создается и управляется участниками.

Тем не менее, с учетом изложенной выше позиции о реализованной в России делегированной модели саморегулирования, при которой саморегулируемые организации реализуют переданную им часть публично-властных полномочий государственных органов, последнее из приведенных выше объяснений возможности применения саморегулируемой организацией в отношении своих членов мер представляется наиболее обоснованным.

С учетом специфики формирования имущества и финансирования деятельности саморегулируемой организации, представляется целесообразным рассмотреть этот вопрос в рамках рассмотрения вопроса о членстве финансовых организаций в саморегулируемой организации.

Саморегулируемая организация, с учетом установленных законом ограничений, имеет весьма ограниченный перечень возможных источников формирования собственного имущества, основным из которых являются вступительные и членские взносы членов саморегулируемой организации, доходы от размещения указанных средств, а также возможность получения дохода от возмездного оказания услуг по информационному обеспечению (консультированию) по вопросам деятельности на финансовом рынке.

При этом необходимо учитывать, что размер вступительного взноса законодательно ограничен суммой 100 тысяч рублей и может быть дополнительно снижен Банком России, а размеры членских взносов составляют порядка 100-400 тысяч рублей в год [5].

Таким образом, с учетом затрат на операционную деятельность саморегулируемой организации, для успешного финансирования своей деятельности саморегулируемая организация, очевидно, заинтересована в привлечении и удержании как можно большего количества членов (размер членских взносов не ограничен законодательно), поскольку взносы членов саморегулируемой организации составляют основной объем при формировании имущества саморегулируемой организации, а также с учетом необходимости привлечения не менее чем 26% финансовых организаций соответствующего вида для функционирования.

Кроме того, декларированные в законе цели деятельности саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка учитывают развитие финансовой системы и финансового рынка Российской Федерации, а также защиту и представление интересов членов саморегулируемой организации. В то же время, представляется, что стабильность и развитие финансовой системы напрямую зависят от уров-

ня защиты потребителей финансовых услуг. Саморегулируемые организации же, в свою очередь, экономически не заинтересованы эффективно реагировать на обращения потребителей финансовых услуг – клиентов членов саморегулируемых организаций, поскольку имущественный интерес саморегулируемой организации заключается в сохранении и привлечении как можно большего количества членов, что позволит саморегулируемой организации (1) превысить установленное законом пороговое значение, объединив не менее чем 26% от общего числа финансовых организаций соответствующего вида и (2) выручить больше средств в виде вступительных и членских взносов членов саморегулируемой организации.

В этой связи остро встает проблема конфликта интересов при рассмотрении саморегулируемой организацией в сфере финансового рынка жалобы клиента участника такой саморегулируемой организации на этого участника. Представляется, что саморегулируемые организации в сфере финансового рынка не имеют никакой заинтересованности в защите потребителей финансовых услуг, однако существенно заинтересованы в содействии финансовым организациям и создании положительного образа саморегулируемой организации среди финансовых организаций соответствующего вида, поскольку иной подход может как существенно сократить доходы саморегулируемой организации, так и вовсе поставить под вопрос ее существование [1].

Таким образом, в очередной раз поднимается вопрос о роли саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка. Должны ли саморегулируемые организации обеспечивать больший уровень защиты потребителей финансовых услуг, чем он установлен публичной властью? В этом ли смысл саморегулирования? В противном случае, складывается ситуация, при которой имеющие и без того, очевидно, более сильную, нежели потребители, позицию финансовые организации получают дополнительную поддержку в виде саморегулируемой организации, причем как в отношениях с государственными органами, так и в отношениях с клиентами. И если в первом случае это может быть расценено положительно – как повышение уровня автономности хозяйствующих субъектов от государственного регулирования, то защита финансовых организаций от их собственных клиентов не представляется направлением деятельности саморегулируемых организаций, которое может способствовать развитию финансового рынка и привлечению частных инвестиций в экономику.

Принимая во внимание неоднократно изложенную в настоящей работе позицию о специфике российского саморегулирования, выражающейся в существенной роли публичной власти не только в установлении институтов саморегулирования, но и в процессе их функционирования, становится очевидно, что взаимодействие саморегулируемых организаций с государством и государственный контроль за деятельностью последних занимают не последнюю по важности роль при изучении вопроса саморегулирования в сфере финансового рынка в Российской Федерации.

Несмотря на очевидную важность темы как для исследований, так и собственно для деятельности саморегулируемых организаций и их членов, законодательное регулирование о надзоре Банка России за деятельностью саморегулируемых организаций сформулировано достаточно скудно.

Так, законом устанавливается, что Банк России осуществляет надзор за деятельностью саморегулируемых организаций, включая надзор за соблюдением саморегулируемыми организациями требований законодательства, нормативных актов Банка России, стандартов саморегулируемой организации и соответствующей

отрасли, а также за проведением проверок членов саморегулируемой организации, в установленном им порядке [8, ч. 1 ст. 28].

Из анализа нормативных правовых актов Банка России следует, что основным способом осуществления надзора за деятельностью саморегулируемых организаций является регулярное (ежеквартальное) предоставление последними отчетности в Банк России [6]. По результатам осуществления надзора, в случае выявления нарушений, Банк России может направить саморегулируемой организации предписание с требованием о его устранении и указанием срока его исполнения. Необходимо отметить, что неоднократное неисполнение или исполнение предписания позже установленного им срока может служить причиной для прекращения статуса саморегулируемой организации [8, п. 3 ч. 2 ст. 27].

Очевидно, что прекращение статуса саморегулируемой организации является наиболее жесткой санкцией за допущенные саморегулируемой организацией нарушения, и должно применяться лишь в крайних случаях. Между тем, законом устанавливается достаточно обширный перечень случаев, при которых Банк России вправе прекратить статус саморегулируемой организации. К примеру, Банк России вправе принять такое решение в случае «неоднократного невыполнения саморегулируемой организацией в течение одного года требований закона и принятых в соответствии с ним нормативных актов Банка России, базовых стандартов, внутренних стандартов» [8, п. 2 ч. 2 ст. 27]. Представляется, что указанная формулировка необоснованно широко сформулирована с учетом крайне существенной санкции за ее нарушение: нетрудно представить ситуацию, при которой вполне добросовестно действующая саморегулируемая организация допустила несущественные нарушения перечисленных нормативных актов, которые могли и не привести к нарушению прав и законных интересов других лиц, однако буквальное прочтение закона допускает, в таком случае, возможность лишения ее статуса саморегулируемой организации. Такое наказание, очевидно, нельзя назвать отвечающим принципу соразмерности нарушению, а рассматриваемое регулирование является, во-первых, чрезмерным (уже упомянутая в работе выше «ошибка первого типа»), а, во-вторых, потенциально коррупциогенным, поскольку допускает чрезмерный уровень дискреции надзирающего органа, а значит и должностного лица.

Более оправданным с политико-правовой точки зрения представляется полномочие Банка России лишать саморегулируемые организации статуса за умышленное сокрытие последними нарушений ее членов, которые повлекли отзыв у него лицензии (разрешения) или исключение сведений о нем из соответствующего реестра финансовых организаций, либо направление в суд заявления о его ликвидации [8, п. 7 ч. 2 ст. 27].

В данном случае регулирование представляется более обоснованным с учетом отраженного ранее в настоящей работе опасения, что саморегулируемые организации не заинтересованы в защите потребителей финансовых услуг от недобросовестных действий своих членов – финансовых организаций, поскольку последние являются практически единственным источником финансирования деятельности саморегулируемых организаций, и «урезонивание» недобросовестных игроков может стоить саморегулируемой организации уменьшения численности своих членов, а значит и сокращения денежных поступлений и усиление конкурирующей саморегулируемой организации соответствующего вида.

Сделав небольшое отступление от изложения вопросов взаимодействия саморегулируемых организаций и Банка России, хотелось бы отметить, что возможна

ситуация, диаметрально противоположная описанной выше: в случае наличия только одной саморегулируемой организации соответствующего вида, она занимает «монопольную» позицию, которая не может не влиять на ее членов с учетом требования закона об обязательном членстве в саморегулируемой организации – финансовая организация в случае выхода из состава членов саморегулируемой организации – монополиста просто не сможет осуществлять свою деятельность на финансовом рынке, не являясь членом саморегулируемой организации. В этой связи может вызывать дискуссии установленное законом ограничение в 26 процентов от общего числа финансовых организаций, осуществляющих соответствующий вид деятельности, которые должна объединять саморегулируемая организация. Очевидно, что при таком регулировании в одной сфере не может существовать более трех саморегулируемых организаций, что не может способствовать развитию конкурентной среды в сфере саморегулирования.

Возвращаясь к вопросу надзорных полномочий Банка России по отношению к саморегулируемым организациям и санкциям, которые могут быть применены Банком России, особый интерес вызывает право Банка России требовать замены руководителя саморегулируемой организации [8, п. 2 ч. 4 ст. 28]. При рассмотрении системы органов управления саморегулируемой организации уже были рассмотрены специальные требования, которые предъявляются законом и нормативными актами Банка России к кандидатуре и деловой репутации руководителя саморегулируемой организации, а также необходимость согласования кандидатуры на должность руководителя саморегулируемой организации в сфере финансового рынка Банком России [7]. Очевидно, законодателем уделяется важная роль персоне руководителя саморегулируемой организации, и возможность Банка России требовать его замены логичным образом продолжает этот подход.

Таким образом, рассмотрев общие условия осуществления деятельности саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка в Российской Федерации, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, сложившаяся в России система саморегулирования имеет свои особенности, связанные с существенной долей участия публично-правовых органов как в создании системы саморегулирования, так и при осуществлении саморегулируемыми организациями своей деятельности. Такая модель саморегулирования получила в науке название «*делегированного саморегулирования*», т.е. саморегулируемые организации в сфере финансового рынка в России являются не последствиями инициативного объединения субъектов экономической деятельности, а частными организациями, принявшими на себя ряд полномочий и компетенций публично-правовых органов.

Во-вторых, на настоящем этапе развития саморегулирования в России остается нерешенным вопрос о правовой природе членства финансовых организаций в саморегулируемых организациях, что имеет существенное значение как с точки зрения структуры управления саморегулируемой организацией, которая по своей природе является корпоративной организацией, так и принципиально важно с точки зрения полномочий саморегулируемой организации по применению мер ответственности по отношению к своим членам.

Наконец, в настоящий момент российское законодательство не устанавливает единого стандарта имущественной ответственности саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка (как это было сделано в отношении остальных саморегулируемых организаций), что, очевидно, тормозит привлечение средств

частных инвесторов на финансовый рынок, поскольку сложившаяся система обязательного страхования вкладов физических лиц банками, в отличие от других участников финансового рынка, в известной степени обеспечивает сохранность средств клиента, в то же время получатели финансовых услуг должны получать соответствующую защиту своих прав при помощи системы саморегулирования.

Список литературы

1. «Большая четверка» не простила СРО // Сайт Коммерсант.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/3114794> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Курбатов А. Я. Проблемы правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций аудиторов // Хозяйство и право. 2016. № 12. С. 21-31.
3. Курбатов А. Я., Турбанов А. В. Правовые проблемы саморегулирования аудиторской деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 66-75.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2006.
5. Протокол заседания Совета директоров НАУФОР от 23 ноября 2016 года // Сайт НАУФОР. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naufor.ru/getfile.asp?id=10767> (дата обращения: 10.05.2017).
6. Указание Банка России от 13.01.2017 N 4262-У "О содержании, форме, порядке и сроках представления в Банк России отчетности саморегулируемой организации в сфере финансового рынка" (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2017 N 46071).
7. Указание Банка России от 14.12.2015 N 3897-У «О порядке согласования Банком России руководителя саморегулируемой организации в сфере финансового рынка» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.01.2016 N 40891)
8. Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС Консультант Плюс.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Шведова Н.Н.

профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России, Россия, г. Волгоград

Автором проводится анализ современных подходов к подготовке кадров для государственных судебно-экспертных учреждений на примере Волгоградской академии МВД России. Обращается внимание на опыт новой формы повышения квалификации судебных экспертов – стажировок на базе вузов системы МВД России. Поднимается проблема профессиональной компетентности педагогических работников, ведущих подготовку данной категории специалистов, предлагаются пути ее решения.

Ключевые слова: образовательная деятельность, государственная судебно-экспертная деятельность, комплекс компетенций, профессиональная компетенция педагога.

В настоящее время профессиональная подготовка государственных судебных экспертов в России осуществляется в образовательных организациях высшего

образования в двух формах: по основным образовательным программам высшего образования по специальности «Судебная экспертиза» и по программам дополнительного профессионального образования по различным экспертным специальностям. Общей целью профессиональной подготовки данной категории специалистов является формирование у обучаемых комплекса компетенций, необходимых для осуществления государственной судебно-экспертной деятельности [8, с. 124-130].

Исторически сложилось так, что ведущую роль в подготовке судебных экспертов играют вузы системы министерства внутренних дел страны. Так, например, почти пять десятилетий на базе Волгоградской академии МВД России (в прошлом – Высшей следственной школы МВД СССР) ведется подготовка высококвалифицированных экспертов-криминалистов, которые обеспечивают технико-криминалистическое сопровождение процесса раскрытия и расследования преступлений органами предварительного следствия. Данная задача была традиционной для образовательных организаций МВД России, что нашло свое отражение в соответствующей нормативной базе [4]. Именно поэтому для Волгоградской академии МВД России был определен как основной профиль подготовки кадров для экспертно-криминалистических подразделений министерства, что можно считать признанием многолетнего опыта и высокого качества подготавливаемых государственных судебных экспертов [9, с. 108-112].

Особенно актуальным направлением современной системы подготовки государственных судебных экспертов в вузах страны является дополнительное профессиональное образование. Именно данная форма становится наиболее востребованной для повышения квалификации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Это объясняется определенной спецификой экспертно-криминалистической деятельности, вытекающей из требований современного законодательства об обязательной аттестации государственных судебных экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз [7].

Если ранее такое обучение проводилось в форме стажировок сотрудников в экспертно-криминалистических центрах территориальных органов МВД России, а также в профильных отделах Экспертно-криминалистического центра МВД России, то на сегодняшний момент подобная практика не отвечает требованиям действующего федерального законодательства в сфере образования. Данное обстоятельство стало основанием для организации нового вида повышения квалификации экспертов в форме стажировки на базе образовательных организаций системы МВД России, имеющих необходимые научно-методические, кадровые и материально-технические ресурсы. Так, в Волгоградской академии МВД России в текущем году впервые организовано обучение по программам повышения квалификации в форме стажировок по экспертным специальностям: «Дактилоскопическая экспертиза», «Трасологическая экспертиза», «Экспертиза холодного и метательного оружия», «Судебно-баллистическая экспертиза», «Портретная экспертиза», «Технико-криминалистическая экспертиза документов», «Почерковедческая экспертиза». В итоге число сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, прошедших обучение по программам стажировки, составило 50% от общего числа лиц данной категории сотрудников, повысивших свою квалификацию в Волгоградской академии МВД России, причем средний стаж работы обучаемых в качестве государственных судебных экспертов составил 10-15 лет.

При разработке необходимого учебно-методического обеспечения учитывались требования Минобрнауки [2], согласно которым целью данной формы повы-

шения квалификации является изучение передового опыта экспертно-криминалистической деятельности в территориальных органах МВД России, закрепление теоретических знаний, приобретение практических навыков и умений для эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей. Поэтому в соответствующих образовательных программах предусмотрена как теоретическая, так и практическая подготовка в рамках углубленного изучения определенной экспертной специальности.

Лекционный материал образовательной программы построен на анализе проблемных вопросов экспертной практики, рассмотрении причин и условий допускаемых экспертных ошибок процессуального, гносеологического и деятельностного характера. Для подготовки фондовых лекций использована учебно-методическая литература, изданная ЭКЦ МВД России, а также научные публикации ведущих российских ученых в области судебно-экспертной деятельности, отражающие насущные проблемы экспертной практики [1; 6].

Исходя из того, что рассматриваемая форма повышения квалификации государственных судебных экспертов имеет ярко выраженный практико-ориентированный характер, обязательным условием освоения ее программы является выполнение практического задания в форме контрольной экспертизы, что позволяет обучаемым закрепить приобретенные знания и усовершенствовать профессиональные навыки при решении сложных диагностических и идентификационных задач в отношении различных объектов судебной экспертизы. Завершает обучение итоговая аттестация, результаты которой являются основанием для выдачи свидетельства о повышении квалификации по определенной экспертной специальности.

Еще одной особенностью подготовки государственных судебных экспертов в системе высшего образования являются особые требования к уровню квалификации педагогических работников. Переход системы высшего образования в России на новые образовательные стандарты требует не только формирования компетенций у выпускника, но наличия достаточной профессиональной компетентности педагогических работников, что обусловлено сложностью и спецификой профессиональной деятельности выпускаемых специалистов – государственных судебных экспертов. Однако, если обратиться к содержанию одного из образовательных стандартов, в соответствии с которыми проводится подготовка таких специалистов [3], можно заметить, что среди требований к условиям реализации основных образовательных программ называется лишь образовательный уровень и научная квалификация педагогических кадров, а также обязательное привлечение преподавателей из числа действующих руководителей и специалистов профильных организаций и учреждений. По нашему мнению, данные критерии являются формальными и не в полной мере отражают содержание необходимых профессиональных качеств педагогического работника, участвующего в формировании у выпускника профессионально-значимых компетенций.

В этой связи представляет интерес точка зрения некоторых ученых [5, с.42-50; 10, с.160-163; 11, с.201-204; 12, с.378-382], определяющих профессиональную компетенцию преподавателя высшей школы как интегральную характеристику личности, основанную на единстве мотивационно-ценностных, когнитивных и иных компонентов. При этом в когнитивном блоке профессиональных компетенций, помимо методологических и психолого-педагогических знаний, выделяют так называемые специальные знания – знания преподаваемого предмета. Очевидно, что данная составляющая занимает особое место в системе профессиональных

компетенций педагогического работника, преподающего дисциплины профессионального цикла по образовательной специальности «Судебная экспертиза» в вузах системы МВД России. Это напрямую связано с тем, что главной целью обучения по основной и дополнительным профессиональным образовательным программам по данному направлению является формирование способности выпускника самостоятельно производить судебные экспертизы. Поэтому для ее достижения необходим соответствующий уровень квалификации преподавателя в данной области, который определяется не только образованием по профилю подготовки, но и его собственным опытом судебно-экспертной деятельности. Полагаем, что такое понимание профессиональной компетенции преподавателя требует внесения соответствующих корректив в содержание образовательного стандарта.

Безусловно, обозначенные пути совершенствования подготовки государственных судебных экспертов в системе высшего образования требуют детального обсуждения, тщательной организационной и правовой проработки, но в целом окажут положительное влияние на качество подготовки специалистов для заинтересованных правоохранительных ведомств страны.

Список литературы

1. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : науч.-практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – М., 2011.
2. Приказ Минобрнауки России от 1 июля 2013 года № 499 «Об утверждении порядка и организации образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/08/28/minobr-dok.html>
3. Приказ Минобрнауки России от 28 октября 2016 г. № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета)». [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://base.consultant.ru/document/cons_doc_law_253122/
4. Приказ МВД России от 29 августа 2010 года № 820 «О профилизации образовательных учреждений» [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://base.consultant.ru/document/cons_doc_law_184321/
5. Сорокопуд Ю.В. Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы / Ю.В. Сорокопуд // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 11.
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – М., 2016.
7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73–ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: [принят Гос. Думой 05 апреля 2001 г.: по состоянию на 08.03.2015 г.] // СЗ РФ. – 04.06.2011. – № 23. – 2291.
8. Шведова Н.Н. Инновационная образовательная политика в области судебной экспертизы / Н.Н. Шведова // Судебная экспертиза. – Волгоград: ВА МВД России, 2011. – № 4 (28).
9. Шведова Н.Н. Опыт реализации профильного высшего профессионального образования при подготовке кадров для экспертно-криминалистических подразделений МВД России/ Н.Н. Шведова, А.А. Тимофеева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 4.
10. Шведова Н.Н. К вопросу о квалификационных требованиях к научно-педагогическим работникам образовательных организаций, ведущих подготовку кадров для экспертно-криминалистической службы МВД России / Н.Н. Шведова // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии :

Материалы XXII всероссийской научно-практической конференции (2-3 марта 2017 г., г. Иркутск). – Иркутск, ВСИ МВД России. – 2017 г.

11. Шведова Н.Н. Стажировка как новая форма повышения квалификации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в образовательных организациях МВД России / Н.Н. Шведова, А.В. Досова // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции (16 июня 2016 г., г. Воронеж) – Воронеж: ВИ МВД России. – Ч.3. – 2016.

12. Шведова Н.Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников территориальных органов МВД России: опыт и проблемы /Н.Н. Шведова, И.В. Харченко // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы III-й Международной научно-практической конференции (28 апреля 2016 г.). – Волгоград: ВА МВД России, 2016.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Корнута И.В.

магистрант первого курса, магистерская программа «Политическая аналитика и проектирование», Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

Исследование мотивации политических акторов имеет под собой глубокие исторические и научные корни. Начиная со второй половины XIX века, все чаще, ученые-исследователи уходили в своих работах в сторону физиологии человека. Современные представления, зачастую, лишь подтверждают эти основания. Автор статьи фокусирует свое внимание на самых актуальных достижениях науки в области изучения головного мозга, для того, чтобы дополнить существующие представления о мотивации политических субъектов.

Ключевые слова: политическая мотивация, субъект, мозг, политика, власть, физиология.

Проблема мотивации фараонов, королей и императоров всегда интересовала философов, ученых-политологов и экспертов на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

Еще в древнейших индийских источниках, таких как «Артхашастра» и «Тирхурал» рассматривалась проблема человеческой «кармы», влияющей на все его поступки. В Древней Греции проблема «души» так же широко рассматривалась на протяжении многих поколений философов. Так, Платон рассматривал душу как некий центр между идеальным и искаженным мирами. В Христианском и традиционном учении считалось, что все действия человека имеют прямое влияние на состояние его «души» после смерти. Религиозная традиция впоследствии еще долгие века отражалась в научно-философских работах. Так, существовали позитивные мотивы, которые оказывают благотворное влияние на человека и общество и негативные, которые существуют лишь ради эгоистических помыслов отдельного индивида.

Дж. Вико называл три мотива, которые заставляют человека творить зло: гордыня, жадность и гнев. В своих работах, анализируя древние источники «Илиада» и «Одиссея», Вико пытался понять мотивацию поступков главных героев, их ценностей и сделать из этого выводы об их эпохе [2]. Другой итальянский исследователь, Н. Макиавелли анализируя политику раздробленной Италии, отмечал, что в любом политическом действии всегда можно увидеть «маленький экономический интерес» [3]. А немецкий социолог М. Вебер, анализируя развитие капитализма в западной Европе считал, что причины резкого экономического подъема Америки кроются в отходе от католических верований в сторону протестантизма. Основным постулатом его теории считалось то, что протестантская мораль сместила центр «греховности души» с момента смерти в сторону ежедневной деятельности, которая могла приносить свои плоды лишь тому, кто постоянно действовал при жизни [1].

В XIX веке, в довесок после Эпохи Просвещения, философская мысль постепенно начала отходить от религиозных постулатов в пользу учения о человеческом разуме. Сам разум стали окрашивать в самые разные характеристики. Одной

из центральных идей стало то, что человеческий разум, а значит и сам человек по определению является свободным, а сами люди равны между собой по рождению. В этом логическом ключе любое стремление к свободе является главной мотивацией каждого индивидуума. В дальнейшем эти идеи только продолжали развиваться. Пиком этой мысли стало учение К. Маркса, который пришел к выводу о том, что все человечество развивается последовательно, но при этом, одна часть населения эксплуатировала другую [4]. Основным мотивом развития он считал стремление к выгоде одной части населения и ее закономерное паразитирование на другой. Однако со временем, когда капиталистическая система закономерно должна будет изжить себя, подавляемая часть населения должна будет восстать и сбросить с себя оковы эксплуатации. После этого должно было произойти строительство нового общества.

Конец XIX начало XX века ознаменовало собой развитие гуманитарных наук. Особенно ярко, в области исследования мотиваций выделяется психология. Такие исследователи, как З. Фрейд, Д. Юнг и другие прямо указывали на корреляцию человеческого поведения с его подсознанием. Это сместило точку наблюдения ученых с человеческой души в сторону человеческого тела. Ученые-исследователи XX века по современным меркам и не могли так же как и сегодня исследовать человеческое тело. Поэтому многие философы, социологи и политологи вынуждены были подстраивать свои концепции под последние данные психологии, которые и не могли быть окончательно достоверными, а небольшое количество отечественных исследователей головного мозга, зачастую просто не были услышаны.

Интересная параллель возникает с предыдущей эпохой. Когда человеку пытались приписать некоторое количество общечеловеческих параметров поведения, являющихся системой его мотиваций. Так, одна из многих попыток описать систему индивидуальных мотивов, основанных на психологическом анализе, была принята А. Смоллом. Он классифицировал 6 типов т.н. «человеческих желаний», которые регулируют его мотивы и действия: здоровье, благополучие, возможность адаптироваться в обществе, знание, красота и ощущение собственной правоты. Исходя из этого, он выводит несколько типов персональных «хотелок»: желания, связанные с физическими функциями человеческого тела, связанные с использованием материальных товаров, с желанием реализовать социальные инстинкты, активностью интеллекта, удовлетворением эстетических суждений и наконец, связанные с активностью сознания [7].

Весьма близкую точку зрения излагает итальянский социолог В. Парето. В основе его учения лежит идея об «остатках». Суть ее заключается в том, что в основе любых действий или суждений человека лежит чувствительное ядро. Парето выделяет шесть видов остатков: «инстинкт комбинаций», «сохранение агрегатов», «потребность в проявлении чувств по средствам внешних действий», «остатки, связанные с социальностью», «целостность индивида и его зависимостей» и «сексуальный остаток» [5].

Однако наибольший интерес в изучении причин мотивации представляет XXI в. Так в отечественной науке наиболее ярко выделяются работы Т.В. Черниговской и С.В. Савельева. В своей работе «Нищета Мозга» С.В. Савельев детально описывает предпосылки для возникновения в эволюции человека двойного уровня мотиваций. Двойная мотивация обусловлена разделением мозга на два уровня (в обычном случае) и на три (в случае гениального мозга). На первом уровне располагается архаичная «лимбическая система», которая психологами обычно называется

подсознанием. Лимбическая система эволюционно сложилась как инструмент выброса эндорфинов, которые формируют у субъекта архаичные мотивации. Чем более мозг примитивен, тем большую роль в поведении субъекта играют биологические мотивации. На втором уровне находится «неокортекс», составляющий основу рационального мышления. Решение субъектом принимается в этой области мозга лишь в том случае, если были потрачены реальные усилия на его принятие. Данная система политических мотиваций не поддерживается выбросом эндорфинов, а потому, зачастую и менее актуальна для мозга в целом. Третий уровень существует только в исключительных случаях, и связан с участием огромного количества нейронов в той или иной области мозга. Так, гениальный художник будет с наибольшей вероятностью иметь крупные зрительные и моторные поля, где с может появиться значительный мотивационный хаб.

Так С.В. Савельев выделяет четыре основных закона функционирования мозга человека, который во все времена поддерживается выбросом эндорфинов со стороны лимбической системы: «еда» – или, в современном мире, – желание денег и наживы, «размножение» – т.е. поиск идеального партнера, деятельность, связанная с сексуальными переживаниями, «доминантность» – деятельность, связанная с максимальной социальной адаптацией и аккумуляцией власти на всех уровнях и «сохранение энергии» – предельная экономия времени, эмоций и интеллектуальных сил при получении первых трех [6].

Изучение мотиваций поведения политических субъектов имеет весьма долгую историю. На практике, различные мотивации пытались по-разному трактовать. Одни религиозные деятели пытались разделить мотивации на хорошие и плохие, другие философы пытались через мотивацию найти общие корни среди всех людей, третьи пытались через объяснение мотивации проанализировать окружающий человека мир, ну а четвертые выводили общие законы мотивации как непреодолимую судьбу человечества. В данном логическом ключе, работы С.В. Савельева, возможно, подошли к истине вопроса ближе всего. Благодаря его исследованиям, становятся понятны архаичные мотивации в поведении политических субъектов. Вызовы, которые стоят перед человеческой цивилизацией в XXI веке нуждаются в глубоком изучении мозга человека. Однако общие тенденции в изучении мозга остаются не утешительными для утопистов и сторонников конкретного политического устройства. Мозг все еще сохраняет глубоко биологические черты, в первую очередь эгоцентричные, что не дает возможности надеется на дальнейшее улучшение межгосударственных отношений и постепенный отход от глобальных конфликтов и противоречий.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Прогресс, 1990.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Изд. Иса 1994г.
3. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990г.
4. Маркс К. Критика политической экономии. Лондон 1859г.
5. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.
6. Савельев С. В. Нищета Мозга. М.: Издательство «ВЕДИ», 2016.
7. Small A., Vincent G. An Introduction to the Study of Society. Publisher: American Book Company, 1894.

НЕОФЕОДАЛИЗМ КАК НОВАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА ИЛИ РЕАКЦИЯ НА ОСЛАБЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Кутузов Д.В.

магистрант первого курса, магистерская программа «Политическая аналитика и проектирование», Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

В данной статье автором проанализированы процессы трансформации общества в развитых капиталистических странах, а также их специфическое влияние на социальные системы и рынки развивающихся государств. Особое внимание уделено феномену «неофеодализма» как всеобщему эквиваленту глобальных экономических, социальных и политических процессов. Анализ, приведенный в статье, дает возможность глубже изучить специфику изменений в странах с разными темпами цивилизационного развития.

Ключевые слова: неофеодализм, капитализм, социальная система, политическая система, рынок, глобальные процессы.

Начало XXI века ознаменовало окончательное крушение глобальной коммунистической мысли. Современные формы около социалистической модели развития экономики обретают все чаще формы своеобразных «гибридов» с ярко выраженными элементами капиталистического пути развития. В данном логическом ключе можно констатировать тотальную победу «реакции» – т.е. сил, настроенных на поддержание капиталистической мир-системы.

Одним из первых ученых-политологов, которые заговорили о проблеме возрождения феодализма был американский социолог, основатель мир-системного анализа И. Валлерстайн [1]. Согласно рассмотренному им процессу эволюции социальных систем, он разделил современный мир на три основных экономико-политических группы: сердцевину, полупериферию и периферию. В рамках данного подхода, впервые была высказана идея о том, что дальнейшая концентрация капитала в странах «центра» и его неравномерное перераспределение приведет к появлению «сверхбогатых» стран и нового типа «подавляющего класса». В то же время с учетом неумолимой продолжительности научно-технического прогресса и увеличения числа населения планеты неизбежно возникновение качественно новых субъектов политики, имеющих фактически неограниченный доступ к последним достижениям цивилизации. В свою очередь, это приведет к неконтролируемому росту глобальных социально-политических, этнических и религиозных противоречий в странах полу-периферии и периферии.

Финальный этап развития индустриального общества в XX веке, по мнению американского философа Э. Тоффлера представлял собой абсолютную централизацию всего общества, подчиненного исключительно капиталистическому сознанию – где у всего появляется цена, все сводится к прибыли [6]. Марксистско-ленинская идеология, по мнению социолога так же представляла собой образ абсолютной централизации, а пример Советского Союза в его работах был центральным в доказательстве этой позиции. С другой стороны, альтернативой были страны «западной Оси» – которые представляли собой абсолютную централизацию, но без идеологии К. Маркса [3]. После Второй мировой войны, важнейшую роль в которой сыграло советское государство, в результате которой должна была восторжествовать совет-

ская модель развития (по крайней мере, в пределах Востока), так и не произошло, а непосредственно тотального доминирования модели Советского Союза достичь оказалось просто невозможным. Более того, с течением времени, сначала развитые страны Запада перестали рассматривать советский путь развития экономики серьезно, а затем и сами страны-союзники СССР от него отказались. В конечном счете, и государство советов исчезло.

Американский политолог П. Готфрид считает, что коммунистическая идеология, фактически растворилась среди множества других около-левых и около-правых идеологий – «феминизм», «движение зеленых», «либертарианство», «национал-большевизм» [2]. Разумеется, что у сложившихся политических течений уже давно нет классической революционной составляющей, основанной на классовой борьбе.

Причины данного исхода, во многом, оказываются скрыты в кризисе советской модели производства и критической разницей в уровне жизни противоборствующих в XX веке блоков. Победа про-капиталистической реакции, фактически, начала новый виток классового антагонизма и противоречий. С исчезновением советского государства, все оставшиеся социалистические системы перешли, *de facto* на капиталистический путь развития, а достижения коммунистической идеи, в том числе, права рабочих, освобождение женщин (что привело к возникновению движения «феминисток») и так далее стали все меньше превалировать в современном обществе. В то же время не последовало и жесткой отмены – подавляющий класс, все же, стремился удержать свою власть путем лишь частичной отмены элементов социально-ориентированного государства. Фактически, крупные мировые экономики уже не заинтересованы в рисках, связанных с понижением стабильности в собственных странах. Высокий уровень жизни в странах «сердцевины» обеспечивается теперь за счет циркуляции капитала и дешевой рабочей силы в странах третьего мира, что в свою очередь дает возможность правящему классу существовать относительно безмятежно в условиях высокой стабильности. Так, мы наблюдаем появление все более агрессивных «vulture-capitalists», которые фокусируют свое внимание на одной экономической нише, будь то, такие безобидные на первый взгляд услуги как такси, быстрая сдача квартир в аренду или fast-food.

Таким образом, в современной капиталистической системе начались тенденции к формированию новых миров-империй, локального и глобального масштаба. Капитализм «распылил» население разных стран через транснациональные корпорации, фактически ликвидировав такие понятия как «национальный суверенитет» и «региональное право». Уже сейчас можно говорить о появлении т.н. «неофеодального права», которое вклинивается в международную правовую систему и диктует новые политико-экономические и нормативные реалии странам и регионам. Более того, появляется относительно новый инструмент влияния и давления на правительства различных стран через финансовые потоки и сотрудников вовлеченных в обще-трудовые отношения связанные с корпорациями.

Тем самым, в Западных странах, можно наблюдать рождение нового политического субъекта – транснациональных корпораций, который не связан с четко ориентированными государственными границами и имеет свою суррогатную культуру и аберрационную идеологию, не имеющую пока крупного мирового «избирателя», но обладающего всеми инструментами распространения своей повестки дня.

В то же время, в странах с догоняющим развитием, происходит схожий процесс, но основанный несколько на иных предпосылках. Фактически, «неофеода-

лизм» – глобальный процесс, но выход новых субъектов на глобальную политическую арену происходит по-разному. В странах Запада первичная аккумуляция капитала происходила за счет создания глобальных мир-капиталов первого колониального витка. В случае с развивающимися странами, аккумуляция капитала происходила за счет грабежа собственного народа-населения [4]. Однако суть процесса от этого не изменилась. Дальнейшее развитие технологий и достижений человеческой цивилизации, которые разрабатываются или создаются при участии транснациональных корпораций и инвесторов все равно, особенно на начальных этапах, оказываются доступны лишь небольшому кругу сверхбогатых субъектов.

Несмотря на то, что неофеодализм и феодализм имеют одинаковый корень, они не являются тождественными понятиями. Если феодалу давали землю за службу, как самый главный источник обогащения, то в условиях неофеодализма земля не только не является ключевым источником доходов, но и уступает свое место наличию огромного количества личностных связей и степени скрытого влияния на различные институты общества, экономико-рыночные процессы и политику. Фактически, земля является важным придатком к сложившемуся могуществу неофеода, а его вотчиной могут стать не просто отдельные земельные наделы, но и целые регионы, страны и отдельные государства. Таким образом, неофеодализм – это качественно новая административно-управленческая система внутри общества, основой которой служит право мега акторов на абсолютное, но скрытое влияние на все сферы существования отдельно взятых государств, регионов, цивилизаций. Если феодал владел четко ограниченным и установленным правящей династией наделом, то неофеодал подобных ограничений не испытывает, и может находиться одновременно в разных регионах Земли. Если в условиях феодализма рыночная экономика и буржуазия не имели ключевого значения, но в условиях неофеодализма сам феномен буржуазии, гражданского общества и рынка становится под влиянием неофеодалов.

В заключение, стоит заметить, что «неофеодализм» не является идеологией, как и не существует «идеологов» неофеодализма. Скорее – это объективная данность развития «реакции», которая перешла в процесс формирования нового ветка «неоимпериализма». Главный действующий субъект – неофеодал, не ставит перед собой цели создать круг приближенных к нему неофеодалов, построить относительно новое общество. Он лишь действует в логике «победившего» капитализма [5], где желание получить максимальную выгоду превалирует над всем остальным, там самым, вовлекая других игроков в те же самые процессы получения максимальной прибыли и господства.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.
2. Готфрид П. Странная смерть Марксизма. – М.: Мысль, 2009.
3. Маркс К. Критика политической экономии. Лондон, 1859.
4. Павловский И. В. Политика национальных интересов России: вектор развития современной России. М.: Фонд «Отчизна», 2007.
5. Савельев С. В. Нищета Мозга. М.: Издательство «ВЕДИ», 2016.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Ф-Изд «АСТ» 2004.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ

Пенякина М.С.

студентка 3 курса, Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

Сметанин А.Г.

старший преподаватель, Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

В настоящее время в законодательстве четко не определены основные понятия, регулирующие сферу предоставления услуг. Поэтому понятийный аппарат, предлагаемый законопроектом, крайне важен. Одним из наиболее эффективных способов организации предоставления государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации сегодня признано оказание услуг с помощью специально оборудованных пунктов приёма и выдачи документов – многофункциональных центров предоставления услуг.

Ключевые слова: государственная услуга, муниципальная услуга, заявитель, многофункциональный центр предоставления услуг, единый портал государственных и муниципальных услуг, «принцип одной двери», «принцип одного окна».

Государственная и муниципальная деятельность реализуется, в том числе, через оказание системы государственных и муниципальных услуг. В настоящее время отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг, регулируются Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Согласно данному закону:

– государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации – деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги;

– муниципальная услуга, предоставляемая органом местного самоуправления – деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований [1, с.69-70].

Заявитель в данном случае есть физическое или юридическое лицо либо их уполномоченные представители, обратившиеся в орган, предоставляющий государственные, муниципальные услуги, либо в организации, участвующие в предоставлении государственных или муниципальных услуг с запросом о предоставлении государственной или муниципальной услуги, выраженным в устной, письменной или электронной форме. Заявителем не могут быть государственные органы и их территориальные органы, органы государственных внебюджетных фондов и их территориальных органов, органы местного самоуправления.

При получении государственных и муниципальных услуг заявители имеют право на:

1) получение государственной или муниципальной услуги своевременно и в соответствии со стандартом предоставления государственной или муниципальной услуги;

2) получение полной, актуальной и достоверной информации о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме;

3) получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по выбору заявителя;

4) досудебное (внесудебное) рассмотрение жалоб в процессе получения государственных и (или) муниципальных услуг;

5) получение государственных и муниципальных услуг в многофункциональном центре в соответствии с соглашениями, заключенными между многофункциональным центром и органами, предоставляющими государственные услуги, и соглашениями, заключенными между многофункциональным центром и органами, предоставляющими муниципальные услуги, с момента вступления в силу соответствующего соглашения о взаимодействии [2].

Приведенное толкование государственной, муниципальной услуги может быть распространено и на соответствующую деятельность государственных, муниципальных учреждений и других организаций, участвующих в предоставлении услуг в рамках размещенного в них государственного, муниципального задания (заказа). Услуги, которые предоставляются государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное или муниципальное задание (заказ), подлежат включению в реестр государственных или муниципальных услуг. Они предоставляются в электронной форме в том случае, если указанные услуги включены в перечень, установленный Правительством Российской Федерации [3, с. 369-370].

Высший орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации вправе утвердить дополнительный перечень услуг, оказываемых в соответствующем субъекте Федерации государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное или муниципальное задание (заказ), подлежащих включению в реестр государственных или муниципальных услуг и предоставляемых в электронной форме.

Для приёма сообщений в электронной форме, поступивших по информационным системам общего пользования, применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с сообщениями.

Особенности предоставления государственной услуги в электронном виде: заявитель может подать заявление с использованием электронной почты и (или) электронной формы, размещенной на официальном сайте в сети Интернет, а также на Едином портале государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru)

Одним из наиболее эффективных способов организации предоставления государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации сегодня признано оказание услуг с помощью специально оборудованных пунктов приёма и выдачи документов – многофункциональных центров предоставления услуг.

Многофункциональные центры предоставления услуг (далее – МФЦ) – учрежденная и уполномоченная высшей исполнительной властью РФ организация, обеспечивающая предоставление государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в режиме «одного окна». По сути, МФЦ стал единой точкой доступа к услугам для физических и юридических лиц [4, с. 89-91].

На сегодняшний день каждое подразделение МФЦ предоставляет от 50 до 200 наименований услуг по таким направлениям, как социальная поддержка населения, регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, определение или подтверждение гражданско-правового статуса заявителя (услуги ЗАГС и т.п.), регулирование предпринимательской деятельности [5, с. 269-270].

Среди способов предоставления государственных (муниципальных) услуг для физических и юридических лиц через МФЦ выделяют:

- «принцип одного окна», по которому прием документов осуществляют сотрудники МФЦ, формируя и передавая при этом дело в соответствующий орган исполнительной власти, где уже непосредственно принимается решение о предоставлении (отказе в предоставлении) услуги, и конечный результат оказания услуги выдается либо самим органом исполнительной власти, либо МФЦ;

- «принцип одной двери», который предполагает, что непосредственное взаимодействие с заявителем в МФЦ осуществляет сотрудник органа исполнительной власти, ответственного за оказание услуги [6, с. 321-322].

Проведение политики совершенствования государственного управления привело к созданию новых видов информационных решений, автоматизирующих бизнес процессы с использованием новейших технологий в области коммуникаций и связи, обеспечивающие деятельность МФЦ.

Список литературы

1. Наумов С.Ю. Основы организации муниципального управления. – М.: Форум, 2011. – 352 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015).
3. Белых И.В. Правовые основы муниципального менеджмента. – М.: Московская Финансово-Промышленная Академия, 2010. – 208 с.
4. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление. 4-ое издание, переработанное и дополненное. – М.: Юрайт, 2012. – 431 с.
5. Бондарь Н.С. Государственное управление Российской Федерации. 3-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Юрайт, 2013. – 721 с.
6. Дорошенко Е.Н., Заболотских Е.М., Комарова В.В., Фадеев В.И. Государственное управление. – М.: Проспект, 2013. – 336 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ПОЛИТОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пуговкина К.В.

студентка третьего курса факультета истории и международных отношений,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

В данной статье рассматривается политология в системе общественной жизни. Политология как наука занимает важное место среди обществоведческих дисциплин. Это подтверждается постоянно возрастающим потоком специализированной литературы, возникновением множества специальных политических журналов, а также наличием всевозможных общенациональных и региональных политических ассоциаций. Какие бы сферы социальной действительности мы не рассматривали, все они оказываются так или иначе сопряженными с политикой. Политология является не только авторитетной научной дисциплиной, но и мощным орудием формирования и развития современного общества.

Ключевые слова: политика, политология, политические ассоциации.

Политология тесно связана с жизнью общества. Как и всякая другая наука, политология появилась вследствие определенных общественных потребностей и потому ее развитие, разработка той или иной проблематики направлено на удовлетворение этой потребности. Общественное предназначение политологии определяется теми функциями, которые она выполняет для индивида и общества и которые можно свести к трем основным:

- во-первых, познавательной, связанной с процессом исследования и проникновения в механизм и закономерности политической жизни, а также описания, объяснения и оценки тех или иных ее событий и явлений. Политология во всех своих структурных отраслях, на всех уровнях исследования обеспечивает, прежде всего, прирост знания о различных областях политической жизни, раскрывает закономерности и перспективы политических процессов. Этому служат как теоретические изыскания, вырабатывающие принципы познания политических явлений, так и непосредственно исследования, поставляющие этой науке богатый фактический материал, конкретную информацию о тех или иных областях общественной жизни;

- во-вторых, с познавательной функцией тесно связана функция рационализации общественной жизни. Политическая наука дает объяснение и истолкование сложных политических процессов, раскрывает рациональный механизм этих процессов как взаимодействие человеческих целей, интересов, амбиций и так далее. Благодаря этому политические действия приобретают ясный и доступный сознанию индивида характер;

- в-третьих, практическая направленность политологии выражается и в том, что она способна вырабатывать научно обоснованные прогнозы о тенденциях развития политической жизни общества. В этом проявляется прогностическая функция политологии. Политология способна дать:

- 1) долговременный прогноз о диапазоне возможностей политического развития той или иной страны на данном историческом этапе;

- 2) представить альтернативные сценарии будущих процессов, связанных с каждым из выбираемых вариантов крупномасштабного политического действия;

- 3) рассчитать вероятные потери по каждому из альтернативных вариантов, включая побочные эффекты.

Политология, выступающая как своего рода интегральная дисциплина, изучающая политику во всех её проявлениях, имеет многомерный характер и проникает во все сферы человеческой жизни. Предназначением политической сферы общества в отличие от экономической, социальной и духовной, а также всех других является организация и осуществление государственного управления обществом в целом (от общегосударственного уровня до самых мелких структур в государственном управленческом комплексе). Без политической системы жизнь общества уподобилась бы броуновскому движению, и оно просто не способно было бы существовать. В современном толковании предметом исследования политологии является мир политического в его тотальности и многообразии, все то, что охватывается понятием «политическое». Всю совокупность проблем, которыми занимаются политологи, можно подразделить на три блока. Во-первых, это социально-философские и идейно-теоретические основания политики, системообразующие признаки и характеристики подсистемы политического, политические парадигмы, соответствующие тому или иному конкретному историческому периоду. Во-вторых, политические системы и политическая культура, отличия и сходства между различными политическими системами, их преимущества и недостатки, политические режимы, условия их изменения и смены. В-третьих, политические институты, политический процесс, политическое поведение. Причем нельзя говорить об иерархической соподчиненности этих трех блоков, о большей или меньшей значимости того или иного из них.

С целью раскрытия роли политологии в общественном развитии, можно построить своеобразную трехуровневую модель социальных общностей, взаимодействующих с политикой. Первый уровень – формационный, его составляют классовые общности. Второй – цивилизационный – уровень составляют профессиональные общности, интеллигенция и различные корпорации, представляющие специфические социально-исторические формы бытия общностей, возникающих на основе различных проявлений общественного разделения труда. Наконец, третий, социокультурный, уровень образуют те общности, которые основаны на глубинных культурных пластах социальности: этнические, религиозные, демографические общности. Каждый из уровней характеризуется специфической глубиной и устойчивостью политизации, которые задаются природой механизмов социальной интеграции, проявляющихся на каждом уровне. В этом случае социальное пространство оказывается иерархически организованным, причем каждый из уровней в зависимости от «глубины» залегания отличается большей или меньшей инерционностью. Особенности взаимодействия каждого из этих уровней с политикой в значительной мере определяются природой общности, то есть характером социальных различий, лежащих в основе ее самоопределения. При этом различия отражаются не только и не столько в условиях жизнедеятельности общности, но и в формах социальной деятельности общности и ее сознании. Неизбежные ситуации «наложения» политических и неполитических проблем и противоречий общностей различных типов друг на друга создают дополнительную сложность в возможном несоответствии этих трех элементов друг другу. Внутренние механизмы саморегуляции при таком наложении могут замещаться внешним политическим регулированием. В ситуациях «избыточной» и «недостаточной» политизации ослабление внутренних механизмов саморегуляции формационных общностей позволяет приобрести политическую окраску более глубоким механизмам социальности: социокультурным и цивилизационным. А в случае естественного или принудительного (политического)

ослабления внутриобщностного саморегулирования индивиды меняют свои социальные роли, стиль жизни и связанные с ним индивидуальные жизненные стратегии, что сказывается на их политическом сознании и поведении. В российской социальной теории в настоящее время происходит нечто подобное с представлениями о социальных общностях и группах. Эти проблемы в условиях Российской Федерации возникают, прежде всего, в контексте очередной попытки осуществить модернизацию общества: маргинальность, размытость границ классов, слоев и групп, «превращенные» формы социальной и политической активности вызваны, в первую очередь, осуществляемыми реформами, а лишь затем постиндустриальными инновациями.

В качестве вывода отметим, что политическая сфера обладает относительной самостоятельностью, так как логика политических деяний и идей не является простым слепком с социально-экономических отношений. Следовательно, при условии адекватного отражения политикой потребностей общественного развития, политология становится силой, содействующей эффективной реализации тех возможностей, которые заложены в системе общества.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Политология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2001. 47 с.
2. Грачев М.Н. Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики // “Новая” Россия: политическое знание и политологическое образование: Материалы межвузовской научной конференции, 1–2 декабря 2000 г. – М.: РГГУ, 2000. 185 с.
3. Грачев М.Н., Ирхин Ю.В. Актуальные проблемы политической науки: Коллективная монография. – М., 1996. 200 с.
4. Политический словарь. – <http://politbook.ru/content175664> (дата обращения 19.05.2017).
5. Сунгуров А.Ю. Международная политическая наука: новые региональные и теоретические перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 4, № 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 123 с.
6. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис, № 2, 2009. 2 с.

Подписано в печать 09.06.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,18. Тираж 500 экз. Заказ № 170
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а